

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1905.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово, о покаяніи и исправленіи жизни, произнесено въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ въ недѣлю о блудномъ сынѣ, 13-го февраля 1905 года. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* 295—240

Вѣра. (Перепечатано изъ книжки подъ заглавіемъ „Вопросы жизни“). * * * 241—248

Буддизмъ и христіанство. (Продолженіе). *Г. Краснитскаго* 244—262

Библейскій допотопный человекъ и диллювіальный человекъ науки. *Свяц. Іанова Галахова* 263—288

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Іоаннъ Италъ, византійскій философъ конца XI вѣка. *Димитрія Брянцева* 153—160

Ученіе о личности. (Рефератъ соч. С. Ріатъ: „La personne humaine“ Paris, 1897 г.). (Окончаніе). *А. Матвѣева* 167—192

III. ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшая награда.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Братства Озерянской Божіей Матери.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища за 1903—1904 учебный годъ. (Продолженіе). Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—II. Настоящее горе Россіи. *Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго*.—Какой типъ пастыря Церкви наиболее желателенъ въ настоящее время? *Священника Димитрія Ромашкова*.—Изъ дневника миссіонера. *И. Г. Айвазова*.—Къ вопросу о взаимоотношеніи воспитанія и обученія въ начальныхъ школахъ. *С. Ч.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17

1905.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ прѣродѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщаются отдѣлы подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ м. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Марта 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

о покаяніи и исправленіи жизни *).

Св. Православная Церковь, какъ любвеобильная мать, непрестанно пекущаяся о чадахъ своихъ, уже давно приготовляетъ насъ, братіе, къ великому посту и покаянію. „*Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче*“, слышимъ мы въ храмѣ ея молитвенный гласъ. Подателю жизни и спасенія моего! отверзи мнѣ толкущему двери покаянія, не отринь меня, прими въ храмъ Твой святой, сердечно каюсь предъ Тобой; *утренюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему*. Но съ чѣмъ предстану предъ Тобой, Господи, *храмъ носяи тѣлесный весь оскверненъ?* Весь я погруженъ въ безднѣ грѣха, въ похотяхъ плотскихъ; весь я оскверненъ и опутанъ чувственными страстями и уже не могу собственными силами возстать отъ грѣха; но надѣясь на Твое безконечное милосердіе, къ Тебѣ взываю: *яко Щедръ, очисти благоутробною Твоею милостію*. И къ Тебѣ, Пресвятая Богородице, прибѣгаю и взываю: Ты моя постоянная заступница и помощница, *на спасенія стези на-*

*) Произнесено въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ въ недѣлю о Блудномъ сынѣ. 18-го февраля 1905 г.

стави мя, направь меня на путь истины и добра, внуши мнѣ сознаніе тяжкихъ грѣховъ моихъ, подвижи меня на подвигъ покаянія; студными бо окаляхъ душу грѣхми и во лѣности все житіе мое издихъ. Я'быль безпечень къ собственному спасенію и нынѣ, какъ великій грѣшникъ, молю Тя: избави мя отъ всякія нечистоты. Безъ числа согрѣшилъ я предъ Тобою, Господи! множество содѣянныхъ мною лютыхъ, помилуйляяй окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго; но не теряю надежды на спасеніе и не отчаеваюсь въ Твоей благодатной помощи и помилованіи. Вѣмъ Господи, что Твое милосердіе безмѣрно и потому надѣяся на милость благоутробія Твоего, яко Давидъ, вопію Ти: помилуй мя, Боже, по величій Твоей милости.

По истинѣ сіи покаянныя пѣснопѣнія св Церкви способны подвинуть и самаго закоренѣлаго грѣшника къ сокрушенію о грѣхахъ, молитвѣ и слезамъ и покаянію...

Желая, далѣе, показать вѣрующимъ путь духовнаго очищенія и оправданія, св. Церковь представляетъ намъ въ притчѣ о Мытарѣ и Фарисеѣ великій примѣръ истиннаго покаянія и молитвы. Въ недѣлю сихъ приточныхъ мужей она устами св. Евангелія научаетъ насъ, чтобы мы, подобно мытарю, молились съ духомъ смиреннымъ и сердцемъ сокрушеннымъ, чтобы подобно ему, съ сознаніемъ своей грѣховности, *бѣюще перси*, зывали: *Боже милостивъ буди мнѣ грѣшнику*, и чтобы, наконецъ, въ молитвѣ своей мы отвергли недостойную гордыню фарисея, какъ главное препятствіе къ покаянію.

Но дабы грѣшникъ не смущался тяжестью своихъ грѣховъ и не впалъ въ отчаяніе и безнадежность, св. Церковь въ настоящій день въ лицѣ приточнаго блуднаго сына представляетъ намъ ободряющій примѣръ

покаянія и безконечной любви и милосердія Господа, Который пріемлетъ всякаго кающагося грѣшника.

Видя столь великія и неусыпныя заботы св. Матери нашей Церкви о нашемъ спасеніи, мы съ особенною любовью и рвеніемъ должны стараться улучшить жизнь свою покаяніемъ и молитвою, сокрушеніемъ сердечнымъ, добрыми дѣлами. Блуждающіе по распутіямъ порока, объятые суетою грѣховной жизни, должны возвратиться къ Отцу своему Небесному, Который съ радостью пріиметъ ихъ, какъ принялъ блуднаго сына въ свои отчія объятіе. Прервавшіе общеніе съ Церковью и потерявшіе вѣру Христову должны прійти ко храму Святому и здѣсь въ молитвѣ мытаревой почерпнуть силы для своего духовнаго обновленія...

Къ сожалѣнію покаянный голосъ Св. Церкви не доходитъ до слуха многихъ современныхъ грѣшниковъ. Въ-мѣсто того, чтобы сдѣлаться послушными сынами Церкви, они вовсе отшатнулись отъ нея и потеряли вѣру въ Бога. Забывъ же Бога и его святой законъ христіанской любви, они стали на путь порока и нравственнаго развращенія. И что же видимъ вокругъ? Мы видимъ какъ среди всеобщаго развращенія и упадка нравовъ повсюду растутъ преступленія и пороки, какъ расшатываются твердые устои современной семьи и школы, какъ ослабѣваетъ повиновеніе властямъ, а на мѣсто законной власти выдвигаются самозванные представители, дерзновенно попирающіе законы божескіе и человѣческіе. Права и законы попираются, насиліе слѣпое и необузданное повсюду водворяются; самая жизнь благонамѣренныхъ гражданъ находится въ опасности. Убійство стало средствомъ злодѣевъ для достиженія ихъ преступныхъ цѣлей. О, какой позоръ и ужасъ! До чего мы дожили! Въ первопрестольной сто-

лицѣ Россіи—Москвѣ, самомъ Кремлѣ, сердцѣ ея, дерзкимъ злодѣемъ совершено убійство Мужа вѣры, благочестія и преданности Церкви, Великаго Князя, Дяди и Друга Государя, Сергѣя Александровича. А какая дерзновенная рѣшимость и какое злорадованіе крамольниковъ совершеннымъ злодѣяніемъ!.. Языкъ сковывается ужасомъ при мысли объ этомъ преступленіи и уста не находятъ словъ высказать достойное порицаніе разбойнику.

Одновременно съ симъ повсюду идетъ необычайное шатаніе народа, подымается смута; все рѣзче и дерзостнѣе становится крамола. Союзы врачей, адвокатовъ, ученыхъ, учащихся и разныхъ земскихъ дѣятелей, ихъ сходки и постановленія съ предъявленіемъ правъ, имъ не принадлежащихъ, съ требованіями, законами не признанными,—все это признаки печальнаго и гибельнаго состоянія нашего отечества.

Крамола проникла уже и въ среду простого рабочаго народа, трудящагося, вѣрующаго, покорнаго закону и Власти. Подъ вліяніемъ злонамѣренныхъ людей, они во многихъ мѣстахъ оставляютъ свой честный трудъ, устраиваютъ такъ называемыя забастовки, учиняютъ насиліе надъ своими товарищами, желающими трудиться, дѣлаютъ собранія и подъ угрозою заявляютъ начальству о непринадлежащихъ имъ правахъ.

Во многихъ мѣстахъ, на фабрикахъ и заводахъ работы прекратились: праздные рабочіе безъ дѣла и безъ хлѣба повсюду шатаются, производя уныніе въ обществѣ, нужду и голодъ въ семьѣ.

Велика скорбь нашего возлюбленнаго Монарха, неуспно радѣющаго о нуждахъ народа своего, велика скорбь отечества нашего столь страдающаго нынѣ отъ смутъ внутреннихъ и войны внѣшней. По истинѣ велико наше нравственное развращеніе и велико невѣріе

наше, что Господь Богъ посѣтилъ насъ столь великимъ бѣдствіемъ. Опомнимся же, братіе: Господь призываетъ насъ къ покаянію. Не будемъ глухи и слѣпы, дабы не упустить благопріятнаго времени для покаянія. Отечество наше велико и обширно, призваніе народа нашего среди другихъ народовъ славно и знаменательно, историческая миссія его, предуказанная самимъ Богомъ, необъятна. Но величіе народа нашего и историческое призваніе его дотолѣ будетъ принадлежать ему, пока мы сами будемъ достойны этого: но если не покаемся, отнимется отъ насъ все сіе и передано будетъ другимъ народамъ.

Что же станемъ нынѣ дѣлать, братіе? Необходимо прежде всего помнить Бога, крѣпко вѣровать въ Него и любить и всегда надѣяться на Него. Кто любитъ Бога тотъ заповѣди Его соблюдаетъ и не пойдетъ на худыя дѣла, тотъ не послушаетъ совѣтовъ злонамѣренныхъ людей; ибо знаетъ одну власть, поставленную Богомъ.

Далѣе, нужно крѣпко любить Государя Нашего какъ Помазанника Божія и всегда внимать Его велѣніямъ и законамъ. Любвеобильный Государь въ Свое десятилѣтнее царствованіе явилъ намъ много знаковъ своего монаршаго благоволѣнія и любви къ народу своему, и въ настоящее время особенно озабоченъ дарованіемъ народу разныхъ благъ гражданскаго благоустройства. А внимали-ли вы, братіе, его высокомилостивымъ словамъ, обращеннымъ къ рабочему сословію? По истинѣ Государь нашъ есть истинный чадолюбивый отецъ.

Повинуйтесь же Ему и поставленнымъ отъ Него властямъ, и любите Его не токмо за страхъ, но и за совесть, ибо нѣтъ власти аще не отъ Бога. Избѣгайте всякихъ возмутителей, подстрекающихъ васъ на худое,

не вѣрьте имъ и идите честнымъ и прямымъ путемъ въ своей жизни.

Нынѣ Св. Церковь требуетъ отъ насъ сугубаго покаянія въ содѣянныхъ противъ Бога и придержащихъ властей грѣхахъ. Всѣ мы, подобно блудному сыну, поправшему законы нравственные, нуждаемся въ скоромъ покаяніи и исправленіи. Кайтесь и молитесь, православные люди: еще не поздно. Господь насъ проститъ, наставитъ на путь истины и помилуетъ. Вамъ же, предстоящимъ здѣсь,—благословеніе, миръ и благожеланіе наше: идите съ миромъ и повѣдайте своимъ роднымъ и знакомымъ о томъ, что слышали вы отъ меня—своего Архипастыря, и пригласите ихъ во храмы, гдѣ пастыри ваши совершаютъ богослуженіе и усиленныя молитвы и неустанно проповѣдуютъ слово Божіе; напомните имъ и о словахъ Государя рабочимъ и о томъ поученіи, которое было произнесено въ прошлое воскресеніе въ храмахъ нашихъ и роздано народу; въ недоумѣніяхъ своихъ обращайтесь всегда къ законнымъ властямъ своимъ и къ пастырямъ церкви Христовой. Отъ слова Божія да будетъ разумѣніе ваше, да совершится ваше покаяніе въ постѣ и молитвѣ и да направится жизнь ваша на путь истинный. Аминь.

В Ъ Р А*).

Современные мыслители и ученые подвергают критикѣ не только основанія того или другого вѣроисповѣданія, но и сама основанія религіознаго чувства въ человѣчествѣ. Возбуждается вопросъ о нравственномъ и социальномъ его значеніи. Спрашиваютъ: возможно ли ему удержаться, и какое получить оно значеніе и какія формы въ примѣненіи къ новымъ условіямъ жизни, которыя можетъ создать будущая социальная эволюція человѣческаго общества.

Невозможно гадать о будущемъ, проникая мыслью въ тысячелѣтіе предстоящихъ судебъ вселенной и земного человѣчества. Тайна земного бытія остается передъ нимъ, мрачная и неразрѣшимая. Религіозное чувство нераздѣльно съ нею: оно живо и неискоренимо, ибо коренится въ природѣ земного бытія человѣческаго. Человѣкъ всегда будетъ ощущать свое безсиліе, не смотря на всѣ усовершенствованія матеріальныхъ условій частной и общественной жизни, всегда будетъ ощущать себя раздвоеннымъ существомъ, вопреки всѣмъ ученіямъ провозглашающимъ свободу плоти и похоти, всегда будетъ сознательно или бессознательно стремиться къ идеальному единству и совершенству. Сколько бы ни ощущалъ онъ въ себѣ животной силы и энергіи, сколько бы ни наслаждался ею, душа его не переставетъ помышлять о предѣлѣ земного бытія. И мы видимъ, что по мѣрѣ того какъ овладѣваетъ человѣкъ силами природы, временемъ и пространствомъ, душа человѣческая не

*) Перепечатано изъ книжки подъ заглавіемъ: „Вопросы жизни“. Москва. Синодальная типографія. 1904 г. *Ред.*

только не удовлетворяется, но все больше ощущаетъ духовную пустоту и тоску о жизни.—Доколѣ человѣкъ не превратится совсѣмъ въ животное, религіозное чувство нельзя исторгнуть изъ души его и изъ соціальной жизни: всякое для этого насиліе будетъ безуміемъ, и самыя фанатическія преслѣдованія религіи приведутъ съ другого конца развѣ къ извращенію вѣры—въ суевѣріе. Формы религіознаго чувства неистощимы, простираясь отъ самаго чистаго и возвышеннаго къ чудовищному. Охраненіе высоты, чистоты и истины религіознаго вѣрованія принадлежитъ церкви. Церковь, не взирая на разнообразную примѣсь формъ и видимыхъ обрядовъ и обычаевъ, подлежащихъ переменамъ въ теченіе вѣковъ, останется всегда ковчегомъ религіозной истины. Въ церкви религіозное чувство впадаетъ въ заблужденія плоти и гордости, въ мечтательное настроеніе духа, въ фантастическія формы культа.

Наше время—время упадка религіознаго чувства, или лучше сказать, его извращенія. Съ отрицаніемъ преданія, закона принятыхъ началъ нравственности, соединяется исканіе новыхъ формъ вѣрованія, новыхъ нравственныхъ началъ, измышленіе новыхъ фантастическихъ предметовъ культа—состояніе подобное тому, въ коемъ пребывало Римское общество въ эпоху Антониновъ. Но глубокая душа, жаждущая и ищущая истины, рано или поздно почувствуетъ и познаетъ ее.

Гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ на чемъ утвердить чувство долга и сознаніе отвѣтственности—основу всякаго нравственнаго побужденія и воли? Религія одна есть правило жизни, непрестанное напоминаніе человѣку, что есть Богъ и ищущимъ Его Мздовоздатель,—духовный авторитетъ, на коемъ утверждается обязанность человѣка къ Богу и ближнимъ.

Этого не можетъ замѣнить никакое нравственное ученіе. Оно основывается теоретически на началѣ блага общественнаго, пользы общественной (утилитаріанизмъ), съ отрицаніемъ религіознаго начала, хотя практическіе выводы и положенія этого ученія почерпаются изъ понятій и обычаевъ, исходящихъ изъ религіи и на ней основанныхъ. Но нравственное

правило, въ примѣненіи къ дѣйствительности, къ обстоятельствамъ мѣста и времени, къ интересамъ своего я и другихъ лицъ, подвержено колебаніямъ и сомнѣніямъ, требующимъ повѣрки съ основнымъ началомъ, которое для утилитарной нравственности замѣняетъ совѣсть. Но это начало *абстрактное*, и потому рѣшеніе на основаніи его вопроса о томъ, что должно въ данномъ случаѣ дѣлать или какую цѣну имѣетъ сдѣланное, требуетъ умственной операціи, мало кому доступной и во всякомъ случаѣ неясной и сопряженной съ колебаніями, сомнѣніями, и съ возбужденіемъ новыхъ вопросовъ.

Напротивъ того религіозное мѣрило долга не умственное и не абстрактное, но связано нераздѣльно съ живымъ чувствомъ тронутой вѣрою души, и способно дѣйствовать на душу непосредственно, безсознательно и безъ умственнаго напряженія, примѣняясь свободно къ новымъ отношеніямъ и условіямъ жизни, но не измѣняясь въ основѣ своей и въ господственномъ дѣйствіи на душу. На началахъ нравственности создается искусственная совѣсть, но христіанская совѣсть есть око Божіе въ душѣ человѣка: а передъ нею—животворящій ее любовью и правдой живой образъ Божій въ лицѣ Христа Спасителя.

И некуда убѣжать человѣку отъ вѣры, потому что онъ самъ отъ себя убѣжать не можетъ. Какъ бы твердо ни положилъ онъ, въ своей гордости, отрѣшиться отъ Бога и быть самъ себѣ Богомъ, онъ остается на землѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ тайною бытія, и какъ бы ни хотѣлъ отъ нея зажмуриться, не можетъ въ тайникахъ души своей не ощущать ее. Все таки стоитъ онъ—на порогѣ чего-то невѣдомаго и вѣчнаго, имѣя, по выраженію Гёте,—внизу, подъ собою, *могилы*, а сверху, надъ собою, *звѣзды* свода небеснаго.

* * *

БУДДИЗМЪ И ХРИСТИАНСТВО.

Разборъ сходствъ, устанавливаемыхъ между евангельскими сказаніями и буддійскими легендами.

4. МѢСТО РОЖДЕНІЯ.

(Продолженіе *).

Мѣстомъ рожденія на землѣ нашего Господа былъ Виѳлеемъ, родной городъ Давида, праотца Иисуса Христа по плоти ¹⁾, какъ предсказалъ объ этомъ событіи пророкъ Михей ²⁾. Отрицательные критики евангельской исторіи считаютъ дѣйствительнымъ мѣстомъ рожденія Назаретъ, а рассказъ о путешествіи въ Виѳлеемъ называютъ вымышленнымъ ³⁾; изслѣдователи же буддизма указываютъ источникъ этого рассказа въ буддійской легендѣ. При чемъ Зейдель обращаетъ вниманіе на то, что, по сказанію легенды, мѣстомъ рожденія Будды, согласно рѣшенію, принятому на небѣ, былъ назначенъ городъ Капилавасту, построенный десятью сыновьями праотца на томъ мѣстѣ, гдѣ они встрѣтили кающагося Капилу. Этотъ городъ восхваляли на небѣ, какъ „великій городъ существа, насадившаго корни добродѣтели“ ⁴⁾.

По поводу такого сопоставленія евангельскаго сказанія съ легендою замѣтимъ, что упоминаніе о мѣстѣ рожденія того или другого лица въ рассказѣ о его жизни столь естественно и обычно, что само по себѣ не даетъ рѣшительно никакого основанія для сближенія двухъ сказаній.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1905 г. № 4.

¹⁾ Мате. 1 гл. 1 ст.

³⁾ Таково мнѣніе Штрауса, Ренана.

²⁾ Мих. 5 гл. 2 ст.

⁴⁾ Lalita Vistara, стр. 27.

Указаніе въ легендѣ на значеніе города Капилавасту и отношеніе его къ предкамъ Будды не имѣетъ ни одного сходнаго пункта въ евангельскомъ разсказѣ. Евангелистъ Матеей только упоминаетъ о Виелеемѣ, какъ мѣстѣ рожденія Иисуса Христа ¹⁾; а ев. Лука кратко объясняетъ причину отправленія Иосифа и Пресвятой Дѣвы Маріи въ этотъ городъ ²⁾. Самый Виелеемъ ни по своему началу, ни по своей дальнѣйшей судьбѣ нисколько не напоминаетъ Капилавасту, города, основаннаго на мѣстѣ встрѣчи кающагося Капила. Виелеемъ (домъ хлѣба) принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Палестины. Онъ уже существовалъ при Иаковѣ, жена котораго, Рахиль, умерла и была похоронена около этого города, носившаго еще и другое имя: Еффраеа ³⁾. По завоеваніи Палестины евреями, Виелеемъ достался въ удѣлъ колѣну Іудину ⁴⁾. Отсюда происходитъ Воозъ, прадѣдъ Давида ⁵⁾. Здѣсь жилъ и самъ Давидъ, когда пасъ стада своего отца и былъ помазанъ Самуиломъ, по особому указанію свыше, какъ будущій царь еврейскаго народа ⁶⁾. Все это такъ далеко отъ сказанія легенды о Капилавасту, что усматривать здѣсь хотя какое нибудь сходство нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Въ легендѣ Капилавасту избирается мѣстомъ рожденія будущаго Будды совершенно независимо отъ отношенія къ этому городу предковъ Будды, а исключительно, какъ городъ, построенный тамъ, гдѣ великій подвижникъ древности Капила, по смыслу легенды, своимъ покаяніемъ подготовилъ искупительную дѣятельность Будды. Иисусъ Христосъ родился въ Виелеемѣ, родномъ городѣ Давида, потому что, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, Иосифъ и Марія принуждены были отправиться туда, откуда происходилъ ихъ царственный предокъ.

Разсказъ евангелія о самомъ путешествіи въ Виелеемъ отличается вполне историческимъ характеромъ. Перепись, которая послужила поводомъ къ этому путешествію, должна быть признана дѣйствительнымъ событіемъ. Она соответствуетъ общему характеру дѣятельности императора Августа, направленной

1) Мѡ. 2 гл. 1 ст.

2) Лук. 2 гл. 1—5 ст.

3) Быт. 35 гл. 16, 19 ст.

4) Іус. Нав. 15 гл. 59 ст.

5) Руѡв. 2 гл. 4 ст. 4 гл. 13, 17—22 ст.

6) 1 Цар. 16 гл.

на водвореніе порядка въ обширной имперіи, только что пережившей ужасы гражданскихъ потрясеній и междоусобицъ, а особенно на упорядоченіе финансовъ, разстроенныхъ во время этихъ волненій.

Производство самой переписи при Августѣ подтверждается свидѣтельствомъ историка Тацита. Тиверій, вступивъ на престолъ по смерти Августа, потребовалъ отъ сената свѣдѣній, переписанныхъ рукою самого Августа, о числѣ римскихъ гражданъ и союзниковъ, служащихъ въ войскѣ, о составѣ флота, о числѣ царствъ, провинцій и о суммѣ всѣхъ собираемыхъ податей и поземельныхъ налоговъ ¹⁾ Подобное свидѣтельство приводятъ Светоній и Діонъ Кассій ²⁾. Очевидно, всѣ эти точныя и подробныя свѣдѣнія, касающіяся римской имперіи и другихъ странъ, входящихъ въ ея составъ въ качествѣ союзныхъ государствъ, Августъ могъ приобрѣсти только чрезъ всеобщую перепись, которая, должна была производиться во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ.

О другой переписи, во время которой произошло возмущеніе Иуды Галилеянина, упоминаемой ев. Лукою въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ ³⁾, свидѣтельствуешь Иосифъ Флавій ⁴⁾. Это обстоятельство указываетъ, что и въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ рѣчь идетъ о дѣйствительномъ, историческомъ событіи, хорошо извѣстномъ писателю. Иудеи, ставшіе подвластными римлянамъ ⁵⁾ со времени взятія Иерусалима Птолемеемъ въ 63 году до Р. Х. ⁶⁾, подлежали этой переписи одинаково со всѣми остальными покоренными Риму народами. По свидѣтельству Страбона ⁷⁾, часть римскихъ владѣній находилась подъ управленіемъ своихъ царей, которые подлежали непо-

1) C. Cornelli Taciti opera. Weise. Lipsiae. 1829. Annalium lib. I, 11.

2) Svetonii Tranquilli opera. Oxonii. 1690. De XII Caesaribus Augustus. 101 стр. Dion Cassius LXVI, 33.

3) 5 гл. 37 ст.

4) Древн. іуд. 18 кн. 1 гл. 18.

5) Иоан. 19 гл. 15 ст.

6) Древн. іуд. 14 кн. 4 гл. 4—5 ст.

7) Страбонъ былъ современникомъ Августа и Тиверія. Географія Страбона. Русскій переводъ. М. 1879. VI кн. 4 гл. 2. XII кн. 1 гл. 4. XIII кн. 2 гл. 3; 4 гл. 8. XVII кн. 1 гл. 54.

средственному вѣдѣніи императора ¹⁾, а потому въ этихъ владѣніяхъ могла быть произведена перепись по повелѣнію Августа, какъ говорить объ этомъ евангелистъ. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что управлявшій въ то время Іудеею Иродъ сначала Антоніемъ былъ назначенъ четвертовластникомъ ²⁾, а потомъ имъ же вмѣстѣ съ самимъ Августомъ торжественно былъ удостоенъ титула царя Іудеи ³⁾. Къ тому же, Иродъ отличался хитростью и старался своею угодливостью предъ римлянами склонить ихъ въ свою пользу и заслужить ихъ расположеніе ⁴⁾.

Перепись, предпринятая по повелѣнію Августа, могла производиться въ Іудеѣ согласно мѣстнымъ законамъ и обычаямъ; такъ какъ всѣ находившіеся подъ властью римскаго императора князья, цари и жрецы управляли странами по отечественнымъ законамъ ⁵⁾; а іудеи, кромѣ того, имѣли, особое дозволеніе отъ римскаго правительства поступать по своимъ законамъ ⁶⁾. По отношенію къ Іудеѣ такой порядокъ былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что іудеи отличались особенною ненавистью ко всему инопоземному, языческому и неоднократно выражали эту ненависть открытымъ возмущеніемъ ⁷⁾.

По іудейскому обычаю, перепись производилась по колѣнамъ, родамъ и семействамъ ⁸⁾. Такъ какъ послѣ плѣна нѣкоторыя

1) Страбонъ. XVII кн. 3 гл. 25.

2) Древн. іуд. 14 кн. 13 гл. 1.

3) Тамъ же 14 кн. 14 гл. 4—5. Страбонъ. XVI кн. 2 гл. 46.

4) О древн. іуд. 14 кн. 11 гл. 2, 6; 12 гл. 46.

5) Страбонъ. XVII кн. 3 гл. 24.

6) О древн. іуд. 14 кн. 10 гл.

7) 1 Мак. 6 гл. 59 ст. Во время другой переписи, произведенной нѣсколькими годами позже, очевидно, безъ вниманія къ іудейскимъ законамъ и обычаямъ, произошелъ мятежъ. Дѣян. 5, 37.

8) Числ. 1 гл. 2 с., 3 гл. 15 с., 26 гл. Ис. Нав. 7 гл. 14, 16—17 с., 2 Цар. 24 гл. 2 ст. Послѣ указавія на повелѣніе произвести исчисленіе по семействамъ (Числ. 26 гл. 2 ст.) названы только колѣна и поколѣпія, а не семейства (тамъ же 5—50 ст.) вѣроятно, потому, что послѣднихъ было слишкомъ много. (Лопухинъ. Законодательство Моисея. Спб. 1882 стр. 101). Производство переписи по колѣнамъ, родамъ и семействамъ у іудеевъ вызывалось тѣмъ, что вся обитаемая земля раздѣлялась на строго опредѣленные удѣлы. Всякое колѣно было настолько пріурочено къ своему удѣлу, что даже дочь наследница непремѣнно должна была вступать въ бракъ съ лицомъ только изъ одного съ ней колѣна. (Чис.

колѣна не возвратились, то перепись должна была производиться, главнымъ образомъ по родамъ и семействамъ ¹⁾. По возвращеніи изъ плѣна, каждый іудей долженъ былъ поселиться въ своемъ отечественномъ городѣ ²⁾, откуда происходили его предки. Но такъ какъ одна десятая часть возвратившихся изъ плѣна іудеевъ, независимо отъ колѣна и племени, изъ которыхъ они происходили, оставила свои отечественные города и поселилась въ Іерусалимѣ ³⁾; а съ другой стороны, вслѣдствіе многочисленныхъ и частыхъ смуть, евреи нерѣдко принуждены были покидать свои города ⁴⁾; нѣкоторые роды и семейства вымирали или были истреблены на войнѣ и замѣнялись новыми ⁵⁾; поэтому произвести перепись по іудейскому обычаю и нельзя было иначе, какъ только заставивъ каждого отправиться въ тотъ городъ, откуда происходили его предки.

Что касается собственно путешествія Пресвятой Дѣвы Маріи въ Вифлеемъ, то оно не представляется непонятнымъ и необъяснимымъ. Быть можетъ, при производствѣ переписи, требовалось личное присутствіе Ея, какъ признаваемой закономъ наследницы имущества своихъ родителей, которые не имѣли сыновей ⁶⁾. Но если въ этомъ случаѣ было необходимо только внесеніе Ея имени въ списокъ ⁷⁾, то и тогда Ея путешествіе становится вполне понятнымъ. Принятая Іосифомъ, какъ жена, Пресвятая Дѣва Марія свободно могла принять съ нимъ участіе въ путешествіи. Побужденія къ такому путешествію

36 гл. 8—9 ст.). Территорія каждого колѣна, въ свою очередь, была точно разграничена между отдѣльными племенами. (Чис. 33 гл. 54 ст.). Каждому семейству въ племени также былъ отведенъ опредѣленный участокъ. (Чис. 26 гл. 33 ст.).

1) 1 Ездры 1 гл. 5 ст. 2 гл. 1—61 ст. 8 гл. 1—14 ст. Нееміи 7 гл. 5—60 ст. 2 Ездры 5 гл. 4, 7—34 ст. 5 гл. 28—40 ст.

2) Нееміи 11 гл. 3 ст.

3) Тамъ же, 11 гл. 1 ст.

4) 1 Мак. 1 гл. 53 ст. 2 гл. 28—30 ст. 3 гл. 45 ст.

5) Кейль. Руководство къ библейской археологін. Часть 2, стр. 248.

6) Чис. 27 гл. 8 ст. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что Іосифъ, вступая съ Пресвятою Дѣвою въ формальный бракъ, какъ съ наследницею уже умершихъ родителей, самъ подлежалъ записи въ потомство Ея отца (Числ. 36 гл. 8—9 ст. 1 Парал. 2 гл. 21—22 ст. Чис. 32 гл. 4 ст. Неем. 7 гл. 63 ст.).

7) Прессансе. Жизнь Іисуса Христа, стр. 13.

могли быть различны. Ея тогдашнее положеніе, отношеніе къ Ней Іосифа, какъ Ея защитника и хранителя, возможное замедленіе его въ Внолеемѣ во время записи, бѣдность его— все это могло располагать Пресвятую Дѣву къ путешествію ¹⁾. Не было ли въ данномъ случаѣ также желанія внести въ списки, составлявшіеся по іудейскому закону, имя великаго Младенца, обѣтованнаго Мессіи, рожденіе котораго скоро ожидалось?

Съ другой стороны, можно предполагать, что по намѣренію Іосифа, въ виду скорого рожденія Спасителя, отправленіе въ Внолеемъ для записи въ то же время было и окончательнымъ переселеніемъ изъ Назарета. Думая, вѣроятно, что обѣтованный Мессія, величайшій потомокъ Давида, долженъ будетъ жить на родинѣ своего царственнаго праотца, вблизи святаго города и храма, Іосифъ, по возвращеніи изъ Египта, намѣревался остаться въ Іудеѣ. Но лишь боязнь преслѣдованія со стороны сына умершаго Ирода, Архелая, принявшаго титулъ царя ²⁾ и уже успѣвшаго омрачить свое правленіе крайне жестокимъ обращеніемъ съ своими подданными ³⁾, удержала его отъ вступленія въ эту страну ⁴⁾ и, очевидно, поставила его въ затрудненіе относительно выбора новаго мѣста для жительства; такъ какъ потребовалось особенное указаніе свыше, чтобы Іосифъ съ Пресвятою Дѣвою и Божественнымъ Младенцемъ снова поселился въ убогой хижинѣ скромнаго Галилейскаго города Назарета ⁵⁾. Понятно, что, при такомъ намѣреніи Іосифа, путешествіе Пресвятой Дѣвы Маріи въ Внолеемъ, независимо отъ всѣхъ остальныхъ побужденій, являлось необходимымъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что рассказъ о путешествіи Іосифа и Пресвятой Дѣвы Маріи въ Внолеемъ не можетъ быть признанъ легендарнымъ. Ничто не могло быть такъ ненавистно для іудеевъ, гордившихся своимъ происхожденіемъ

¹⁾ Тамъ же стр. 18. Скворцовъ. Жизнь Іисуса Христа, стр. 27. Земная жизнь Господа Спасителя. Перев. Орды, стр. 42. Буткевичъ. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Спб. 1887, стр. 295.

²⁾ Древн. іуд. 17 кв. 9 гл. 2.

⁴⁾ Мф. 2 гл. 22 ст.

³⁾ Тамъ же 17 кв. 11 гл.

⁵⁾ Эдершеймъ. 1 т., стр. 233.

отъ Авраама ¹⁾, какъ напоминаніе объ ихъ зависимости отъ языческаго императора, которое дѣлается въ этомъ разсказѣ ²⁾. Легенда, несомнѣнно, указала бы другія обстоятельства, чтобы представить Внолеемъ мѣстомъ рожденія Мессіи. Къ тому же, краткость разсказа, скудость сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и отсутствіе всякихъ прикрасъ, на которыя такъ щедры легенды, служатъ подтвержденіемъ его исторической достовѣрности ³⁾.

5. РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Приведеніе евангелистами родословныхъ таблицъ, указывающихъ на предковъ Іисуса Христа по плоти, по мнѣнію Зейделя, является полною соотвѣтствующимъ буддійскимъ легендамъ, которыя также приводятъ списокъ предковъ Будды, чтобы доказать его царское и божеское происхожденіе ⁴⁾.

Подобное сопоставленіе евангелія и легенды кажется въ высшей степени страннымъ и непонятнымъ. Указаніе родословія того или другого лица, болѣе или менѣе чѣмъ нибудь замѣчательнаго, представляетъ собою столь обычное явленіе, особенно у древнихъ народовъ, что для объясненія его нѣтъ никакихъ основаній предполагать заимствованіе или даже простое подражаніе.

Указаніе на сходство родословныхъ таблицъ, для доказательства царскаго и божескаго происхожденія Іисуса Христа и Будды, несправедливо. Если въ буддійской легендѣ такія таблицы, дѣйствительно, имѣютъ цѣлью возвысить личность Будды, какъ потомка древняго знаменитаго рода, ведущаго

¹⁾ Іоан. 8 гл. 33, 39 ст.

²⁾ Эдершеймъ 1 т., стр. 231.

³⁾ Тамъ же 236—237 стр. Несомнѣнная историческая достовѣрность евангельскаго сказанія о путешествіи въ Внолеемъ Іосифа и Пресвятой Дѣвы Маріи самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ мнѣніе отрицательной критики о рожденіи Іисуса Христа въ Назаретѣ, на чемъ Стаплей основываетъ свое мнѣніе о путешествіи буддійскихъ миссіонеровъ въ Палестину и о вліяніи ихъ на месіанское воззрѣніе лицъ, окружавшихъ Младенца Христа. (Stanley. An outline of the future religion of the world. London 1884, стр. 319—321).

⁴⁾ Das Evangelium стр. 105—106.

свое начало отъ самихъ боговъ ¹⁾), то совершенно другое значеніе онѣ имѣютъ въ евангеліи. Назначая свое евангеліе для христіанъ изъ іудеевъ ²⁾), ев. Матѳей приводитъ родословныя таблицы, начиная отъ Авраама, который никогда не былъ царемъ, съ тою цѣлью, чтобы доказать, что Іисусъ Христосъ есть дѣйствительно обѣтованный Мессія, происшедшій изъ рода Авраама и Давида, какъ это было открыто Самимъ Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ ³⁾). Ев. Лука, писавшій свое евангеліе для христіанъ изъ язычниковъ ⁴⁾), обращаетъ вниманіе на происхожденіе Іисуса Христа отъ общаго родоначальника всего человѣчества—Адама, вышедшаго изъ рукъ Самого Творца, указывая этимъ на значеніе совершеннаго Спасителемъ искупленія для всего человѣческаго рода.

Содержаніе родословныхъ таблицъ, приводимыхъ въ евангеліи и легендѣ, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго. Помимо того, что въ обѣихъ таблицахъ не сходны отдѣльныя имена, самый характеръ таблицъ совершенно различенъ. Родословная Будды представляетъ собою длинный списокъ лицъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, несомнѣнно, мнѣическія, съ указаніемъ огромнаго числа потомковъ того или другого лица изъ этой родословной ⁵⁾). Ничего подобнаго нѣтъ въ евангельскихъ родословныхъ. О какихъ либо мнѣическихъ лицахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Большая часть упоминаемыхъ здѣсь именъ встрѣчается въ священно-историческихъ книгахъ ветхаго завѣта ⁶⁾ и принадлежитъ извѣстнымъ въ ветхозавѣт-

1) Предокъ Будды у южныхъ буддистовъ представляется сверхъ-естественнымъ существомъ, блиставшимъ подобно солнцу. По сказанію сѣверныхъ буддистовъ, сыновья Готамы, предки Будды, назывались происшедшими изъ солнечнаго рода, такъ какъ они явились на свѣтъ особеннымъ образомъ. (Керн. I т. стр. 310—312).

2) Евсевій. Церковная исторія. 3 кн. 24 гл.

3) Быт. 12 гл. 3 ст. 22 гл. 18 ст. 26 гл. 4 ст. 28 гл. 14 ст. 2 Цар. 7 гл. 12—16 ст. 1 Парал. 17 гл. 11—14 ст. Псал. 88, 5 ст. Исаія 11 гл. 1 ст. Иерем. 23 гл. 5—6 ст. на основаніи этихъ пророчествъ, іудеи считали Мессію потомкомъ Давида. Мѳ. 12 гл. 23 ст. 20 гл. 30 ст. 21 гл. 9—15 ст. 22 гл. 42 ст.

4) По свидѣтельству Иринея, ев. Лука письменно изложилъ евангеліе, которое ап. Павелъ проповѣдовалъ устно. (Противъ ересей. III кн. 1 гл.)

5) Керн. I т. стр. 310—313.

6) Быт. 5 гл. 10 гл. 11 гл. 21 гл. 2—3 ст. 25 гл. 26 ст. 29 гл. 35 ст. 38 гл. 29 ст. 1 Парал. 1—4 гл. Руфь. 4 гл. 18—22 ст.

ной исторіи лицамъ ¹⁾). Различіе нѣкоторыхъ именъ въ обоихъ евангельскихъ родословіяхъ съ большою вѣроятностью объясняется тѣмъ, что ев. Матеей привелъ родословіе Іосифа, а ев. Лука—Пресвятой Дѣвы Маріи ²⁾). Нѣкоторыя имена изъ этихъ родословныхъ совсѣмъ не встрѣчаются въ священно-историческихъ книгахъ ³⁾; но это не говоритъ противъ ихъ исторической достовѣрности. Въ этихъ книгахъ помѣщены родословныя таблицы далеко не всѣхъ родовъ. Это особенно ясно видно изъ первой книги Ездры и книги Нееміи. Въ перечнѣ лицъ, возвратившихся изъ плѣна, на ряду съ числомъ членовъ извѣстнаго поколѣнія, глава котораго называется ⁴⁾, приводится общее число уроженцевъ и жителей различныхъ городовъ, безъ указанія принадлежности ихъ къ какому-нибудь поколѣнію ⁵⁾. Между тѣмъ, у нихъ, несомнѣнно, были родословныя записи, потому что въ этомъ перечнѣ отдѣльно упоминаются возвратившіеся изъ плѣна, которые, за отсутствіемъ родословныхъ записей, не могли доказать своего еврейскаго происхожденія или своей принадлежности къ священническому роду ⁶⁾. Равнымъ образомъ, въ первой книгѣ Паралипомевонъ приведенъ списокъ потомковъ Давида чрезъ Соломона, такъ какъ цари были изъ этого рода, а остальные сыновья Давида только перечислены по именамъ, но родословныя ихъ потомковъ не приведены ⁷⁾. Вотъ потому-то родословная въ евангеліи Луки, которая ведется

1) Таковы у Матеея 1 гл. 2—12 ст. у Луки 3 гл. 27, 31—38 ст.

2) Богословскій стр. 59—68. Такъ какъ по закону бракъ могъ совершаться только между членами одного колѣна (Числ. 36, 8), то Іосифъ и Марія, принадлежавшіе, слѣдовательно, къ одному (Іудину) колѣну, должны были имѣть нѣкоторыхъ общихъ предковъ, что и подтверждается обѣими родословными. (Ме. 1 гл. 3—6, 12 ст. Лук. 3 гл. 27 гл. 31—33 ст.). Доказательства принадлежности Пресвятой Дѣвы Маріи къ роду Давида смотри у Муретова: „Родословія Христа“ (Душеполезное чтеніе 1903 г. октябрь 248—249 ст.).

3) Ме. 1 гл. 13—16 ст. Лук. 3 гл. 23—31 ст. кромѣ двухъ именъ: Заровавеля и Салаеіа (27 ст.).

4) 1 Ездры 2 гл. 3—20, 31—32 ст. Неем. 7 гл. 8—24, 34—35 ст.

5) 1 Ездры 2 гл. 21—30, 33—35 ст. Неем. 7 гл. 25—33, 36—38 ст. Въ томъ числѣ указаны уроженцы города Виелесма. 1 Ездры 2 гл. 21 ст. Неем. 7 гл. 26 ст.

6) 1 Ездры 2 гл. 59—62 ст. Неем. 7 гл. 61—64 ст.

7) 1 Парал. 3 гл.

черезъ Наавана, другого сына Давида, содержитъ въ себѣ имена, не встрѣчающіяся въ ветхозавѣтныхъ книгахъ.

Съ другой стороны, часть обоихъ родословій, представляющая собою перечень лицъ, жившихъ послѣ плѣна, легко могла быть опущена въ списокъ потомковъ Іехоніа ¹⁾, гдѣ ведется родословная только по одной линіи ²⁾; тѣмъ болѣе, что въ царственномъ родѣ Давида, лишенномъ своей славы и величія, встрѣчались столь бѣдные и скромные по своему общественному положенію члены ³⁾, что ихъ родословная запись, какъ не имѣвшая общественнаго значенія, могла не вноситься въ священныя книги, а лишь сохранялась въ этомъ поколѣніи. Другія же имена изъ евангельскихъ родословныхъ и не могли быть записаны въ священныя книги, потому что они принадлежали лицамъ, жившимъ не задолго до Р. Х., когда священная письменность у евреевъ уже прекратилась ⁴⁾.

Отрицая, такимъ образомъ, всякое сходство евангельскихъ родословныхъ таблицъ съ буддійскими и настаивая на ихъ исторической достовѣрности, мы утверждаемъ, что само внесеніе таблицъ въ евангеліе было произведено безусловно внѣ всякаго вліянія легенды, какъ образца для подражанія. Призывать противное значитъ обнаруживать полное незнаніе ветхозавѣтной исторіи. Моисей, описывая первоначальную исторію человѣческаго рода, приводитъ родословныя таблицы потомковъ Адама, жившихъ до потопа ⁵⁾, а затѣмъ — потомковъ сыновей Ноя ⁶⁾, чтобы указать богоизбранному еврейскому народу его происхожденіе отъ общаго прародителя. Такъ было положено начало веденія родословныхъ записей. Когда Богъ призвалъ Авраама, чтобы выдѣлить его изъ всѣхъ остальныхъ людей и изъ его потомства образовать особый народъ для

1) Тамъ же 3 гл. 17—24 ст.

2) Іехонія, Фодаін, Зоровавель, Хаваніи, Исаія, Рефаія, Арнамъ, Овадіа, Шехавія, Неарія, Еліоенай. 1 Парал. 3 гл. 16—24 ст.

3) Іосифъ былъ бѣдный (Лук. 2 гл. 24 ст.) плотникъ (Мѣ. 18 гл. 55 ст.).

4) Дѣятельность послѣдняго ветхозавѣтнаго пророка Малахіи относится къ концу пятого вѣка до Р. Х., послѣ чего, по выраженію Талмуда, Духъ Святой удался изъ Израіля. (Талмудъ III т. 328 стр.).

5) Быт. 5 гл.

6) Тамъ же 10—11 гл.

служенія истинному Богу ¹⁾, съ тѣхъ поръ родословныя записи получили особенное значеніе: онѣ указывали на принадлежность того или другого лица къ богоизбранному народу. Когда сношенія евреевъ съ языческими народами становились частыми и особенно близкими, [эти записи свидѣтельствовали о чистотѣ происхожденія и, слѣдовательно, предохраняли отъ племенного сліянія съ этими народами; поэтому была произведена запись всѣхъ евреевъ, вступившихъ въ Египетъ ²⁾, а потомъ были записаны главы поколѣній, вышедшихъ изъ Египта ³⁾. Подобныя записи производились и по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна ⁴⁾.

Еще болѣе важное значеніе имѣли родословныя записи въ общественно-гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ. По выходѣ изъ Египта, по повелѣнію Божію, всѣ евреи были раздѣлены по колѣнамъ и племенамъ; каждое колѣно по племенамъ шло отдѣльно, въ извѣстномъ порядкѣ и располагалось станомъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ отношеніи къ скиніи ⁵⁾. Между племенами колѣна Левія были строго распределены обязанности въ отношеніи къ совершенію богослуженія, переноскѣ скиніи, храненіи священныхъ предметовъ и исполненію различныхъ работъ при скиніи ⁶⁾. Подобныя обязанности впослѣдствіи были установлены къ храму ⁷⁾. Особенно строго охранялась чистота племени, на которое была исключительно возложена обязанность священническаго служенія при скиніи и храмѣ ⁸⁾. Дерзкіе противники, возстававшіе противъ присвоенія этого служенія одному племени, были наказаны Самимъ Богомъ ⁹⁾. По возвращеніи изъ плѣна, лица изъ священническаго рода, не нашедшіе своихъ родословныхъ записей, которыя могли бы доказать ихъ принадлежность къ

1) Тамъ же 12 гл. 1—3 ст. 17 гл. 7—8 ст.

2) Тамъ же 46 гл. 8—25 ст.

3) Исх. 6 гл. 14—25 ст.

4) 1 Ездры 2 гл. 1—61 ст. 8 гл. 1—14 ст. Неем. 7 гл. 7—60 ст.

5) Чис. 1 гл. 52 ст. 2 гл. 2, 34 ст. 10 гл. 12—28 ст.

6) Тамъ же 3 гл. 23—38 ст. 4 гл. 4—45 ст. 24—32 ст.

7) 1 Парал. 23—26 гл. 2 Парал. 8 гл. 14 ст.

8) Исх. 28 гл. 1 ст. 29 гл. 29 ст.

9) Чис. 16 гл. 1—35 ст.

этому роду, были исключены изъ священства и лишены присвоенныхъ ему правъ ¹⁾. Въ дальнѣйшей исторіи еврейскаго народа на обязанности великаго синедріона лежала охрана іудейской генеологіи ради чистоты священническаго происхожденія ²⁾.

Съ другой стороны, обѣтованная земля, по ея завоеваніи, была раздѣлена между колѣнами ³⁾; каждое колѣно жило на своемъ участкѣ по племенамъ ⁴⁾. Переходъ владѣнія участкомъ отъ одного колѣна къ другому ни въ какомъ случаѣ не допускался ⁵⁾. Впослѣдствіи, когда, съ утратой политической самостоятельности, раздѣленіе земельныхъ участковъ потеряло всякое значеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предъ вступленіемъ еврея въ бракъ, требовалось опредѣленіе чистоты происхожденія невѣсты путемъ изслѣдованія нѣсколькихъ степеней въ родословной ⁶⁾.

Наконецъ, побуждали евреевъ съ особенною тщательностью вести и сохранять свои родословныя записи ясныя и точныя предсказанія ветхозавѣтныхъ пророковъ ⁷⁾ о рожденіи Спасителя среди еврейскаго народа ⁸⁾, при томъ отъ опредѣленнаго колѣна ⁹⁾ и племени ¹⁰⁾, постоянно обращавшія умственные взоры евреевъ къ славному будущему.

Изъ сказаннаго очевидно, что веденіе родословныхъ таблицъ, имѣвшихъ столь важное значеніе для евреевъ ¹¹⁾, было у нихъ

1) 1 Ездры 2 гл. 62—63 ст. Нееміи 7 гл. 64—65 ст.

2) Буткевичъ. Язычество и іудейство во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа Харьковъ. 1888, стр. 117.

3) Чис. 34 гл. 13 ст.

4) Тамъ же 34 гл. 14 ст. Ис. Нав. 15 гл. 1, 12, 20 ст. 16 гл. 5 ст. 17 гл. 2—6 ст. 18 гл. 11, 20, 28 ст. 19 гл. 1, 10, 16, 17, 23, 24, 36, 32, 30, 40 ст.

5) Числ. 36 гл. 6—9 ст.

8) Быт. 12 гл. 3 ст. 22 гл. 18 ст.

9) Талмудъ, III т. стр. 418—419.

9) Быт. 49 гл. 8—10 ст.

7) Богословскій. 65 стр.

10) 2 Цар. 7 гл. 12—16 ст. Псал. 88, 36—38 ст. Исаія 11 гл. 1 ст. Іерев. 23 гл. 5 ст.

11) Какое важное значеніе придавали этимъ записямъ сами евреи, видно изъ того, что одинъ раввинъ говоритъ, что съ того времени какъ была сокрыта книга родословій, стала ослабѣвать сила мудрецовъ и меркнуть свѣтъ очей ихъ. Муретовъ. Родословіе Христа. Душ. Чт. 1903. ноябрь 418 стр.

обычнымъ явленіемъ; а потому и въ священныхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ встрѣчаются родословныя тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ повѣствованіе ¹⁾. Слѣдовательно, основаніе для приведенія родословныхъ таблицъ въ нашихъ евангеліяхъ, во всякомъ случаѣ, нужно искать не въ буддійской легендѣ, а въ древне-еврейской практикѣ, вызванной, главнымъ образомъ, требованіями ветхозавѣтнаго закона; хотя въ данномъ случаѣ евангелистами руководили особыя побужденія, указанные нами выше.

6. Г И М Н Ы.

Въ евангеліи Луки приводится нѣсколько пѣсней, которыя были произнесены нѣкоторыя лицами по различнымъ поводамъ ²⁾. Зейдель не оставляетъ безъ вниманія и этой стороны евангельскаго повѣствованія, стараясь видѣть въ ней доказательство буддійскаго происхожденія евангелія. Въ буддійскихъ сутрахъ, помимо риемованныхъ отрывковъ, передающихъ общее содержаніе книги, встрѣчаются, какъ и въ евангеліи, пѣсни, прерывающія собою повѣствованіе. По его мнѣнію, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней по своему содержанію сходны съ евангельскими. Вымышленность этихъ послѣднихъ видна будто бы изъ того, что всѣ онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же тонъ и стиль, хотя приписываются разнымъ лицамъ ³⁾. Лилли указываетъ основаніе для признанія самостоятельности буддійскихъ пѣсней (гать): онѣ представляютъ собою древнѣйшую часть сутръ, потому что метрической строй ихъ помогаль буддистамъ удерживать ихъ въ памяти лучше прозаическихъ частей, которыя вводились постепенно, лишь послѣ составленія алфавита ⁴⁾.

Такое сопоставленіе евангелія съ легендами не имѣетъ никакого смысла. Если сближать между собою два произведенія на томъ основаніи, что въ каждомъ изъ нихъ, кромѣ прозы, встрѣчаются и пѣсни, то такой приѣмъ литературной критики

¹⁾ Руоъ 4 гл. 18—22 ст. 1 Ездры 7 гл. 1—5 ст. Тов. 1 гл. 1 ст.

²⁾ Лук. 1 гл. 42—45 ст. 45—55, 68—79 ст. 2 гл. 29—32 ст. Сюда же Зейдель относитъ и ангельское славословіе. Лук. 2 гл. 14 ст.

³⁾ Das Evangelium, 140—141 стр.

⁴⁾ Lillie. Buddhism in Christendom, стр. 23—24.

можетъ вызвать только недоумѣніе у читающаго. Но это недоумѣніе еще болѣе возрастетъ, когда мы увидимъ, что въ данномъ случаѣ и самое основаніе для такого сближенія исполнѣ несправедливо. Достаточно замѣтить, что въ евангеліи пѣсни слишкомъ немногочисленны, встрѣчаются лишь въ двухъ первыхъ главахъ евангелія Луки и ограничиваются только нѣсколькими стихами ¹⁾; между тѣмъ въ буддійской Лалитѣ Вистарѣ число гатъ, которыя по своему объему не уступаютъ стихамъ въ евангеліи, а иногда и превосходятъ ихъ, весьма велико; онѣ входятъ въ составъ рѣшительно каждый изъ 27 главъ этой буддійской священной книги; при чемъ только въ 4 главахъ этихъ гатъ не больше 10; въ нѣкоторыхъ главахъ ихъ больше 100, а въ одной даже больше 200 ²⁾. Такое неравенство въ количествѣ пѣсней и въ распредѣленіи ихъ въ евангеліи и легендахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ евангеліи пѣсни являются случайными и незначительными вставками, а въ легендахъ составляютъ необходимую и весьма важную по своему объему часть, и, слѣдовательно, указываетъ не на сходство, а на различіе между сопоставляемыми произведеніями.

Съ другой стороны, приведеніе въ евангельскомъ повѣствованіи нѣсколькихъ поэтическихъ пѣсней безусловно не можетъ говорить противъ его самостоятельности и исторической достовѣрности. Задатки поэзіи лежатъ въ глубочайшей древности ³⁾. „Какъ невольное выраженіе сильно возбужденной и потрясенной души, она встрѣчается у всѣхъ народовъ, и такъ какъ религіозныя мысли и истины всего сильнѣе и глубже трогаютъ сердце и чувство, то поэзія у всѣхъ народовъ является первоначально въ области религіи, для прослав-

¹⁾ Лук. 1 гл. 42—55, 68—79 ст.

²⁾ Въ 27 главахъ Лалиты Вистари содержится 1541 гата; онѣ распредѣляются по главамъ такимъ образомъ: I гл. 13; II гл. 20; III гл. 20; IV гл. 21; V гл. 80; VI гл. 52; VII гл. 96; VIII гл. 5; IX гл. 4; X гл. 10; XI гл. 34; XII гл. 44; XIII гл. 160; XIV гл. 47; XV гл. 165; XVI гл. 33; XVII гл. 40; XVIII гл. 80; XIX гл. 56; XX гл. 29; XXI гл. 204; XXII гл. 34; XXIII гл. 65; XXIV гл. 158; XXV гл. 35; XXVI гл. 76; XXVII гл. 10.

³⁾ Быт. 4 гл. 23 ст.

ленія Божества“¹⁾. Между тѣмъ древніе евреи особенно отличались музыкальнымъ дарованіемъ. Музыка и пѣніе были такъ распространены между ними, что считались обычными занятіями; поѣтому, по изображенію пророковъ²⁾, тотъ еврейскій городъ, изъ котораго не послышались звуки музыки и пѣсней, долженъ былъ считаться или оставленнымъ жителями или оплакивающимъ какое-либо несчастіе³⁾. При такомъ общемъ развитіи у евреевъ способности къ музыкѣ и пѣнію, въ минуты сильнаго возбужденія духа, подъ вліяніемъ важнѣйшихъ событій, пѣснь являлась естественнымъ выраженіемъ переживаемаго душевнаго настроенія⁴⁾. Въ особенности же, подъ воздѣйствіемъ Духа Божія, озарявшаго и возвышавшаго духъ человѣка, высоко поэтическія вдохновенныя пѣсни выходили изъ устъ древняго израиля⁵⁾. Значитъ, и сообщеніе ев. Луки о произнесеніи поэтическихъ пѣсней нѣкоторыми лицами, подъ вліяніемъ особеннаго религіознаго воодушевленія, является вполне достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о дѣйствительныхъ событіяхъ.

Самыя пѣсни, приведенныя въ евангеліи, по своему характеру, содержанію и изложенію такъ далеки отъ напыщенныхъ, утомительно однообразныхъ и безсодержательныхъ гатъ буддѣйскихъ легендъ, что не только о близкомъ сходствѣ, но даже и о малѣйшей тѣни какого-либо сходства между ними не можетъ быть и рѣчи.

Содержаніе евангельскихъ пѣсней ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что лица, произносившія ихъ, были близко знакомы съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ и усвоили не только общій духъ его,

¹⁾ Кейль. Руководство къ библ. археол. часть 2, стр. 225—226.

²⁾ Исаи 24 гл. 9 ст. Іер. 7 гл. 34 ст. 16 гл. 9 ст. 25 гл. 10 ст. Плачъ 5 гл. 14—15 ст. Іезек. 26 гл. 13 ст.

³⁾ Олесницкій. Древне-еврейская музыка и пѣніе. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1871 г. IV т., стр. 379. Несомнѣнно, только зналъ объ особенномъ искусствѣ евреевъ въ музыкѣ и пѣніи, жители Вавилона могли просить своихъ пѣвцовъ пропѣть имъ изъ пѣсней Сіонскихъ. Псал. 136, стих. 3.

⁴⁾ Исх. 14 гл. 31 ст. Чис. 21 гл. 17 ст. Втор. 31 гл. 30 ст. Суд. 5 гл. 1 ст. 2 Цар. 22 гл. 1 ст.

⁵⁾ По раввинскому ученію, когда израильтяне вышли изъ моря, на нихъ ниспослалъ Духъ Святой, и они пѣли пѣснь. Талмудъ III т., стр. 292.

но и содержаніе, и даже самое изложеніе ¹⁾). Это обстоятельство указываетъ не на простое заимствованіе евангельскихъ пѣсней изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, а лишь на то, что благочестивные люди изъ еврейскаго народа точно исполняли повелѣніе Божіе о постоянномъ изученіи закона и считали это изученіе самымъ лучшимъ занятіемъ для себя ²⁾. Пѣсни такихъ лицъ, приведенныя въ евангеліи, при всемъ сходствѣ

¹⁾ Лук. 1 гл. 2 ст. Благословенна Ты между женами, и благословенъ плодъ чрева твоего! *срavn.* Блаженною будутъ называть меня женщины (Быт. 30. гл. 13 ст.) да будетъ благословенна между женами, (Суд. 5 гл. 24 ст.) благословенъ плодъ чрева твоего (Втор. 28 гл. 4 ст.).

46—47 ст. Величитъ душа Моя Господа, и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасителѣ моемъ. *Срavn.* Да славятъ Тебя душа моя, (Псал. 29 ст. 13) Господомъ будетъ хвалиться душа моя... величайте Господа со мною, (Псал. 33 ст. 3—4) моя душа будетъ радоваться о Господѣ; (Псал. 34 ст. 9) благослови, душа моя, Господа, (Псал. 102 ст. 1; псал. 103 ст. 1) возрадовалось сердце мое въ Господѣ; (1 Цар. 2 гл. 1 ст.) радостію буду радоваться о Господѣ, возвеселится душа моя о Богѣ моемъ (Исаи 61 гл. 10 ст.).

48 ст. Что призрѣлъ Онъ на смиреніе рабы Своей... *Срavn.* Вотъ на кого Я призрю: на смиреннаго и сокрушеннаго духомъ (Исаи 66 гл. 2 ст.).

49 ст. Что сотворилъ Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его. *Срavn.* Великое сотворилъ Господь надъ нами; (Псал. 125 ст. 3) Господи, Боже силъ! кто силенъ, какъ Ты, Господи? (Псал. 88 ст. 9) Свѣто и страшно имя Его (Псал. 110 ст. 9).

50 ст. И милость Его въ роды родовъ къ боящимся Его. *Срavn.* Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка къ боящимся Его; (Псал. 102 ст. 17).

51—53 ст. Явилъ силу мышцы Своей; разсѣялъ надменныхъ помышленіями сердца ихъ; низложилъ сильныхъ съ престоловъ и вознесъ смиренныхъ. Алчущихъ исполнилъ благъ, а боготящихся отпустилъ ни съ чѣмъ. *Срavn.* Десница Твоя, Господи, прославилась силою, (Исх. 15 гл. 16 ст.) отъ величія мышцы Твоей да онѣмѣютъ они. (Тамъ же 16 ст.) Крѣпкою мышцею Твоею разсѣялъ враговъ Твоихъ. (Псал. 88 ст. 11) Смиренныхъ возвышаетъ Господь, а нечестивыхъ унижаетъ до земли. (Псал. 146 ст. 6). Онъ насытилъ душу жаждущую и душу алчущую исполнилъ благами. (Псал. 106 ст. 9) Господь умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и возводитъ. Господь дѣлаетъ нищимъ и обогащаетъ, унижаетъ и возвышаетъ (1 Цар. 2 гл. 5—7 ст.).

54—55 ст. Воспринялъ израиля, отрока Своего, вспомнявъ милость, какъ говорилъ отцамъ нашимъ, къ Аврааму и сѣмени его до вѣка. *Срavn.* Вспомнилъ Онъ милость Свою къ Иакову и вѣрность Свою къ дому Израилеву (Псал. 97 ст. 3). Ты явишь вѣрность Иакову, милость Аврааму, которую съ вѣтвюю обѣщавъ отцамъ нашимъ отъ дней первыхъ (Мих. 7 гл. 20 ст.).

²⁾ Исх. 13 гл. 9 ст. 18 гл. 20 ст. Втор. 4 гл. 1—8, 5 ст. 17 гл. 18—19 ст. 32 гл. 46—47 ст. 33 гл. 9—10 ст. Инс. Нав. 8 гл. 34—35 ст. Псал. 1 ст. 2. Псал. 36, ст. 31. Псал. 39, 9 ст. 118, 1, 2, 4, 8, 11, 15, 44 и др. стихв.

ихъ съ ветхозавѣтными образцами, не являются лишь простымъ подражаніемъ этимъ образцамъ, но проникнуты новымъ духомъ, въ виду начала того величайшаго событія, къ которому, какъ далекому славному будущему, были обращены прозорливыя очи ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Такъ пѣснь Богородицы, которую нѣкоторые критики считаютъ лишь простымъ подражаніемъ пѣсни матери Самуила ¹⁾, при сходствѣ съ этою послѣднею въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, существенно отличается отъ нея. Анна благодаритъ Господа за исполненіе ея молитвы, потому что въ этомъ она видитъ свое личное избавленіе отъ тѣхъ укорищъ, которымъ она подвергалась за свое безчадіе, и торжество надъ своими оскорбителями. Такая переиѣна въ судьбѣ самой Анны служитъ обнаруженіемъ всемогущества Господа, Который возвышаетъ униженныхъ, обогащаетъ бѣдныхъ, унижаетъ гордыхъ и дѣлаетъ бѣдными богатыхъ ²⁾. Между тѣмъ, глубоко смиренная Дѣва Марія прославляетъ возвеличившаго Ее всемогущаго Господа, возносящаго смиренныхъ и низлагающаго гордыхъ, такъ какъ эта милость Господня, обѣщанная еще ветхозавѣтнымъ патриархамъ, имѣетъ значеніе не для Нея только, но для всѣхъ израильтянъ и для всѣхъ народовъ; такимъ образомъ, Она указываетъ, хотя еще и прикровенно, на общечеловѣческое значеніе событія, начало которому было положено ангельскимъ благовѣстіемъ. Въ виду такого существеннаго различія между обѣими пѣснями, совершенно неосновательно одну изъ нихъ считать подражаніемъ другой.

Указаніе Зейделя на сходство евангельскихъ пѣсней между собою по содержанію и изложенію, какъ на доказательство ихъ вымышленности писателемъ евангелія, не можетъ быть признаво справедливымъ. Прежде всего, должно замѣтить, что весьма близкое сходство по содержанію и изложенію относится къ небольшому отдѣлу изъ пѣсни Пресвятой Богородицы и Захаріи ³⁾. Что касается остальныхъ частей въ той и другой пѣснѣ, кромѣ пророчества Захаріи о будущей дѣятельности

¹⁾ Таково мнѣніе Штрауса. *Leben Jesu*. 194 стр.

²⁾ 1 Цар. 2 гл. 6—8 ст.

³⁾ Лук. 1 гл. 54—55 ст. срав. 72—73 ст.

новорожденного младенца ¹⁾, то ихъ можно признать сходными между собою по содержанію лишь въ томъ отношеніи, что въ нихъ выраженіями ветхозавѣтныхъ книгъ прославляется Господь Богъ за дарованныя милости, при чемъ не дѣлается яснаго и точнаго упоминанія о самомъ событіи, вызвавшемъ вдохновенную пѣснь. Для уясненія этого сходства нужно имѣть въ виду, что въ древней поэзіи обычно употреблялись общія формы, для выраженія переживаемаго душевнаго настроенія, безъ указанія на ближайшія событія, послужившія причиною такого настроенія. Такимъ характеромъ отличаются псалмы, такъ что по содержанію часто бываетъ невозможно опредѣлить, по какому поводу былъ написанъ тотъ или другой псаломъ ²⁾. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ упоминаемыми въ евангеліи лицами переживалось особенно радостное настроеніе, которое вызывалось вѣстью о близкомъ пришествіи Спасителя міра. При сходствѣ въ настроеніи этихъ лицъ, ихъ чувства естественно нашли соотвѣтствующія себѣ выраженія въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, бывшихъ для нихъ священными и пророчески указывавшихъ на то великое событіе, которое теперь приближалось. Отсюда общее обѣимъ пѣснямъ прославленіе Господа, при томъ на языкѣ священныхъ ветхозавѣтныхъ писаній ³⁾.

1) Лук. 1 гл. 76—79 ст.

2) Олесницкій. Древне-еврейская музыка и пѣніе. Труды Киев. Дух. Акад. 1871 г. 4 т. 380 стр.

3) Пророческая пѣснь Захаріи сходна съ слѣдующими мѣстами ветхозавѣтныхъ книгъ: 68 ст. «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ.» Это выраженіе встрѣчается неоднократно. (1 Цар. 25 гл. 32 ст. 3 Цар. 8 гл. 15 ст. 1 Цар. 29 гл. 10 ст. Псал. 40 ст. 14, 71 ст. 18; 105 ст. 48.). „Посѣтилъ народъ свой“—то же самое въ книгѣ Руѣ 1 гл. 6 ст. „Сотворилъ избавленіе ему“. *Срав.* избавленіе послалъ Овъ народу Своему. (Псал. 110 ст. 9.).

69 ст. „Воздвигъ рогъ спасенія намъ въ дому Давида, отрока Своего“. *Сравн.* Богъ—рогъ спасенія моего. (2 Цар. 22 гл. 3 ст.). Возвращу рогъ Давиду. (Псал. 131 ст. 17.). Овъ возвысилъ рогъ народа Своего (Псал. 148 ст. 14.).

71 ст. „Спасетъ насъ отъ руки враговъ нашихъ и отъ руки всѣхъ ненавидящихъ насъ“. *Сравн.* Ты спасетъ насъ отъ враговъ нашихъ и посрамитъ ненавидящихъ насъ. (Псал. 43 ст. 8.) И спасъ ихъ отъ руки ненавидящаго, и избавилъ ихъ отъ руки врага. (Псал. 105 ст. 10.).

72—73 ст. „Сотворить милость съ отцами нашими и помянетъ святыи завѣтъ Свой, клятву, которою клялся Овъ Аврааму, отцу нашему, дать намъ“.

Замѣчаніе Лилли о древности поэтическихъ частей буддійскихъ священныхъ книгъ, какъ доказательствѣ ихъ самостоятельности, въ виду всего сказаннаго нами о евангельскихъ пѣсняхъ, совсѣмъ не имѣетъ значенія, при рѣшеніи вопроса о независимости этихъ пѣсней отъ буддійской поэзіи.

Чтобы очевиднѣе была полная неосновательность сопоставленія евангельскихъ пѣсней съ буддійскими гатами, мы приведемъ для примѣра нѣсколько послѣднихъ изъ Лалиты Вистары. „Присоединитесь къ тому, кто производитъ добрый свѣтъ; разсѣиваетъ мракъ, имѣетъ прекрасный свѣтъ, превосходный, прекрасный, безъ пятна блескъ, имѣетъ тѣло покойное, умъ чистый и спокойный,—къ Муни Сакіа Шина! Океанъ науки, чистый, съ большой силой, властелинъ закона, знающій все, господинъ всѣхъ Муни, богъ надъ всѣми богами, достойный поклоненія боговъ и людей, существующій самъ по себѣ въ законѣ и управляющій владѣніемъ,—прибѣгай къ нему! Сдѣлавшій себя властелиномъ своего ума, трудно покоряющагося, имѣющій умъ, вполне освобожденный отъ козней демона; у котораго зрѣніе и слухъ не бесполезны здѣсь, внизу; идущій къ мирному берегу освобожденія. Явившійся несравненнымъ въ законѣ, разсѣивающій мракъ, поучающій доброму правилу; Будда, совершающій скромныя поступки; имѣющій неизмѣримый умъ,—съ набожностью всѣ приблизьтесь къ нему! Это король врачей, раздаватель лѣкарства амврита; это герой ораторовъ, побѣдитель толпы злыхъ, другъ добраго закона, хорошо владѣющій наилучшимъ смысломъ; это вождь, указывающій лучшій путь“¹⁾.

Неужели чтеніе подобныхъ поэтическихъ изліяній когда-нибудь могло въ комъ-либо вызвать самую мысль о созданіи такихъ произведеній, какъ вдохновенная торжественно-умилительная пѣснь Богородицы: „Величитъ душа моя Господз!“

И. Краснитскій.

(Продолженіе будетъ).

Сравн. Ты хранишь завѣтъ и милость въ рабамъ Твоимъ. (3 Цар. 8 гл. 23 ст.).
Хранящій завѣтъ и милость.

¹⁾ Lalita Vistara 5 стр.

Библейскій допотопный человѣкъ и диллювіальный человѣкъ науки.

I.

Когда не въ мѣру усердные послѣдователи дарвинистическаго естествознанія съ увѣренностію указываютъ человѣчеству на его происхожденіе отъ гориллообразнаго существа, при чемъ никакъ не могутъ доказать этой истины наличностью ископаемыхъ промежуточныхъ формъ между человѣкомъ и гориллою, для всякаго очевидно, что главное положеніе дарвинизма виситъ на воздухѣ. Самаго рѣшающаго доказательства теоріи нѣтъ. Выражаясь метафорически, дарвинизму не хватаетъ опорнаго пункта, безъ котораго все зданіе рушится. Въ самомъ дѣлѣ, говорить можно, что угодно, можно выдавать за истину все, что нравится толпѣ въ данный моментъ. Но, въ концѣ концовъ, все нужно доказать и такъ доказать, чтобы сомнѣній не было. А такъ какъ доказательства, которыя всего больше подтвердили бы дарвиновскую гипотезу, представлено не было ¹⁾, напротивъ открытые факты установили отдален-

¹⁾ Въ журналѣ „Вѣстникъ Знанія“ 1904 г. № 1, стр. 62—72 нѣкто Вильгельмъ Бельме въ статьѣ „Новыя данныя о родословномъ древѣ человѣка“ сообщаетъ будто бы новыя данныя, якобы подтверждающія дарвинистическую гипотезу. Но всѣ эти открытія имѣютъ въ виду все тотъ же Неандертальскій черепъ. Теперь будто бы не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что критика Вирхова, видѣвшая въ этомъ черепѣ результатъ болѣзненныхъ явленій, неправильна. Что касается этого утвержденія, то оно не имѣетъ никакой цѣны. Противъ Вирхова можно говорить только послѣ смерти Вирхова. Но слѣдуетъ помнить, какой вѣсь имѣли приговоры Вирхова о всѣхъ открытіяхъ въ пользу дарвинизма и какъ онъ относился къ этой теоріи вообще, чтобы понять всю бессильную злобу дарвинистовъ противъ Вирхова.

ность родства человѣка отъ животныхъ ¹⁾, то теорія Дарвина потеряла первоначальную остроту смѣлой, оригинальной идеи, имѣющей своеобразный характеръ и заманчивую прелесть.

Другое дѣло, когда то-же дарвинистическое естествознаніе стало говорить человѣку о человѣкѣ (а не о животномъ), найденномъ глубоко въ землѣ, покрытомъ массою почвенныхъ наслоеній, окруженномъ остатками животныхъ и разныхъ орудій, утварью домашняго обихода и т. п. Здѣсь мы чувствуемъ, что естествознаніе стало на почву фактовъ, и его выводы о нашихъ доисторическихъ предкахъ имѣютъ подъ собою не призрачную, а нѣкоторую основу. Дарвинисты, по находкамъ человѣческихъ остатковъ, рисуютъ намъ жизнь и занятія диллювіальнаго человѣка, говорятъ о его вкусахъ, привычкахъ, умственномъ и нравственномъ состояніи. Хотя большинство естествовѣдъ, геологовъ, палеонтологовъ и антропологовъ, воспроизводя доисторическаго диллювіальнаго человѣка, тоже стоятъ на дарвинистической почвѣ, т. е. рассматриваютъ послѣдняго какъ ближайшаго потомка четверорукихъ и съ этой именно точки зрѣнія объясняютъ духовный складъ и весь вѣншній бытъ диллювіальнаго человѣка, но намъ нѣтъ дѣла до ихъ основнаго принципа, какъ недоказаннаго. Для насъ важно то, что они имѣютъ дѣло съ фактами, когда говорятъ о диллювіальномъ человѣкѣ, и ими вадѣются оправдать свой принципъ. Такъ какъ мы имѣемъ въ рукахъ священный документъ, сохранившійся отъ самыхъ древнихъ временъ въ рукахъ древняго семитическаго племени, документъ, открывающій завѣсу на диллювіальное прошлое человѣка, то намъ желательно сопоставить между собою эти два свидѣтельства—библейское и теперешнее научное. Думаемъ, что оба эти свидѣтельства (—если не касаться принциповъ, на которые любятъ опираться люди разныхъ направленій), въ общемъ не противорѣчатъ другъ другу. Оба они говорятъ объ одной и той же доисторической эпохѣ, оба отсылаютъ человѣческую мысль за предѣлы исторической жизни; оба, наконецъ, претендуютъ на то, что они передаютъ

¹⁾ Объ этомъ было сказано нами въ статьѣ „Слабыя стороны дарвинизма“. Вѣра и Разумъ за 1903 годъ, книги 18, 20, 21; мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь.

о первобытномъ человѣкѣ истину, а не ложь, при чемъ свидѣтельство библейское имѣетъ за себя авторитетъ преданія не только боговдохновеннаго, но и идущаго изъ глубины вѣковъ, а научное—добытый наукою ограниченный фактической матеріаль. Мы не говоримъ того, что оба свидѣтельства можно примирить между собою до мелочей. Недоразумѣнія еще остаются, но они не важны и легко примиряются съ библейскимъ преданіемъ. Во всякомъ случаѣ необходимо такъ или иначе привести къ единству древнѣйшее и священное человѣческое преданіе и тѣ самые факты, на основаніи которыхъ современная научная мысль воспроизводитъ предъ нами картину первобытной жизни человѣческихъ существъ. И мы увидимъ, что примиреніе ихъ возможно даже и съ научной точки зрѣнія.

II.

Если раньше говорили, что преданія народовъ о первобытныхъ временахъ отличаются фантастичностью, неправдоподобіемъ, то теперь, повидимому, настала очередь дарвинистамъ забавлять насъ болѣе или менѣе фантастическими рассказами о древнемъ человѣкѣ. Хотя нужно сознаться, что эти ученые не жалѣютъ красокъ, чтобы какъ можно полнѣе нарисовать картину дилювіальной жизни. Фантазія ихъ работаетъ не меньше, чѣмъ фантазія человѣка, не знающаго научныхъ открытій и вѣрующаго миѳическому преданію. Рассказовъ о первобытныхъ обитателяхъ пещеръ (троглодитахъ) въ этомъ родѣ не мало. Есть популярныя—для народа и для дѣтей ¹⁾, есть и научныя, покоящіяся будто бы на фактахъ и открытіяхъ палеонтологіи. Само собою разумѣется, въ послѣднихъ гораздо менѣе фантазій,

¹⁾ Уважемъ на рассказъ Д. Королчевскаго: „Дѣти Каменнаго вѣка“ (изд. ред. журн. Дѣтское Чтеніе и Педагогическій Листокъ за 1903 г.)—самый позднѣйшій изъ подобнаго рода рассказовъ. Онъ очень простой и не лишенный интереса, насвоякъ проникнутъ дарвинистической тенденціей. Описывая наружность человѣка каменнаго вѣка, авторъ намѣренно и очень ясно подчеркиваетъ фізіологическія особенности:—длинные пальцы ногъ, шерстистость кожи, приплюснутый носъ, косо-зубіе (прогнатизмъ)—указывающіе на близость человѣка къ животному. Черепъ—во вкусъ Неандертальскаго. Все это очень прозрачно даетъ понять, къ какому лагерю принадлежитъ авторъ рассказа.

чѣмъ въ первыхъ, хотя и здѣсь дѣло не обходилось безъ нѣкоторой игры воображенія. Мы повторимъ въ общихъ чертахъ одинъ такой рассказъ изъ жизни пещерныхъ обитателей древней Германіи ¹⁾.

Мѣстонахожденіе пещеры въ Голефельсѣ, красивой долины Швабскаго Аха. Эту пещеру съ особенною тщательностью изслѣдовалъ ученый О. Фраасъ. По его мнѣнію, эта пещера была мѣстопребываніемъ человѣка уже въ дилювіальномъ періодѣ. Здѣсь жили первобытные троглодиты, которые вели борьбу за существованіе со всякаго рода дикими звѣрями.²⁾ Мы, говоритъ Фраасъ, посѣтили этихъ обитателей въ зимнюю пору“.

Снаружи зимняя стужа; у входа въ пещеру нагромождены толстые слои льда, но въ самой пещерѣ пріятная температура, такъ какъ средняя температура мѣстности колеблется лѣтомъ и зимою лишь въ предѣлахъ немногихъ градусовъ. Правда, дно пещеры и каменные стѣны влажны, но только влажны: вода не каплетъ со стѣнъ. Впрочемъ, если-бы она и капала, то это мало тревожило-бы первобытнаго Шваба, подобно тому какъ она не беспокоитъ эскимоса въ его снѣжной хижинѣ, крыша и стѣны которой обтаиваютъ отъ тепла лампы съ ворванью. Сумракъ, господствующій въ остальной пещерѣ, въ правомъ углу въ уютной нишѣ скалы, освѣщается пылающимъ огнемъ. Камни сложены здѣсь такъ, что образуютъ родъ низкаго очага, вокругъ котораго расположилась группа людей. Нѣкоторые сидятъ на корточкахъ у огня. Одинъ изъ мужчинъ стоитъ. Мы еще ослѣплены сумерками и огнемъ очага, но всетаки различаемъ, что мущина вѣрпкаго сложенія и приблизительно такого же роста, какъ и мы сами. Онъ стоитъ у высокаго камня съ гладкой поверхностью и при помощи инструмента, похожаго на мотыку, съ толстой короткой рукояткой, обрабатываетъ нѣчто лежащее на плоскомъ камнѣ. Но это только начало фантастическаго разсказа.

Глазъ нашъ мало-по-малу привыкаетъ къ скудному освѣщенію и мы видимъ теперь, что мужчина разрубаетъ крупное охотничье животное, вырубаетъ изъ него мясо. Инструментъ,

¹⁾ Разсказы или вѣрнѣе описаніе жизни дилювіальнаго человѣка въ соч. Равке т. II стр. 504—510 главы Очага Фрааса

который замѣняетъ ему топоръ мясника, есть приспособленная для этой цѣли нижняя челюсть медвѣдя, у которой суставной и вѣчный отростокъ отбиты, чтобы получить удобную для захватыванія рукоятку. Длинный и острый клыкъ, выдающійся на подобіе крючка, служитъ очень сильнымъ клинкомъ. Множество подобныхъ орудій одинаковой формы лежатъ готовыя къ употребленію. Другія, стертая отъ частаго употребленія, съ расколотымъ или совершенно отломаннымъ клыкомъ, отброшены въ кучу дочиства обглоданныхъ костей. Это—остатки прежнихъ обѣдовъ. До сихъ поръ еще въ углахъ пещеры разбросаны во множествѣ изгрызенныя кости медвѣдя, котораго наши троглодиты изгнали изъ пещеры, когда превратили ее въ свое временное жилище. Теперь они охраняютъ свое жилище отъ непрошенныхъ посѣщеній медвѣдя постояннымъ огнемъ у входа въ пещеру. Уходя изъ пещеры, медвѣдь оставилъ въ ней обглоданныя, разгрызенныя кости. Но ни на одной изъ нихъ не видно крупныхъ слѣдовъ клыка. Найденныя глубокія отверстія въ костяхъ могли произойти лишь отъ удара нижней челюсти медвѣдя, которою сильная человѣческая рука пользовалась, какъ топоромъ.

Въ числѣ костей, которыя нашлись въ пещерѣ, пока медвѣдь былъ ея единственнымъ обитателемъ, мы узнаемъ кости быка, лошади, и съ ужасомъ узнаемъ также обглоданную и разгрызенную бедренную кость человѣка. Слѣдовательно, охота на пещернаго медвѣдя была не безопасна. Идти на медвѣдя открыто съ тогдашнимъ оружіемъ не дерзалъ даже самый смѣлый. Медвѣдя ловили въ ямы, на поверхность которыхъ, закрытую зелеными вѣтвями, клали, какъ приманку, кусокъ сырого мяса. Въ ямѣ его побивали тяжелыми камнями.

Какъ-же утилизировалъ свою добычу пещерный человѣкъ?

Шкура медвѣдя снята. Осколкомъ кремня надрѣзана кожа и сдѣлано отверстіе, чрезъ которое вводится рука. Кремневымъ ножомъ, вдѣланнымъ въ рукоятку изъ оленьяго рога, отсѣкаются кожныя сухожилья и мѣшокъ готовъ. Мужчина, котораго мы застали въ пещерѣ за работою, одѣтъ въ такую же медвѣжью шкуру.

Одежда остального пещернаго общества, расположившагося

на разостланныхъ вокругъ огня шкурахъ, также состоитъ изъ шкуръ, но различныхъ животныхъ, при чемъ все такъ принаровлено, чтобы одѣтый всею своею внѣшностью напоминалъ убитаго звѣря. Одинъ сидитъ въ шкурѣ Сѣвернаго оленя, съ головы котораго кожа снята съ остатками роговъ. Въ этой одеждѣ имѣется въ виду на охотѣ незамѣтно подкрасться къ хитрому животному. Точно также снята шкура дикой лошади, зубра, мускуснаго быка. Швы такихъ одѣяній изъ шкуры дѣлались съ помощью колющихъ заостренныхъ шиль, осколковъ оленьихъ костей или изъ кости лебедя, и сшивались нитками, приготовленными изъ оленьихъ сухожилий. Такъ какъ безъ ремней и шнуровъ невозможно было приспособить шкуры къ человѣческому тѣлу, то необходимо допустить, что пещерные обитатели употребляли ремни и затяжки.

Взглянемъ теперь на обѣдъ, который готовится на огнѣ. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ мяса, которое жарится тонкими кусками, величиной съ ладонь, на раскаленномъ плоскомъ камнѣ, или прямо въ горячей золѣ, и при этомъ осторожно поворачивается заостренной деревянной палочкой. При такомъ способѣ приготовления мясо тотчасъ покрывается коркой и вполне сохраняетъ свою сочность и вкусъ. Составныя части золы приправляютъ его на подобіе соли. Сосудомъ для питья служила задняя часть оленьяго черепа, обтесанная помощью той-же медвѣжьей челюсти. Пищу запивали свѣжей кровью убитаго звѣря.

Кладовая нашихъ пещерныхъ людей содержитъ иногда мясо различныхъ животныхъ: попадаютъ куски мяса носорога, мамонта, дикой свини, льва, рыси и даже зайца. Изъ птицъ попадаютъ кости лебедя, утки, галки; изъ рыбъ—окунь и карпъ. Время между охотой и ѣдою у пещернаго обитателя проходитъ въ изготовленіи орудій охоты и рыбной ловли и проч. и проч.

Въ такомъ видѣ ученому Фраасу представляется жизнь диллювіальнаго человѣка—европейца. Жилище его лѣтомъ—шалашъ изъ вѣтвей, покрытыхъ звѣриными шкурами. Зимой—естественныя пещеры въ горахъ и скалахъ. Единственное занятіе—охота за дикими звѣрями. Животныхъ, прирученныхъ домашнихъ диллювіальный человѣкъ еще не имѣлъ, потому что

самъ лишь только вышелъ изъ животнаго состоянія. Одеждою служили звѣриныя шкуры, необдѣланныя и едва спятыя самымъ примитивнымъ образомъ. Орудіями домашняго обихода служили кости убитыхъ животныхъ, ихъ черепа, клыки, челюсти, позвонки, равнымъ образомъ—орудія изъ кремня—кремневые топоры, ножи, молотки. Вся забота первобытныхъ пещерныхъ дикарей заключалась въ томъ, чтобы заготовить себѣ пищу и оградить свою безопасность отъ хищныхъ животныхъ, изъ борьбы съ которыми слагалась вся жизнь дикаря. Никакихъ умственныхъ интересовъ, ни моральныхъ понятій не шевелилось въ его убогомъ мозгу. Человѣкъ былъ счастливъ, если наѣлся свѣжаго мяса, напился крови и могъ спать, не боясь набѣга страшнаго пещернаго медвѣдя, у котораго онъ отнялъ пещеру. Все его умственное занятіе заключалось въ томъ, чтобы изыскать способы ловить животныхъ, настигать животное врасплохъ, когда оно не на сторожѣ, заманить его въ разставленную сѣть или яму. При всемъ томъ человѣкъ былъ совершенно одинокъ въ окружающей его враждебной средѣ, и потому вся его жизнь была сплошною борьбою за существованіе въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Если онъ не убьетъ животное, то или животное убьетъ его, или человѣкъ погибнетъ съ голоду. Иныхъ способовъ поддерживать жизнь дикарь не зналъ.

Такая безотрадная картина первобытной человѣческой жизни рисуется воображенію ученаго, палеонтолога—дарвиниста, откопавшаго слѣды диллювіальнаго человѣка. Не будемъ оспаривать достовѣрность этой картины. Дѣйствительно, найдены кости древняго доисторическаго человѣка. Изслѣдована среда, гдѣ лежатъ эти кости, изучены въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣ древнѣйшіе остатки, лежащіе съ человѣческими костями. Кости животныхъ, орудія домашняго обихода и пр. И все это сдѣлано съ цѣлью возстановить физическій и моральный обликъ человѣка, жившаго въ диллювіальное время. Но все это доказываетъ ли теорію Дарвина? Нисколько.

III.

Для насъ несомнѣнную важность имѣетъ вопросъ о томъ, къ какому времени дарвиновская палеонтологія относитъ по-

явленіе человѣка на землѣ. Не менѣе интересенъ также и вопросъ о мѣстонахожденіяхъ диллювіальныхъ человѣческихъ остатковъ. Въ какихъ странахъ всего больше открыто такъ называемыхъ костоносныхъ пещеръ? Важность этихъ двухъ вопросовъ (когда и гдѣ появился и жилъ диллювіальный человѣкъ) увеличивается въ силу того обстоятельства, что и Свящ. Библия отвѣчаетъ на нихъ въ положительномъ смыслѣ.

Палеонтологическія изысканія ученыхъ начались съ половины прошлаго вѣка и производились большею частью на Европейскомъ материкѣ. Здѣсь и найдены были первые ископаемые пещерные остатки человѣка. Большинство ученыхъ того мнѣнія, что начало первыхъ человѣческихъ поселеній было на берегахъ Средиземнаго моря, южные и восточные берега котораго были свидѣтелями человѣка на самой зарѣ его жизни. Отсюда, съ береговъ Средиземнаго моря, когда позволяли физическія и климатическія условія, человѣкъ передвигался къ сѣверу по Европейскому матеріку. Пенкъ, создавшій теорію ледниковыхъ періодовъ, утверждаетъ, что остатки человѣка диллювіальной эпохи, открытые до сихъ поръ въ Европѣ, встрѣчаются только въ тѣхъ областяхъ, которыя во время послѣдней ледниковой эпохи не были покрыты глетчерами, внутриматериковымъ льдомъ. На основаніи пещерныхъ находокъ тотъ же ученый полагаетъ, что время появленія диллювіальнаго человѣка въ Европѣ и распространеніе ледниковъ послѣдняго ледниковаго періода—одновременны. Къ такому выводу А. Пенкъ пришелъ потому, что главныя мѣстонахожденія остатковъ диллювіальнаго человѣка лежатъ тамъ, куда не достигали ледники послѣдняго ледниковаго періода. Впрочемъ, нѣкоторые ученые отодвигаютъ появленіе Европейскаго человѣка еще дальше, къ послѣднему доледниковому или межледниковому періоду. Но и они согласны съ А. Пенкомъ, что слѣдовъ человѣка не замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были заняты ледниками послѣдняго періода. Это показываетъ, что мнѣніе Пенка болѣе справедливо, что появленіе Европейскаго человѣка (а стало-быть и вообще *человѣка*, потому что открытыя находки въ Европѣ принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ) скорѣе всего падаетъ на эпоху послѣдняго ледниковаго періода.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ самую счастливою оказалась Франція. Эта страна болѣе другихъ прославилась интересными находками дилювіальнаго человѣка. Сравнительно бѣднѣе мѣстами находокъ оказалась Германія, такъ какъ эта страна въ послѣднюю ледниковую эпоху была на далекомъ протяженіи погребена подо льдомъ, тогда какъ Франція и другія области Европы оставались свободными отъ льда.

Знаменитый Аббевильскій археологъ Буше-де-Перть первый открылъ кремневые орудія въ Аббевильскихъ могильныхъ холмахъ и призналъ ихъ за несомнѣнные слѣды присутствія человѣка въ Европѣ въ дилювіальную эпоху. Это было въ сороковыхъ годахъ прошлаго XIX вѣка. Открытіямъ Буше долго не вѣрили, пока наконецъ находки кремневыхъ орудій въ долинѣ Соммы (въ 1859 году) не убѣдили весь ученый міръ въ справедливости словъ Буше. Въ долинѣ рѣки Соммы найдена была Ляйелемъ масса каменныхъ орудій разнаго вида: топоры, ножи, копій, молотковъ. Всѣ эти предметы, открытые въ несомнѣнныхъ дилювіальныхъ отложеніяхъ, дали полное доказательство существованія дилювіальнаго человѣка. Рядомъ съ открытіями въ долинѣ Соммы можно поставить мѣсто находенія дилювіальнаго человѣка въ Германскомъ Таубахѣ (Веймарѣ) и Шуссенѣ (въ Швабіи). Судя по ископаемымъ орудіямъ, открытымъ во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, нужно полагать, что дилювіальный человѣкъ находился въ различныхъ условіяхъ первобытной культуры. Тогда какъ во Франціи въ долинѣ Соммы всѣ орудія первобытнаго человѣка были сдѣланы изъ кремня, въ Таубахѣ, а особенно въ Шуссенѣ кремневыхъ орудій найдено очень мало. Но крайней мѣрѣ, тѣхъ крупныхъ орудій изъ кремня, какія нашлись въ долинѣ Соммы, въ этихъ мѣстахъ совсѣмъ не найдено. Встрѣчаются лишь небольшіе ножи изъ кремня и кремневые осколки. Ясно, что Германскій дилювіальный человѣкъ прибѣгалъ къ каменнымъ орудіямъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Матеріаломъ для выдѣлки копій, топоровъ, ножей и пр. въ Таубахѣ и Шуссенѣ служили человѣку кости животныхъ, позвонки, челюсти, клыки и болѣе всего рога сѣвернаго оленя.

Самыми новѣйшими, интересными и не оставляющими никакихъ сомнѣній въ диллювіальной давности находками признаются находки близъ Шуссенскаго источника. Онѣ открыты въ 1865 году и оказались своеобразными въ томъ смыслѣ, что изобилуютъ издѣліями изъ рога сѣвернаго оленя. Это обстоятельство говоритъ въ пользу того, что страна Шуссенскаго бассейна лежала вблизи ледниковъ послѣдняго періода, и что поэтому человѣкъ жилъ именно въ эту эпоху. Первобытныя Шуссенскіе обитатели, о которыхъ свидѣтельствуетъ ученый О. Фраасъ, были рыболовы и охотники, не знавшіе никакихъ домашнихъ животныхъ, ни земледѣлія, ни искусства обрабатывать глину. Они умѣли разводить огонь для варки пищи, могли убить сѣвернаго оленя и медвѣдя; ихъ стрѣла настигала лебедя, ихъ удочка доставала рыбу изъ глубины. Съ помощью кремня они искусно обрабатывали рогъ сѣвернаго оленя. По найденнымъ остаткамъ можно догадываться, что обитатели Шуссена изъ оленьихъ сухожилій крутили нитки, изъ которыхъ плели сѣти и ласы для удочекъ.

Мѣстонахожденія Аббевиля близъ Соммы и Таубаха рисуютъ намъ Европейскаго диллювіальнаго человѣка хотя не на высшей ступени развитія, но въ другой обстановкѣ, чѣмъ въ Шуссенѣ. Мѣловая формація долины Соммы богата залежами кремня. Поэтому здѣсь человѣкъ научился дѣлать необходимыя хозяйственныя и охотничьи орудія прямо изъ кремня. Въ техничскомъ отношеніи подобныя орудія, конечно, болѣе соответствовали своей цѣли, чѣмъ Шуссенскія костяныя. То, чего достигалъ обитатель Шуссена терпѣливымъ отпиливаніемъ при помощи маленькихъ осколковъ кремля, тяжелый каменный топоръ французскаго диллювіальнаго человѣка (близъ Соммы) дѣлалъ однимъ ударомъ. Для выскабливанія внутренней поверхности кожи въ долинѣ Соммы могъ служить кремневый скребокъ, цѣлесообразно и искусно обтесанный. Шуссенскій обитатель для этой цѣли употреблялъ инструментъ изъ оленьяго рога, гораздо менѣе дѣйствительный, требующій несравненно больше времени и труда. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ диллювіальную эпоху кремень является до нѣкоторой степени культурнымъ минераломъ, какъ теперь желѣзо играетъ роль

культурнаго металла. Обиліе кремня облегчало первобытному обитателю долины Соммы жизненный трудъ и сберегало время, давая возможность употребить досугъ на нѣкоторыя уточненныя работы и украшенія.

Указанныя мѣстонахожденія въ Шуссенѣ, Таубахѣ и Аббевилѣ, гдѣ найдены первобытныя орудія рядомъ съ остатками животныхъ, представляютъ собою открытыя мѣста рядомъ съ водою. Можно думать, что въ этихъ мѣстахъ люди собирались группами, вмѣстѣ охотились, дѣлили добычу или устраивали пиръ по случаю удачной охоты. Объ этомъ говорятъ и слѣды угольевъ вмѣстѣ съ золою и масса костяныхъ отбросовъ животныхъ, которые употреблялись въ пищу. Остатковъ человѣческихъ костей въ этихъ мѣстахъ оказалось очень мало. Люди здѣсь могли оставаться лишь временно, до тѣхъ поръ пока не переводились животныя, за которыми охотились. Но такъ какъ болѣе или менѣе постояннымъ жилищемъ дилювіальнаго чело-вѣка являлись пещеры, то открытія, сдѣланныя въ пещерахъ, гораздо болѣе интересны. Самую интересною въ этомъ отношеніи является Гомфельская пещера, по находкамъ которой О. Фраасъ пытается наглядно воспроизвести жизнь ея древнихъ обитателей (см. выше). Изъ другихъ Германскихъ пещеръ, въ которыхъ тѣмъ-же Фраасомъ открыты дилювіальные остатки, замѣчательна пещера въ Офнетѣ, близъ Нёрдлингена въ Баваріи. Здѣсь найдены прекрасные экземпляры кремневыхъ орудій. Въ другой Бовштейнской пещерѣ открыты дилювіальныя орудія, сдѣланныя изъ слоновой кости или вѣрнѣе изъ костей мамонта. Очевидно, чело-вѣкъ въ этихъ мѣстахъ охотился за мамонтомъ, убивалъ его и изъ костей этого огромнаго животнаго приготовлялъ себѣ разные инструменты.

Интересны пещерныя находки во Франціи. Въ хрящевыхъ ямахъ Альева, особенно-же въ гротѣ Ориньяка, было открыто множество просверленныхъ окаменѣлостей, похожихъ на жемчужины, а также не мало небольшихъ круглыхъ пластинокъ съ отверстіемъ по срединѣ. Тѣ и другія, очевидно, служили въ качествѣ украшеній, подвѣсокъ, ожерелій. Здѣсь же встрѣчаются просверленные зубы медвѣдя, лошади, каменнаго козла,

сѣвернаго оленя, которые могли служить и украшеніями и въ качествѣ амулетовъ.

Геологами Ларте и Кристи въ промежутокъ между 1864 и 1874 годами открыты и изслѣдованы скалистые углубленія и гроты въ Перигорѣ, въ долину рѣки Везера. Мѣстность здѣсь прекрасная. Богатые, зеленѣющіе луга по обѣимъ сторонамъ рѣки быстро смѣняются отвѣсными, почти нависшими скалами. Бойдъ-Доукинсъ высказываетъ большое удивленіе по поводу находокъ въ этихъ пещерахъ. Пещеры наполнены предметами, которые такъ-же наглядно изображаютъ жизнь человѣка въ ту эпоху, какъ засыпанные города, Геркуланъ и Помпея, — нравы и обычаи Италіи въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. Почва пещеръ состоитъ изъ обломковъ костей разныхъ животныхъ, убитыхъ на охотѣ, смѣшанныхъ съ грубыми предметами утвари, съ оружіемъ изъ костей и неполированного камня, съ углемъ и обгорѣлыми камнями на мѣстѣ бывшего очага. Кремни, осколки безъ числа, грубые каменные ножи, шила, наконечники копій, пила изъ кремня или роговика перемѣшаны съ костяными иглами, рѣзбою изъ оленьяго рога, камнями съ вырѣзанными фигурами, наконечниками стрѣлъ, гарпунами и заостренными костями. А рядомъ со всѣмъ этимъ разбросаны остатки животныхъ, служившихъ пищею: сѣвернаго оленя, зубра, лошади, каменнаго козла, сайги и мускуснаго быка. Мѣстами все это склеено известковымъ налетомъ въ одну твердую массу. Это удивительное скопленіе всякаго рода обломковъ и остатковъ безъ сомнѣнія указываетъ мѣсто, гдѣ нѣкогда пировали охотники. Обломки костей и утвари суть не что иное, какъ отбросы. Въ пищу, очевидно, употреблялись всѣ животныя, которыхъ убивали, но чаще всего сѣверный олень, лошадь и зубръ. Есть остатки льва, мамонта, медвѣдя и тѣны. Но не осталось никакихъ указаній на то, чтобы человѣкъ этихъ пещеръ приручилъ хотя-бы одну породу животныхъ. Нѣтъ здѣсь также ни остатковъ веретена, которое говорило бы о знакомствѣ человѣка съ прядильнымъ искусствомъ, ни глиняныхъ черепковъ. Пища варилась въ круглыхъ камняхъ, имѣющихъ углубленіе и доселѣ сохранившихъ слѣды

огня ¹⁾. Вотъ всѣ данныя для опредѣленія мѣстожительства диллювіальнаго человѣка. Говорятъ ли они что-либо противъ Библіи? Рѣшительно ничего. Они ограничены маленькимъ пространствомъ земли. Они слишкомъ единичны, случайны и неопредѣленны, чтобы на основаніи ихъ можно было сдѣлать общее и твердое заключеніе. Это еще яснѣе откроется изъ слѣдующей главы.

IV.

При опредѣленія культурнаго состоянія диллювіальнаго человѣка большую услугу оказали найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первобытныя произведенія человѣческаго искусства. Нѣкоторыя изъ нихъ по своей незамысловатости, простотѣ и безыскусственности могутъ свидѣтельствовать о наивности дикаря, о крайнемъ убожествѣ его духовныхъ интересовъ, о низкомъ уровнѣ человѣческой изобрѣтательности. Но другія находки очень интересны. Предъ ними сами ученые дарвинисты становятся втупикъ. Дѣло въ томъ, что на нѣкоторыхъ пещерныхъ остаткахъ встрѣчаются настоящія произведенія искусства. Это рисунки сдѣланныя иногда очень живо на кускахъ оленьяго рога. Большею частію они изображаютъ животныхъ, а иногда и человѣка. Есть фигуры животныхъ, вырѣзанныя изъ цѣлаго куска оленьяго рога. Всѣ такія открытія вызвали величайшее изумленіе археологовъ и антропологовъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что диллювіальный человѣкъ обладалъ художественнымъ вкусомъ и способностью наслаждаться красотами природы. Мы имѣемъ здѣсь предъ собою такія произведенія древнѣйшаго искусства и первобытной культуры, которыя стоятъ даже выше произведеній изъ золота и бронзы позднѣйшаго періода.

Первыя находки произведеній искусства диллювіальнаго человѣка открыты въ пещерахъ Перигоры (см. выше). Впослѣдствіи аналогичныя находки были сдѣланы въ Швейцаріи близъ Боденскаго озера въ такъ называемой Кессверовой ямѣ. Всѣ находки представляютъ собою рисунки, гравированные на кости. Одни изъ нихъ изображаютъ рыбу, другіе—голову оленя,

¹⁾ Ранке т. II. Человѣкъ, стр. 472—516.

третья—фигуру лошади или зубра. Есть рисунки довольно сложные, представляющіе собою человѣка съ палкой въ рукахъ, повидимому, голаго, идущаго близъ плетня, позади котораго видны лошадиныя головы. Среди пластическихъ рѣзныхъ издѣлій дилювіальной эпохи Ларте и Кристи нашли весьма изящное хотя и грубовато-выполненное изображеніе на рукояткѣ кинжала. Изъ оленьяго рога первобытный художникъ очень искусно вырѣзалъ фигуру цѣлаго оленя въ слѣдующемъ положеніи. Животное, падая вытягиваетъ шею и поднимаетъ вверхъ голову, благодаря чему рога пригнулись назадъ къ шеѣ и спицѣ. Переднія ноги согнуты, а заднія вытянуты. Въ той-же Кессверовой ямѣ открыты два другихъ издѣлія подобнаго-же рода. Только рукоятка изображаетъ собою въ одномъ случаѣ голову мускуснаго быка съ опрокинутыми назадъ рогами и ушами, въ другомъ—двойное изображеніе: лошадиной головы съ одной стороны и головы зайца—съ другой.

Найденныя во множествѣ костяныя иглы съ ушкомъ и кремневыя скребки доказываютъ, что дилювіальный человѣкъ обладалъ извѣстными знаніями въ искусствѣ одѣваться, чего требовалъ климатъ ледниковой эпохи. Насколько въ ледниковомъ періодѣ была распространена одежда изъ шкуръ, показываетъ множество находимыхъ кремневыхъ скребковъ, которые служили для обработки шкуръ. Другой матеріалъ для одежды едва-ли существовалъ въ первобытную эпоху Европы, такъ какъ нѣтъ указаній на то, чтобы въ дилювіальный періодъ извѣстно было искусство пряжи, которое явилось гораздо позднѣе. Но плетеніе и скручиваніе бичевокъ были, очевидно, извѣстны уже и тогда. Самыя плетенія и бичевки, разумѣется, до нашего времени сохраниться не могли, но они ясно изображены въ видѣ орнаментальныхъ украшеній на оружіи и утвари дилювіальной эпохи.

Много было споровъ о томъ, была-ли извѣстна дилювіальному человѣку въ Европѣ техника керамики и гончарное ремесло, т. е. искусство заготовленія глиняной посуды. О. Фраасъ нашелъ въ пещерахъ Госсельса и Офнета грубые горшечныя черепки и настаиваетъ на ихъ дилювіальной давности. Несомнѣнно только то, что выдѣлываніе глиняной посуды составляло малую по-

требность Европейскаго дилювіальнаго человѣка, какъ современныхъ эскимосовъ и огнеземельцевъ. Вообще этого рода находки возбуждаютъ сомнѣніе въ своей давности. Нормальнымъ сосудомъ для воды всегда былъ и остается мѣхъ, изготовленный изъ шкуры маленькаго животнаго, снятой въ цѣлости. По общему убѣжденію не менѣе древнимъ сосудомъ для варки пищи служили сосуды изъ дерева или корзины непроницаемаго плетенія, въ которыхъ жидкость нагрѣвалась помощью раскаленныхъ докрасна камней. А что искусство плетенія было извѣстно дилювіальному человѣку, въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что древнія лѣтнія жилища или шалаши состояли изъ плетеныхъ стѣнъ смазанныхъ глиной. Отсюда искусство плетенія было примѣняемо и къ выдѣлкѣ первобытныхъ сосудовъ, которые отличались особенною прочностью. Плетеные, насквозь промазанные глиной сосуды обжигались на огнѣ, отчего внѣшнѣе плетеніе обыкновенно превращалось въ золу, оставляя послѣ себя красный отпечатокъ, который сообщалъ сосуду тесьмообразный орнаментъ. Вообще же нужно замѣтить, что приписывать остатки найденной посуды дилювію и показать ея отличіе отъ произведеній болѣе поздняго періода чрезвычайно трудно. Поэтому самый вопросъ о первобытномъ гончарномъ искусствѣ остается открытымъ.

Не подлежить сомнѣнію, что дилювіальный Европейскій человѣкъ обладалъ самымъ раннимъ человѣческимъ искусствомъ добывать огонь. Уголь и кремневые осколки суть древнѣйшіе слѣды, которые оставилъ намъ человѣкъ. Способъ добыванія огня былъ различенъ. Самымъ древнѣйшимъ способомъ нужно признать способъ полученія искры отъ тренія. По словамъ Тэйлора, ручное деревянное огниво состоитъ изъ цилиндрическаго куска дерева съ тупымъ остриемъ, которое быстро вращаютъ между обѣими руками и въ то же время надавливаютъ на другой конецъ дерева, въ которомъ такимъ путемъ образуется углубленіе. Угольная пыль, которая образуется отъ буренія, воспламеняется. Такой способъ добыванія огня требуетъ большой ловкости и силы. Безъ сомнѣнія, съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно употребленіе трута. Въ качествѣ послѣдняго какъ первобытные, такъ и теперешніе дикари употребляютъ.

губки, сухую кору, мохъ. Диллювіальные находки подтверждаютъ что человѣкъ зналъ и о другомъ способѣ добыванія огня. Въ пещерахъ, гдѣ нѣкогда обиталъ человѣкъ, найдены были куски желѣзнаго колчедана. Съ помощью кремня можно легко выбить изъ куска такого колчедана искру и бросить ее на трутъ. Насколько важно было искусство добыванія огня видно изъ того, что даже въ глазахъ Римлянъ уже въ 1 вѣкѣ по Рожд. Хр. искусство огня добыванія было рѣдкимъ и изобрѣтателей его называли по именамъ. Преданія различныхъ народовъ сохранили тоже имена такихъ людей. Извѣстно греческое преданіе о Прометейѣ, похитившимъ огонь съ неба. Извѣстно также сказаніе Индійскихъ Ведъ о томъ, какъ Агни (лат. ignis), т. е. небесный огонь скрывается, но затѣмъ похищается Матариваномъ и передается человѣку. Все это показываетъ, что диллювіальный человѣкъ, обладавшій хотя и первобытнымъ способомъ добыванія огня, стоялъ уже на высшей степени первобытной культуры. Самыми достовѣрными документами первобытнаго человѣческаго искусства являются разныя орудія, приготовленныя изъ камня и кости. Каменныхъ орудій открыто такъ много, что на основаніи ихъ формы ученый Брока пытался даже создать классификацію остатковъ диллювіального человѣка, построенную на техническихъ усовершенствованіяхъ. Древнѣйшимъ типомъ первобытнаго искусства Брока считаетъ Сентъ-Ашельскіе топоры, грубо обтесанныя съ обѣихъ сторонъ. Вторымъ типомъ онъ признаетъ наконечникъ копья, крѣпкій красивый осколокъ, похожій на ножъ, на грубо обдѣланный въ формѣ острой пики. Третій, самый новый типъ диллювіальныхъ каменныхъ орудій, тоже наконечникъ копья, но болѣе искусно обдѣланный, примыкающій къ шлифованнымъ каменнымъ орудіямъ болѣе новаго каменнаго періода. Такая классификація, конечно, не можетъ быть вполне научною, но она годится для всякаго, кто желаетъ ориентироваться въ формѣ диллювіальныхъ орудій.

Въ пещерахъ Перигоры находили очень красивыя костяныя иглы, тщательно отшлифованныя съ прекрасно обдѣланнымъ ушкомъ. Онѣ сдѣланы съ помощью заостренныхъ кремневыхъ осколковъ, пригодность которыхъ для этой цѣли ученый Ларте

доказалъ на опытѣ. Иглы выпилены изъ плоскихъ мелкихъ костей сѣвернаго оленя и затѣмъ кругло отшлифованы на песчаникѣ. Въ этихъ швейныхъ иглахъ мы видимъ не только доказательство того, что дилювіальный охотникъ умѣлъ шить, но и ясное представленіе о методѣ, съ помощью котораго слѣдуетъ выдѣлывать иглы. Кромѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій изъ кремня попадались также вырѣзанные изъ рога сѣвернаго оленя, нерѣдко снабженные зазубринами. Зазубрины большею частью имѣютъ бороздки и расположены по обѣ стороны оси. Очень можетъ быть, что бороздки на зазубринахъ играли роль украшенія ¹⁾).

Таковы факты, собранные въ послѣднія десятилѣтія въ доказательство первобытной культурности нашихъ дилювіальныхъ предковъ. Говорятъ ли они что либо противъ Библіи? Говорятъ ли они что либо о нравственномъ и религіозномъ состояніи дилювіальнаго человѣка? Рѣшительно ничего. Ученые ничего не знаютъ о его исторической, соціальной и религіозно-нравственной жизни. Молчатъ и дарвинисты. Они строятъ лишь свои предположенія на ограниченномъ числѣ обломковъ и вещественныхъ фрагментовъ каменнаго періода. Одна только Библія, какъ увидимъ, проливаетъ на этотъ періодъ нѣкоторый свѣтъ.

V.

Современные натуралисты, геологи и антропологи, очень заняты вопросомъ, куда исчезъ дилювіальный человѣкъ, что случилось съ нимъ. Быть можетъ онъ, преслѣдуя мускуснаго быка и сѣвернаго оленя на краю тающаго сѣвернаго льда, прошелъ чрезъ сѣверныя и сибирскія степи и добрался наконецъ до арктическихъ странъ сѣвернаго полушарія. Быть можетъ нынѣшніе обитатели этихъ негостепримныхъ ледяныхъ пустынь—прямые потомки нашего дилювіальнаго человѣка?

Среди климатическихъ условій ледниковаго періода, такъ рѣзко отличавшихся отъ нынѣшнихъ, среди первобытной европейской фауны мы находимъ первые вѣрные слѣды человѣка. Это было племя охотниковъ и рыболововъ, которые, по крайней мѣрѣ, въ ледниковую эпоху, непосредственно предшествую-

ющую нашей, весьма близко походили по образу жизни и первобытной культурной обстановкѣ къ арктическимъ племенамъ, обитающимъ нынѣ на границѣ вѣчныхъ глетчеровъ, т. е. къ эскимосамъ и огнеземельцамъ. Въ виду такого сходства Бойдъ-Доукинсъ не колеблясь отвѣчаетъ утвердительно на поставленные выше вопросы. По его мнѣнію, не только образъ жизни, но и весь физическій обликъ нынѣшнихъ арктическихъ народовъ поразительно напоминаетъ дилювіальнаго человѣка. Подобно обитателямъ Кро-Маньенной пещеры, которыхъ большинство французскихъ геологовъ относить къ дилювію, нѣкоторые племена эскимосовъ представляются очень крѣпкими и сильными, длинголовыми, широколицыми и съ замѣчательнымъ развитіемъ головного мозга.

Туже параллель между человѣкомъ дилювіальнаго періода и нынѣшнимъ эскимосомъ антропологи склонны проводить и по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ нѣкоторыхъ дилювіальныхъ находкахъ открыты образцы рѣзьбы на деревѣ и оленьемъ рогѣ съ глубокими весьма правильными и красивыми штрихами. Такихъ находокъ очень много, особенно близъ Шуссенскаго источника. Противъ подлинности этихъ предметовъ возставали принципиально на томъ основаніи, что они будто бы не гармонируютъ съ представленіемъ о безконечно низкомъ уровнѣ дилювіальной культуры. Соглашаясь, что эти изображенія свидѣтельствуютъ о высокой степени наблюдательности человѣка и должны быть признаны настоящими произведеніями искусства, хотя и первобытными, антропологи, однако, полагаютъ что степень культуры Европейскаго дилювіальнаго человѣка соотвѣтствуетъ культурѣ нѣкоторыхъ современныхъ дикарей. Такими дикарями остаются и доселѣ эскимосы. Какъ по нравамъ, обычаямъ, образу и условіямъ жизни, такъ и по произведеніямъ искусства, которые встрѣчаются среди современныхъ эскимосовъ, мы будто бы можемъ смѣло заключать, что они,—эскимосы, стоятъ на той-же первобытной ступени развитія, на которой стоялъ дилювіальный человѣкъ, или, точнѣе сказать, ближе всего подходятъ къ древнеевропейскому дилювіальному человѣку. Наши эскимосы такъ-же, какъ и дилювіальный человѣкъ, живутъ въ ледниковую эпоху постоянно

въ холодномъ климатѣ, среди льдовъ и снѣжной пустыни сѣвера, такъ-же, какъ и онѣ, занимаются главнымъ образомъ охотой на сѣвернаго оленя и рыбной ловлей. И они точно также умѣютъ рѣзать на кости оленьяго рога и дощечкахъ пловучаго лѣса и даже вырѣзывать цѣлыя вещи изъ кости и рога. У нихъ встрѣчаютъ характерныя изображенія рыбы и полярнаго медвѣдя, а также рисунки, изображающіе охоту на сѣвернаго оленя. У современныхъ эскимосовъ любовь къ искусству столь-же мало идетъ рука объ руку съ общей утонченностью жизни, какъ и у нашихъ древнѣйшихъ Европейскихъ предковъ. Канъ, который имѣлъ возможность много наблюдать этотъ народъ, такъ описываетъ убогій инвентарь современнаго эскимосскаго жилища. „Чашка изъ тюленьей шкуры для хранения воды; лопатка моржа, служащая лампою, съ плоскимъ камнемъ поддерживающимъ ее. Другой большой тонкій камень, на который кладется тающій снѣгъ, назначенный для питьевой воды. Остріе копья съ длинной тесьмой вродѣ шнура; наконецъ вѣшалка для платья и самое платье этихъ людей,— вотъ и всѣ земныя блага этой бѣдной семьи“¹⁾. И все-таки, не смотря на эту бѣдность, они въ общемъ не чужды эстетическаго чувства. Ихъ любовь къ играмъ, въ которыхъ проявляется физическая сила и ловкость, ихъ пѣніе, музыка, танцы—все это свидѣтельствуетъ о живости чувства этого народа, котораго не могъ подавить леденяющій сѣверъ.

Всѣ указанныя качества были, вѣроятно, не чужды и бѣднымъ пещернымъ жилищамъ нашихъ древнѣйшихъ европейскихъ предковъ, если среди нихъ на почвѣ любви и наслажденія природою могло возникнуть стремленіе подражать ей, стремленіе, выразившееся въ рѣзныхъ и пластическихъ изображеніяхъ искусства.

Такъ или иначе, по всѣмъ даннымъ сходства между диллювіальнымъ пещернымъ троглодитомъ и нынѣшнимъ эскимосомъ, ученые склоняются къ предположенію, что эскимосы составляютъ пережитокъ диллювіальнаго человѣчества²⁾. Наукѣ

¹⁾ Ранке т. II. „Человѣкъ“. Стр. 521.

²⁾ Необходимо замѣтить, что этого мнѣнія держатся не всѣ. Изученіе формъ черепа приводитъ нѣкоторыхъ антропологовъ къ убѣжденію, что потомки диллю-

остаётся неизвѣстнымъ, какими путями человѣчество послѣ дилювія расселилось по другимъ странамъ и образовало современные расы и типы. Всѣ эти и подобные вопросы остаются открытыми, равно какъ и вопросы о томъ, когда и гдѣ возникло умѣнье обработки металловъ. Науки недостаетъ еще много важныхъ звеньевъ, чтобы точнѣе прослѣдить ходъ развитія доисторической Европейской культуры. Пестрая картина доисторической культуры Европы, надъ которою работаетъ антропология, намѣчена лишь въ общихъ чертахъ и только нѣкоторыя части этой картины возстановлены болѣе или менѣе ясно. Но какимъ образомъ эти детали сгруппируются въ одно цѣлое, наука еще не знаетъ. И слѣдовательно, ученіе Библии нисколько не опровергаетъ и если касается, то касается робко и неувѣренно.

VI.

Прежде, чѣмъ перейти къ тому священному источнику первобытныхъ временъ, изъ которыхъ христіанство почерпаетъ свѣдѣнія и предлагаетъ свое ученіе о первобытномъ допотопномъ

віальныхъ расъ—не одни только жители арктическихъ странъ. Такъ напр. французскіе антропологи держатся того мнѣнія, что, по крайней мѣрѣ во Франціи, гдѣ условія жизни были особенно благопріятны для человѣка во весь дилювіальный періодъ, дилювіальный человѣкъ пережилъ смѣну геологическихъ эпохъ и что культурная эпоха древнѣйшаго или палеолитическаго каменнаго періода перешла безъ рѣзкой грани въ сравнительно высокоразвитую культурную эпоху алювіальнаго, новаго каменнаго или неолитическаго періода. По мнѣнію французскихъ ученыхъ, весь процессъ культурнаго развитія, въ концѣ котораго является прирученіе домашнихъ животныхъ и изобрѣтеніе земледѣлія, дилювіальный французъ постепенно и самостоятельно пережилъ на издавна насиженой имъ землѣ. Но Бойдъ-Дувинсъ горячо оспариваетъ это мнѣніе, говоря, что очень многое изъ того, что приписывалось и приписывается во Франціи и Бельгіи дилювіальному человѣку принадлежитъ гораздо позднѣйшему неолитическому періоду. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что во Франціи, гдѣ въ ледяниковый періодъ глетчеры гораздо менѣе покрывали землю, чѣмъ напр. въ Германіи, древніе и новые слои почти всюду перемѣшались между собою, что въ высокой степени затрудняетъ ихъ распознаваніе. Сказанное относится въ особенности къ пещерамъ и скалистымъ гротамъ, которые, служа мѣстомъ погребенія для позднѣйшихъ алювіальныхъ эпохъ, разрывались, почвенные слои въ нихъ перемѣшивались, такъ что совсѣмъ нельзя разграничить съ научною точностью находки различныхъ эпохъ. См. уроч. Ранке т. II стр. 572—573.

человѣчествѣ, мы еще разъ бросимъ взглядъ назадъ, на эту кропотливую работу человѣческихъ усилій открыть свое прошлое. Мы обобщимъ все, что было сказано выше, и при этомъ ограничимся только самыми главными научными выводами. Этимъ путемъ мы гораздо легче сдѣлаемъ необходимое сопоставленіе съ библейскими указаніями и увидимъ въ чемъ Библия и наука еще расходятся и въ чемъ уже соглашаются касательно совершившихся судебъ первобытнаго человѣчества.

Прежде всего скажемъ о мѣстѣ, гдѣ обиталъ диллювіальный человѣкъ. Главныя мѣстонахожденія диллювіальныхъ людей открыты въ Европѣ, по преимуществу въ той части, которая занята теперь Франціей и южной Германіей. Если не считать нѣкоторыхъ, во всякомъ случаѣ, скудныхъ остатковъ, открытыхъ въ передней Азійи и Индіи, затѣмъ нѣкоторыхъ открытій въ Америкѣ, еще не вполне выясненныхъ съ научной стороны, то слѣды диллювіальнаго человѣка внѣ Европы еще не доказаны. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ самой Европѣ, гдѣ уже давнымъ давно каждый клочекъ земли доступенъ научному изслѣдованію, только въ 1859 году были собраны Ляйэлемъ первые рѣшающіе факты въ пользу диллювіальнаго человѣка. Обиліе Европейскихъ находокъ и ихъ несомнѣнная диллювіальная давность заставили ученыхъ считать Европу обиталищемъ диллювіальнаго человѣка. Здѣсь открыты древнѣйшія человѣческія жилища, наполненныя разными орудіями, остатками костей, кухонными отбросами и т. п. признаками, которые убѣждаютъ въ присутствіи человѣка.

Что касается времени, когда жилъ диллювіальный человѣкъ, то на этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно—въ зависимости отъ того, считать-ли человѣка современникомъ послѣдняго ледниковаго періода, или-же относить его появленіе къ періоду болѣе раннему, доледниковому или межледниковому. Оказывается, вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ въ виду того, что существуютъ доказательства различныхъ мнѣній. Преобладающимъ мнѣніемъ служитъ то, что человѣкъ оставилъ свои первые и ясные слѣды въ послѣднюю ледниковую эпоху. Въ этомъ убѣждаетъ то обстоятельство, что слѣдовъ человѣка не найдено

сѣвернѣе тѣхъ предѣловъ, которые въ послѣдній ледниковый періодъ были заняты глетчерами. Между тѣмъ слѣды существованія человѣка должны-бы найтись и сѣвернѣе названныхъ предѣловъ, если человѣкъ жилъ въ предшествующій ледниковому теплый (межледниковый) періодъ. Съ другой стороны, мѣстонахожденія близъ Таубаха убѣждаютъ въ обратномъ. Здѣсь наряду съ дилювіальными остатками человѣка наблюдаются остатки того животнаго міра, который вполне соответствуетъ нашему теплomu климату. Отсюда нѣкоторые дѣлаютъ выводъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло и съ человѣкомъ и съ фауною теплаго межледниковаго періода, за которымъ слѣдовала эпоха ледниковая. Стало-быть человѣкъ жилъ здѣсь прежде ледниковаго періода и принадлежалъ къ эпохѣ древнѣйшей доледниковой, раньше которой ни въ Европѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не было до сихъ поръ найдено сколько нибудь несомнѣнныхъ слѣдовъ человѣка. Какъ ни ничтожны сами по себѣ человѣческіе слѣды въ межледниковыхъ отложеніяхъ Таубаха, тѣмъ не менѣе они имѣютъ большое значеніе для опредѣленія давности человѣческаго рода, такъ какъ они отодвигаютъ существованіе Европейскаго человѣка за предѣлы послѣдней ледниковой эпохи.

Если переложить на цифры оба вышеуказанныя мнѣнія, то въ вопросѣ о давности человѣка получится большое различіе. Согласно теоріи Пенка о перемѣщеніи пояса безвѣтрія, ледниковые періоды чередуются будтобы въ южномъ и сѣверномъ полушаріи черезъ каждые десять тысячъ пятьсотъ лѣтъ (10500 л.). По наблюденіямъ ученыхъ, Европейскій материкъ и все вообще сѣверное полушаріе въ настоящее время переживаютъ теплый періодъ. Солнце находится въ нашемъ полушаріи на 36 дней дольше; отъ этого поясъ безвѣтрія перемѣстился сѣвернѣе, а ледники отодвинулись дальше къ полюсу. Если наша эпоха занимаетъ самую середину теплаго періода (что многими считается очень вѣроятнымъ), то послѣдній ледниковый періодъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и давность появленія человѣка отстоитъ отъ нашего времени по этимъ соображеніямъ самое большее на десять тысячъ лѣтъ. Если-же считать справедливымъ мнѣ-

ніе о существованіи человѣка въ межледниковую эпоху, то давность человѣка удвоится. Придется думать, что человѣкъ существовалъ двадцать тысячъ лѣтъ назадъ. Такъ шатки и неустойчивы эти соображенія. Вообще же вопросъ о давности человѣка принадлежитъ къ самымъ спорнымъ, такъ какъ въ рѣшеніи его возможны такія разнорѣчія.

Дилювіальную эпоху палеонтологія считаетъ каменнымъ періодомъ. Дилювіальный человѣкъ не зналъ никакихъ металловъ, ни желѣза, ни мѣди, ни бронзы, или, если и зналъ объ ихъ существованіи, то не дошелъ еще до мысли объ ихъ употребленіи. Всѣ его домашнія орудія состояли изъ кремня и грубо обтесанныхъ кремневыхъ осколковъ, едва напоминающихъ собою топоры, ножи, молотки, копья, стрѣлы и т. п. Съ помощью этихъ кремневыхъ орудій человѣкъ вырабатывалъ разные предметы изъ кости, чаще всего изъ костей пещернаго медвѣдя или изъ рога сѣвернаго оленя. Не слѣдуетъ, однако, думать, что каменный періодъ окончился одновременно съ окончаніемъ дилювія. Палеонтологія считаетъ дилювій древнѣйшимъ или палеонтологическимъ каменнымъ періодомъ въ отличіе отъ каменнаго періода новѣйшаго или неолитическаго. Оказывается будто бы, что человѣкъ и послѣ дилювія не сразу попалъ на изобрѣтеніе металлическихъ орудій. Онъ долгое время оставался съ тѣми-же каменными орудіями, которыя были въ рукахъ его дилювіальнаго предка ¹⁾.

Нахожденіе дилювіальныхъ каменныхъ орудій въ смѣшеніи съ остатками разныхъ древнѣйшихъ животныхъ и рыбъ приводитъ къ несомнѣнному будто бы выводу, что занятіе дилювіальнаго человѣка состояло исключительно въ охотѣ и въ рыбной ловлѣ. Земледѣліе было ему совершенно неизвѣстно. Впрочемъ, если бы человѣкъ и зналъ способы добыванія растительной пищи, онъ не могъ-бы ими пользоваться, отчасти благодаря несовершенству каменныхъ орудій и полному незнакомству съ орудіями металлическими, а отчасти и потому еще, что привыкшій

¹⁾ Позднѣйшая, такъ называемая эпоха свайныхъ построекъ, какъ предполагаютъ, тоже принадлежитъ къ каменному періоду, потому что рядомъ со свайными постройками найдены только каменные орудія и нѣтъ никакихъ слѣдовъ употребленія металла.

къ животной пищѣ человекъ не чувствовалъ потребности въ растительной. Кромѣ мяса, человекъ, безъ сомнѣнія, употреблялъ въ пищу орѣхи и другіе растительные плоды, росшіе въ дикомъ состояніи; но земледѣлія будто бы въ дилювіальную эпоху не было.

Къ занятіямъ охотою дилювіальный человекъ вынуждался потому, что прирученныхъ домашнихъ животныхъ у него будто бы не было. Изъ остатковъ въ костеносныхъ пещерахъ не нашлось ни одного, который принадлежалъ-бы животнымъ современной домашней породы. Вся жизнь человека состояла въ непрерывной борьбѣ съ дикими животными, которыхъ приходилось убивать и для защиты себя отъ ихъ нападений и для того, чтобы добыть себѣ пищу. Открытія въ костеносныхъ пещерахъ говорятъ лишь о томъ, что въ различныхъ мѣстахъ употреблялись человекомъ въ пищу различныя животныя. Германскія пещеры изобилуютъ костями сѣвернаго оленя; стало-быть человекъ занимался здѣсь охотою на это именно животное. Напротивъ французскія находки отличаются удивительнымъ разнообразіемъ костей дилювіальныхъ животныхъ. Въ долинѣ Соммы открыты кости слѣдующихъ млекопитающихъ: мамонта, носорога, лошади, сѣвернаго оленя, мускуснаго быка, гигантской лани, пещернаго льва и гіены. Такъ неустойчивы всѣ эти выводы.

Постоянное занятіе охотою само собою предполагаетъ кочующій образъ жизни. Дилювіальный человекъ не имѣлъ постояннаго мѣстожителства. Смотря по нуждѣ, онъ передвигался въ мѣста болѣе удачной охоты или рыбной ловли. Поэтому о поселеніяхъ дилювіальныхъ людей, какъ о мѣстахъ постоянной стоянки, не можетъ быть и рѣчи. Люди жили и по одиночкѣ, и болѣе или менѣе значительными группами, соединяясь вмѣстѣ для охоты и рыбной ловли и расходясь когда миновала надобность. Мѣстами болѣе постоянныхъ стоянокъ нужно признать естественныя пещеры или гроты въ горахъ, куда люди поселялись на зиму, предварительно выживъ оттуда страшнаго звѣря, пещернаго медвѣдя. Лѣтомъ человеческими жилищами служили шалаши или палатки, сдѣланныя изъ древесныхъ вѣтвей и покрытыя звѣриными шкурами. Все это

утверждается съ удивительною увѣренностію и даже съ нѣкоторымъ ясновидѣніемъ.

Знакомый съ добываніемъ огня, дилювіальный человѣкъ приготовлялъ себѣ пищу на разведенныхъ угольяхъ очага. Впрочемъ, нѣтъ надобности думать, что пищею его было непременно сваренное или изжаренное мясо. Въ случаѣ нужды мясо бѣи сырымъ, вскрывали кости животныхъ и лакомились еще теплымъ мозгомъ, пили свѣжую кровь. Это будтобы несомнѣнно. Обстановка дилювіальныхъ человѣческихъ жилищъ была первобытною въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Изъ глины, вѣроятно, утвари никакой не было, потому что человѣкъ не научился еще обжигать глиняныя издѣлія. Чапкою служили плоскіе камни съ углубленіемъ посрединѣ или черепа животныхъ, всего чаще сѣвернаго оленя. Одежда была изъ звѣриныхъ шкуръ, грубо обдѣланныхъ помощью кремневаго ножа или скребка, и самымъ примитивнымъ образомъ спитыхъ иглою изъ рыбьей кости и ниткою изъ сухожилій. Вся фигура дилювіальнаго человѣка въ эгомъ одѣяніи походила на звѣря, отъ котораго онъ не далеко ушелъ и въ духовномъ отношеніи. Такую картину рисуетъ фантазія ученыхъ дарвинистовъ.

Что касается умственнаго уровня дилювіальнаго человѣка, то о немъ могутъ говорить тѣ произведенія искусства на костяхъ и особенно на кускахъ изъ оленьяго рога, которыя изображаютъ разныхъ животныхъ, да еще тѣ различныя издѣлія изъ камня и кости, которыя служили дилювіальному человѣку предметами домашняго обихода. Всѣ эти остатки первобытнаго искусства свидѣтельствуютъ лишь о нѣкоторомъ духовномъ развитіи, котораго достигъ человѣкъ уже въ дилювіальный періодъ, о нѣкоторой сообразительности и наблюдательности человѣка, о его попыткахъ выдѣлать себя изъ окружающей природы и въ то же время подражать ей и воспроизводить ее, наконецъ, о присутствіи въ человѣкѣ задатковъ художественнаго вкуса. Всѣ эти способности и задатки были, конечно, выражены очень слабо, но они говорили будто бы о возможности дальнѣйшаго умственнаго прогресса, о будущемъ развитіи и ростѣ человѣческой культуры. Правду ли, однако, говорятъ намъ дарвинисты? Для дарвинистовъ, по крайней мѣрѣ,

несомнѣннѣнъ будто бы фактъ умственнаго, а особенно нравственнаго убожества диллювіальнаго человѣка, отсутствіе въ немъ всякихъ понятій о долгѣ и нравственныхъ обязанностяхъ по отношенію къ себѣ подобнымъ; все это, по мнѣнію геологовъ и антропологовъ дарвинистическаго лагеря, говоритъ за то, что первобытный человѣкъ очень недалеко ушелъ отъ своего обезьяноподобнаго предка, что физически человѣкъ жилъ почти такъ-же, какъ животные, а его умственный и нравственный уровень былъ настолько низокъ, что развѣ одною ступенью стоялъ выше умственныхъ и нравственныхъ задатковъ высшихъ породъ обезьянъ.

Таковы выводы о диллювіальномъ человѣкѣ, къ которымъ пришла новѣйшая антропологія дарвиновскаго направленія, на основаніи ископаемыхъ находокъ. Теперь посмотримъ, что говоритъ о диллювіальномъ человѣкѣ Библія.

Свящ. Іаковъ Галаховъ.

(Окончаніе будетъ).

І О А Н Н Ъ І Т А Л Ъ,

ВИЗАНТІЙСКІЙ ФИЛОСОФЪ КОНЦА XI ВѢКА.

Въ прошедшемъ году на страницахъ ж. „Вѣра и Разумъ“ мы посвятили рядъ статей вопросу объ Іоаннѣ Италѣ, гдѣ изложили свѣдѣнія о немъ самомъ и объ его преподавательской дѣятельности, подробно рассмотрѣли исторію соборовъ, обсуждавшихъ ученіе Итала, изслѣдовали вопросъ и объ его воззрѣніяхъ, подвергшихся осужденію со стороны виз. Церкви.

Настоящій очеркъ мы посвятимъ систематическому изложенію содержанія какъ философскихъ, такъ и богословскихъ воззрѣній І. Итала.

Изслѣдованіе содержанія одиннадцати главъ Синодика показало намъ, что центромъ философскаго ученія І. Итала было ученіе объ идеяхъ, какъ реальныхъ сущностяхъ, и о веществѣ, какъ о самосущномъ, безначальномъ и собезначальномъ Богу. Этими основными взглядами опредѣлялось все остальное ученіе одиннадцати главъ. Считая платоновскія идеи истинными, І. Италъ подчинялъ вещество ихъ творческому воздѣйствію и утверждалъ, что вещество преобразуется по идеямъ. Но съ другой стороны его взглядъ на вещество, какъ начало самобытнаго, не могъ не оказать своего вліянія на ученіе объ отношеніи вещества къ идеямъ. И среди взглядовъ мы встрѣчаемъ въ одиннадцати главахъ ученіе о душепреселеніи и о погябели душъ; отсюда есть основаніе заключать, что вещество, по Италу, не всегда и не безусловно подчиняется идеямъ и что идеи не всегда имѣютъ возможность преобразовывать вещество; иногда и вещество оказываетъ свое вліяніе на души и удерживаетъ ихъ въ своей власти.

Но за то выдержки изъ сочиненій Итала не только подтверждаютъ слова одиннадцати главъ объ идеяхъ, но даютъ возможность судить и объ ихъ отношеніи къ высочайшей идеѣ съ одной стороны и къ матеріи и матеріальному съ другой. Кромѣ того эти же извлеченія даютъ возможность составить представленіе и о другихъ сторонахъ философскаго ученія I. Итала. Въ этой главѣ мы и обратимъ главное вниманіе на эту сторону.

Насколько возможно судить, I. Италъ представлялъ міръ идеальный въ такомъ видѣ.

Онъ различалъ нѣсколько видовъ бытія: бытіе безначальное и причинное, бытіе зависимое, но самосуцное и бытіе зависимое. На эти виды бытія Италъ указываетъ, давая толкованіе аристотелевскому опредѣленію философіи, что „философія есть знаніе званій и искусство искусствъ“ ¹⁾. Это опредѣленіе Аристотеля, говоритъ онъ, представляло немалыя затрудненія для философвъ, думавшихъ, что знаніе по отношенію къ искусству есть вѣчто иное; такъ какъ, по ихъ мнѣнію, то, что является основаніемъ по отношенію къ искусству, и есть знаніе, а что не таково, то искусство. Но такимъ надо сказать, что не все изъ существующаго, о чемъ говорятъ какъ о простомъ, таково и есть на самомъ дѣлѣ; но одво изъ существующаго существуетъ, какъ бытіе причинное (*κατά πρόληψιν καὶ αἰτίαν*), другое-же какъ бытіе зависимое и самосуцное (*καθ' ἑαυτὴν ἅμα καὶ ὀυσίαν*), иное—какъ только участвующее (*κατὰ μέθεξιν*) ²⁾.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ этими видами бытія, I. Италъ вполне опредѣленно говоритъ только объ одномъ основномъ—о бытіи *κατά πρόληψιν καὶ αἰτίαν*; но о другихъ, о которыхъ онъ не говоритъ подробно, есть возможность заключать на основаніи сказаннаго о главномъ.

Что I. Италъ разумѣетъ подъ бытіемъ *κατά πρόληψιν καὶ αἰτίαν*, это онъ показываетъ тамъ, гдѣ выясняетъ аристотелевское опредѣленіе философіи, что она есть знаніе званій и искус-

¹⁾ Синодикъ въ недѣлю Православія..., стр. 58.

²⁾ Тамъ-же.

ство искусствъ. Тамъ онъ выясняетъ, что философія есть высшій рядъ знанія. Аристотель, по его мнѣнію, о философіи говоритъ, что она есть знаніе знаній и искусство искусствъ не какъ ихъ образъ, что и было бы по зависимости (*καθ' ὑπαρξιν*), но какъ ихъ первообразъ и обнимающая эти начала ¹⁾. Дальнѣйшія слова въ этомъ отдѣлѣ опущены; но, повидимому, въ нихъ I. Италъ говоритъ о философіи, какъ причинѣ другихъ знаній. А причиной она является потому, что предметомъ своего изслѣдованія имѣетъ бытіе причинное, которое есть основаніе всякаго другого бытія. „Оно (это) есть начало, превосходящее сущности, и о ней разсуждаетъ философія. И какъ оно есть начало началъ, такъ и философія—знаніе знаній“ ²⁾. Философія есть знаніе знаній потому, что предметомъ своего изслѣдованія имѣетъ бытіе причинное, которое есть начало превосходящее сущности, основаніе и причина всякаго бытія. Предметомъ своего изслѣдованія она имѣетъ основу бытія, а поэтому философія и выше всѣхъ другихъ наукъ. Другія науки предметами своихъ изслѣдованій имѣютъ низшіе виды бытія; а потому всѣ онѣ ниже философіи. Если же философія на этомъ основаніи выше другихъ наукъ, то отсюда, есть полное право утверждать, что самый объектъ философіи—причинное бытіе, есть высшій видъ бытія. Итакъ, бытіе *κατὰ πρόληψιν καὶ ἀτίαν* есть высшій видъ бытія, начало, превосходящее сущности, но вмѣстѣ съ тѣмъ начало началъ и основаніе всякаго другого бытія.

Придавъ причинному бытію такое значеніе, далѣе I. Италъ подробнѣе указываетъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ родомъ бытія. Изъ его словъ можно заключить, что бытіе *κατὰ πρόληψιν καὶ ἀτίαν* есть само сущее. Это бытіе необходимо считать сущимъ потому, что именно сущее, по мнѣнію Итала, является предметомъ философіи. „Философія, говоритъ онъ, изслѣдуетъ сущее, гдѣ оно есть, а не нѣкоторыя сущности“. Но называя это бытіе просто сущимъ, I. Италъ далѣе и выясняетъ, какое сущее въ этомъ случаѣ разумѣетъ. Физика, говоритъ онъ, занимающаяся сущностями (*ὄντα*), изслѣдуетъ начало и происхо-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

жденіе животныхъ и растений, что и составляетъ ихъ начала; равнымъ образомъ геометрія и математика изслѣдуютъ не сущности, гдѣ онѣ есть, но сущности, гдѣ схемы и числа. Философія же прежде всего не о схемахъ и числахъ, но „о совершенно простыхъ сущностяхъ, чуждыхъ всему бываемому, и не объ этихъ только, но и о началѣ всѣхъ сущностей“. Эти слова ясно показываютъ, что подѣ сущимъ, которымъ занимается философія, Г. Италъ разумѣетъ съ одной стороны простыя сущности, а съ другой—начало всѣхъ сущностей. При этомъ онъ отгѣняетъ, что философія прежде всего имѣетъ въ виду начало всѣхъ сущностей. Итакъ, причинное бытіе, есть не только сущее, но и начало всѣхъ сущностей.

Но опредѣливъ причинное бытіе не только какъ сущее, но и какъ начало, превосходящее сущности и начало началъ, и тѣмъ указавъ на его первенствующее значеніе, далѣе Г. Италъ даетъ ему новое названіе, которымъ вполне опредѣляется его исключительное положеніе. Какъ единица, говоритъ онъ, есть основаніе ариѳметки, знакъ—начало геометріи, предѣлъ -- прагматической логики,—эти истинные образы истинной единицы, предѣла и знака; такъ и простое начало совершенно простыхъ сущностей сущаго есть монада. И всѣ прочія познанія имѣютъ точки отправленія отъ тѣхъ основъ, о которыхъ они производятъ изслѣдованія. Философія изъ истинной монады и начала всѣхъ сущностей, изъ которой производится изслѣдованіе всѣхъ прочихъ началъ, производимыхъ о всякихъ самобытныхъ сущностяхъ; не о томъ, что есть, что, конечно, случайно, но о сущностяхъ и о происшедшихъ изъ высочайшей сущности. Изъ приведенныхъ словъ Г. Итала видно, что высшій предметъ философіи, которымъ она преимущественно занимается, есть совершенно простая монада. А раньше мы видѣли, что такимъ же предметомъ философскаго изслѣдованія является бытіе *κατὰ πρόληψιν καὶ αἰτίαν*, которое есть начало, превосходящее сущности. Слѣдовательно, причинное бытіе есть начало началъ, сущее въ собственномъ смыслѣ, начало, превосходящее сущности, но являющееся въ то же время основаніемъ всѣхъ, даже простыхъ сущностей; она есть истинная монада.

Но кромѣ бытія *κατὰ πρόληψιν καὶ αἰτίαν* I. Италъ, какъ мы видѣли, признавалъ существующими бытіе *καθ' ὑπαρξιν ἄρα καὶ ὄσιν* и бытіе *κατὰ μέθεξιν*. Какова ихъ природа, сущность и отношеніе къ бытію высочайшему?

Для опредѣленія значенія и отношенія причиннаго бытія къ другимъ видамъ, I. Италъ пользуется двумя примѣрами, которые ясно показываютъ его высокое положеніе и его значеніе для другихъ видовъ бытія. Изъ этихъ примѣровъ видно, что причинное бытіе онъ считаетъ не только высшимъ, но и причиной другихъ видовъ. Одинъ примѣръ онъ беретъ изъ отношенія ума и души, а другой изъ отношенія философіи къ другимъ наукамъ.

Объ умѣ и душѣ I. Италъ говоритъ такъ: мы говоримъ, что душа есть умъ, но часто, что умъ есть душа. Но душа есть умъ, потому что изъ него принимаетъ освѣщеніе. Въ силу этого умъ не составляетъ сущности души. Умъ есть нѣчто болѣе лучшее и божественное, потому что онъ есть причина (*αἰτία*) души и онъ уже въ себѣ имѣетъ то, что произвелъ¹⁾. Такъ же нужно думать и объ изслѣдуемомъ (философіи). „Если философія есть (возможна), то не по зависимости (*καθ' ὑπαρξιν*), а болѣе по причинѣ (*κατ' αἰτίαν*); философія не то же, что искусство, но болѣе лучшее и истинное“. Умъ и философія суть болѣе лучшіе и истинные, потому что тотъ и другая являются причинами души и искусства. А причина всегда лучше своего произведенія. „Если ты спросишь, говоритъ онъ, какимъ образомъ причина лучше того, что изъ нея, то я скажу тебѣ, что ты и самъ не допустишь, чтобы произведеніе было бы лучше того, изъ чего оно“²⁾. Причина есть нѣчто лучшее слѣдствія; причина уже заключаетъ въ себѣ производимое слѣдствіе, поэтому-то причина и не есть сущность слѣдствія, такъ какъ она не входитъ въ свое слѣдствіе вся, безъ остатка. Причина всегда больше своего слѣдствія. Таковы же отношенія между умомъ и душой, между философіей и искусствомъ. Умъ лучше души; умъ не есть сущность души, но гораздо лучше ея.

1) Синодикъ..., стр. 58.

2) Тамъ же.

Переходя отъ этихъ примѣровъ къ предмету рѣчи, есть основаніе заключать, что значить и бытіе *κατ' ἀκτίαν* имѣеть такую же природу и такія же отношенія къ другимъ видамъ бытія. Оно есть бытіе болѣе лучшее и болѣе истинное; оно есть причина другихъ видовъ; другіе виды бытія суть ея слѣдствіе. Въ то же время, говоря о причинномъ бытіи, какъ объ истинной монадѣ, I. Италъ представляетъ, что этотъ видъ бытія есть единственный, съ которымъ никакое другое бытіе не можетъ быть сравниваемо. Другіе виды бытія уже являются низшими формами бытія. Точно также, говоря, что бытіе причинное есть начало началъ, I. Италъ этимъ самымъ даетъ право заключать, что другія формы бытія получаютъ свое начало, а не есть бытіе безначальное. Онѣ имѣютъ свое начало въ бытіи причинномъ, такъ какъ являются слѣдствіемъ изъ причины. И какъ слѣдствіе немислимо безъ причины; такъ и другіе виды бытія существуютъ въ зависимости отъ своей причины, а не представляютъ собой бытія безусловнаго. Какъ причина, по Италу, выше своего слѣдствія, и слѣдствіе ниже своей причины, такъ и другіе виды бытія ниже и хуже бытія по причинѣ. Но какъ причинное бытіе есть по своей сущности бытіе, такъ слѣдовательно и другіе виды есть точно также бытіе, хотя и гораздо низшее. И какъ причинное бытіе есть начало и основаніе другихъ видовъ бытія, такъ и истинная монада есть тоже начало и основаніе простыхъ сущностей и отдѣльныхъ сущностей.

Изъ сказаннаго видно, что высочайшая монада есть причина и основаніе простыхъ сущностей и сущностей отдѣльныхъ. Но простая сущности есть то же, что бытіе *κατ' ὅπασιν ἄρα καὶ ὄσταν*; а отдѣльная сущности—то же что бытіе *κατὰ μέθεξιν*. Итакъ, какова природа того и другого бытія и слѣдовательно, какова природа сущностей?

Уже изъ предыдущаго, да и изъ самыхъ названій (*κατ' ὅπασιν*, *κατὰ μέθεξιν*) видно, что другіе виды бытія представляютъ собой бытіе зависимое и ограниченное. И I. Италъ, дѣйствительно, представлялъ себѣ другіе виды бытія именно такими. Это онъ высказываетъ хотя кратко, но довольно

опредѣленно въ другихъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ, говоря о высочайшемъ бытіи, онъ замѣчаетъ, что сущности отъ него и имъ начинаются ¹⁾. Въ томъ же мѣстѣ онъ еще опредѣленнѣе говоритъ объ ограниченности сущаго, замѣчая, что даже въ сущностяхъ „есть нѣчто изъ несущаго“ ²⁾ Видимо, безусловно сущимъ І. Италъ считалъ только одинъ видъ бытія— бытіе *κατὰ πρόληψιν καὶ αἰτίαν* или высочайшую монаду. Всѣ же другіе виды бытія представляютъ собой бытіе зависимое и условное. Но если зависимость и условность дѣлаютъ понятнымъ, почему простыя сущности І. Италъ называетъ бытіемъ *καὶ ὑπαρξιν*; то почему онъ называлъ ихъ бытіемъ не только *καὶ ὑπαρξιν*, но *καὶ οὐσίαν*? Это отчасти можно можно себѣ уяснить на основаніи опредѣленія другихъ качествъ этого бытія. Прежде всего, что можно сказать о времени происхожденія простыхъ сущностей?

У І. Итала есть два мѣста, на основаніи которыхъ возможно судить, какъ онъ думалъ о времени происхожденія сущностей. Въ одномъ мѣстѣ онъ выясняетъ платоновское выраженіе, что идеи сущностей въ Богѣ. Платонъ, говоритъ онъ, первый изъ греческихъ мудрецовъ утверждалъ, что идеи сущаго есть въ Богѣ и противъ своихъ противниковъ высказывалъ такіа возраженія. Прекрасно, что все приводящій въ порядокъ Богъ къ знанію пришелъ не отъ незнанія, а скорѣе отъ знанія; и если Онъ создалъ не то, чего не зналъ, но то, что зналъ прекрасно, то, согласно утвержденію Платона, міръ отъ вѣчности существуетъ въ диміургѣ не такъ, какъ онъ представляется намъ, тѣлеснымъ образомъ и въ раздѣленномъ видѣ, а безтѣлесно и невещественно. И, можно сказать, Платонъ утверждалъ, что Богъ имѣетъ въ себѣ идеи сущаго отдѣльными отъ вещества, напр., идею животнаго, человѣка и одинаково всего прочаго ³⁾. Говоря такъ, І. Италъ утвер-

1) Отвѣтъ, гдѣ І. Италъ говорилъ о Богѣ, Единомъ по Существу, по Троичномъ по Лицамъ. Онъ приведенъ у П. В. Безобразова въ его крит. ст. на сочин. О. Ив. Успенскаго. Визант. Временникъ, т. 1-й, от. 2-й, стр. 128.

2) Тамъ же.

3) Синодикъ... Fol. 6. ὅτι ὑφ' ἐστῆρας: τὰ γένη καὶ τὰ εἶδη καὶ ὅτι ἀσώματα, стр. 59.

ждалъ, что по Платону идеи отъ вѣчности существуютъ въ Богѣ. Но приводя вышеуказанное, онъ самъ не высказывается, какъ думаетъ объ этомъ предметѣ. Однако изъ снесенія съ другими его выраженіями необходимо придти къ выводу, что онъ раздѣлялъ взглядъ греческаго философа и точно также признавалъ идеи отъ вѣчности существующими въ Богѣ. Въ томъ же мѣстѣ, говоря о природѣ души, I. Италъ замѣчаетъ, что душа подобна Богу, такъ какъ и она—образъ Его, отвлекшись отъ матеріи, имѣетъ въ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, идеи сущностей, какъ (и) Богъ (имѣетъ) идеаль изображенія ¹⁾. Судя по этимъ словамъ, I. Италъ считалъ душу подобною Богу; а душа, по его мнѣнію, имѣетъ въ себѣ идеи сущностей, какъ имѣетъ въ себѣ и Богъ первообразъ образа. Впрочемъ ниже, говоря о различіи идей, которыя въ человѣкѣ, съ первообразами, которые въ Богѣ, онъ прямо замѣчаетъ, что первообразы въ Богѣ ²⁾. А если они существуютъ въ Богѣ, то имъ естественно приписать и вѣчность существованія. Да душѣ человѣка такое свойство онъ прямо и приписываетъ ³⁾.

Идеи сущностей по времени своего происхожденія вѣчны. Но какое же положеніе онѣ занимаютъ въ Богѣ, каково ихъ отношеніе къ Богу, а потомъ и ко всему низшему? Въ томъ мѣстѣ, гдѣ проводитъ параллель между идеями, которыя въ Богѣ, и идеями, которыя въ человѣкѣ, I. Италъ объ идеяхъ сущностей говоритъ, что онѣ отдѣльны и недѣлимы (*τὰ χωρίστα καὶ ἀσχιστα*) ⁴⁾. Что разумѣетъ, характеризуя такъ идеи въ Богѣ, онъ въ этомъ мѣстѣ не выясняетъ. Но если мы припомнимъ, что въ своихъ взглядахъ на отношеніе основного бытія I. Италъ пользуется образомъ отношенія причины къ слѣдствію, то есть основаніе полагать, что и въ этомъ случаѣ онъ приводитъ ту же мысль. Слѣдствіе немислимо безъ причины. Поэтому и идеи въ своемъ существованіи неразрывно связаны съ верховнымъ бытіемъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ I.

¹⁾ Тамъ же, стр. 60.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же. Fol. 57, стр. 63. Здѣсь онъ душу человѣка называетъ началомъ безсмертнымъ и вѣчнымъ.

⁴⁾ Синодикъ... Fol. 6, стр. 60.

Италъ говорить о предметѣ философіи, онъ употребляетъ даже такое выраженіе: философія изслѣдуетъ вопросъ о совершенно простой монадѣ и о сущностяхъ, изъ нея проистекшихъ (*ἐρρηρηκότα*) ¹⁾, т. е., даетъ понять, что онъ держится эманатическаго взгляда на происхожденіе идей сущностей. Впрочемъ идеи сущностей хотя и неразрывно связаны съ бытіемъ верховнымъ, но тѣмъ не менѣе образуютъ особый міръ идей. И въ этомъ смыслѣ идеи сущностей представляютъ собой бытіе *καθ' ὅπαρξιν ἄρα καὶ ὄντων*. Что I. Италъ, дѣйствительно, такъ понималъ бытіе идей сущностей, это подтверждается и другими его словами. Говоря о тѣхъ же самыхъ простыхъ сущностяхъ, о которыхъ разсуждаетъ философія, I. Италъ замѣчаетъ, что онѣ чужды всему внѣшнему (*τὰ ὄντα ἀπλῶς γυρνὰ ἀπάντων τῶν ἔξωθεν*) ²⁾, т. е., становится на точку зрѣнія новоплатониковъ, которые утверждали, что Разумъ ни къ чему низшему никакого отношенія имѣть не можетъ.

Итакъ простыя сущности или идеи сущаго суть образы простой монады; онѣ божественной природы, вѣчны, самобытны, но неразрывно связаны со своей причиной и никакого отношенія ни къ чему внѣшнему имѣть не могутъ.

Идеи сущностей суть образы высочайшей монады. Въ силу этого онѣ являются первообразами, причинами и основаніями другихъ низшихъ видовъ бытія (*τὰς τῶν ὄντων ἰδέας πρωτοουργὰ εἶναι καὶ αἰτία*) ³⁾. Какимъ образомъ? Мы уже видѣли, что, по мнѣнію I. Итала, простыя сущности ни къ чему внѣшнему никакого отношенія не имѣютъ. Слѣдовательно непосредственно проявлять свое творчество не могутъ. А между тѣмъ онѣ должны его проявлять. И онѣ могутъ достигать этого посредственно, при помощи сущностей. Мы уже видѣли, что I. Италъ признавалъ третій видъ бытія—бытіе *κατὰ μέθεξιν*, которое считалъ низшимъ. Оно соотвѣтствуетъ отдѣльнымъ сущностямъ. И ни о нихъ, ни о бытіи *κατὰ μέθεξιν* философія не разсуждаетъ и не изслѣдуетъ. И вотъ эти-то сущности и являются тѣмъ связующимъ звеномъ, чрезъ которое идеи сущ-

1) Fol. 1, стр. 59.

2) Fol. 1, стр. 59.

3) Fol. 6, стр. 59.

ности творчески вліяютъ на матерію. Отдѣльныя сущности являются началами и основами физическихъ сущностей.

Итакъ, надъ всѣмъ существующимъ стоитъ высочайшая монада, бытіе совершенно единственное, безусловное, самобытное и ни отъ чего не зависимое. Будучи бытіемъ единственнымъ, высочайшая монада въ то же время является началомъ и причиною другихъ видовъ бытія. Другіе виды бытія являются ея слѣдствіемъ; и какъ слѣдствіе ниже своей причины, такъ и другіе виды бытія ниже высочайшей монады. Такими слѣдствіями изъ высочайшей монады прежде всего являются простыя сущности. Какъ образы, онѣ ниже и хуже высочайшей монады. Въ своемъ бытіи онѣ неразрывно связаны съ ней, въ ней существуютъ, хотя и составляютъ особый міръ идей. Какъ образы высочайшей монады, простыя сущности ни къ чему внѣшнему никакого отношенія не имѣютъ; но, какъ сущности божественныя, онѣ являются первосилами и причинами отдѣльныхъ сущностей. Отдѣльныя же сущности ниже простыхъ сущностей; и онѣ-то и являются основами и началами вещественныхъ сущностей.

Говоря о сущностяхъ, I. Италъ не указываетъ, какова ихъ роль въ ихъ отношеніяхъ къ матеріи. Но этотъ вопросъ яснѣе становится изъ разсмотрѣнія его взглядовъ на роды и виды, которымъ онъ, видимо, удѣлялъ большое вниманіе и часто къ нимъ возвращался.

И въ ученіи о родахъ и видахъ I. Италъ остается вѣрнымъ своему взгляду на идеи и точно также видитъ въ родахъ и видахъ реальныя сущности. При этомъ какъ въ ученіи о сущностяхъ онъ различалъ простыя сущности, чуждыя бываемому, и сущности, причины бываемаго, такъ и въ ученіи о родахъ и видахъ онъ различаетъ роды, которые предшествуютъ многому, и роды, которые существуютъ во многомъ. Потомъ, хотя и не особенно ясно, у него есть стремленіе соединить вмѣстѣ пониманіе родовъ Платона съ родами Аристотеля.

О родахъ сущаго, говоритъ онъ, различные мыслители высказывали неодинаковыя взгляды. Но Платонъ признавалъ, что родъ есть сущее; Аристотель же, что родъ омонимъ. По

этому многіе думали, что упомянутые мужи разногласятъ; однако болѣе тщательно изслѣдующіе ихъ мысли утверждаютъ, что между Платономъ и Аристотелемъ нѣтъ разногласія, потому что нѣтъ тождества между родомъ Платона и родами, о которыхъ рѣчь у Аристотеля ¹⁾. Въ чемъ заключалось дальнѣйшее примиреніе этихъ философовъ, судить нѣтъ возможности, потому что на этомъ отрывокъ и кончается. Но есть другой отрывокъ и въ немъ Италъ ясно различаетъ роды—сущее и роды—общія понятія. Это онъ дѣлаетъ въ томъ самомъ отрывкѣ, въ которомъ опредѣляетъ, что такое роды и виды ²⁾.

Сказавъ, что Богъ въ самомъ себѣ заключаетъ идеи всего существующаго чуждыми веществу, напр. идею животнаго, идею человѣка и всего прочаго, дальше Италъ продолжаетъ, что эти идеи теперь многіе называютъ родами, а потомъ и разъясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ родами. Многіе, говоритъ онъ, утверждаютъ, что многому предшествуютъ идеи, существующія—одни раньше многаго (πρὸ πολλῶν), другіе—во многомъ (ἐν πολλοῖς). Какое многое: они имѣютъ въ виду, это ясно изъ самыхъ ощущеній, потому что недѣлимые (τὰ ἄτομα) во времени вѣчны и въ несущемъ они пріобрѣли сущее (ἐν τῷ μὴ εἶναι τὰ ὄντα κεντήμενα), а все чувственное находитъ свою природу въ движеніи и рожденіи. Первыя Платонъ философствуя и называлъ родами раньше многаго, какъ прототипы, причины и основаніе многаго, потому что недѣлимыхъ много и тѣ, которыя предъ многими, суть въ Богѣ, какъ первообразы сущностей; вторыя же онъ называлъ скорѣе образами сущаго, чѣмъ сущимъ. А не сущимъ онъ называлъ все чувственное ³⁾. Судя по этимъ словамъ, I. Италъ отождествлялъ роды предъ многими съ идеями сущностей, которыя въ Богѣ, и такимъ образомъ полагалъ, что и роды тоже въ Богѣ. Что же касается родовъ во многомъ, то ихъ онъ называетъ образами сущностей, а не самими сущностями. Что же это за роды? То, что въ каждомъ изъ недѣлимыхъ заключено недѣлимымъ, это и есть родъ во многомъ ⁴⁾.

1) Fol. 14. "Ὅτι τὸ ὄν γένος οὐκ ἔστιν, стр. 61.

2) Fol. 6. "Ὅτι ὕφεστήχασι τὰ γένη καὶ τὰ εἶδη...

3) Ὁτὲν δὲ ὕφεστήχασι... стр. 59.

4) Тамъ же стр. 60.

Судя по этимъ словамъ, I. Италъ имѣетъ въ виду ту неизмѣнную основу, благодаря которой известный индивидуумъ остается самимъ собой и ни во что другое не перемѣняется. Такъ, напр. каждый человѣкъ остается самимъ собой, несмотря ни на какія перемѣны, благодаря своей основѣ, благодаря своему виду. Поэтому, продолжаетъ I. Италъ, что въ чемъ родилось, въ томъ и остается; это и есть роды во многомъ. И какъ имѣющее отношеніе только къ одному индивидууму, одной вещи, все это раздѣлено и разлучено и не можетъ быть приложимымъ ни къ чему другому, но только къ тому, въ чемъ участвуетъ ¹⁾. Слѣдовательно, родъ во многомъ есть та неизмѣнная основа каждаго существа, каждой вещи, которая остается неизмѣнною, не смотря ни на какія вышнія измѣненія. Но такъ какъ вещей и существъ много, то и родовъ во многомъ такъ-же много. Такъ, есть видъ міра, есть видъ каждаго отдѣльнаго человѣка, каждаго отдѣльнаго животнаго.

Въ этомъ разсужденіи о родахъ и видахъ I. Италъ разъясняетъ взглядъ Платона и отсюда переходитъ къ современному ему пониманію, не говоря вполне прямо, что и онъ, Италъ, держится такого же взгляда. Но въ другомъ мѣстѣ онъ вполне опредѣленно говоритъ, что роды есть сущее. И въ доказательство справедливости своей мысли онъ приводитъ такое соображеніе, что роды есть сущее, это видно изъ уничтоженія частнаго и привесенія ихъ (родовъ) въ жертву ему (частному), такъ какъ нелѣпо, чтобы сущности уничтожались несущностями; какъ равно чтобы сущности приносились въ жертву несущностямъ ²⁾. Что разумѣетъ I. Италъ подъ частнымъ, которому приносится въ жертву сущее, если это частное уничтожается, этого онъ не выясняетъ. Но, кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду бываемое или вещи, которыя мѣняются и уничтожаются. Поэтому если роды есть только не сущее, то они должны находиться въ полной зависимости отъ вещей: вмѣстѣ съ ними существовать, вмѣстѣ съ ними и уничтожаться. Есть у I. Итала и другое мѣсто, гдѣ онъ доказываетъ реальность.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Fol. 8. Εἰς τὸ αὐτὸ πάλιν περὶ τε τῶν γενῶν καὶ τῶν εἰδῶν; стр. 60:

родовъ. Это доказательство отличается тѣмъ, что въ немъ I. Италъ бытіе родовъ ставитъ въ связь съ бытіемъ вещества, тоже какъ нѣчто реальнаго. Роды и виды, говоритъ онъ, сущее. Если же они не сущее, то, что у древнихъ называется веществомъ, есть или отрицаніе бытія или совершенно ничто, или все только явленіе, или же по избытку, или зло и не-рожденное. Но если вещество есть отрицаніе бытія, то должно, чтобы не было первыхъ сущностей; если же совершенно ничто, то сущее есть нѣчто фантастичное; если же все только явленіе, то тѣмъ же самымъ будетъ и сущее; если же по избытку, то сущее будетъ не просто сущимъ, но сущимъ болѣе лучшимъ; слѣдовательно, вещество не есть несущее; а вмѣстѣ съ тѣмъ родъ и видъ есть сущее, а не несущее¹⁾. Итакъ, по Италу, роды и виды несомнѣнно есть сущее. При чемъ одни изъ нихъ предшествуютъ многому, находятся въ Богѣ и соотвѣтствуютъ идеямъ сущностей. Другіе заключены во многомъ, составляютъ неизмѣнную основу вещей и предметовъ и есть скорѣе образы сущаго, а не самое сущее. Италъ называетъ ихъ образами сущаго; но они хотя и образы сущаго, тѣмъ не менѣе они тоже небеснаго происхожденія и отличаются качествами, подобными качествамъ идей сущностей. О такихъ ихъ качествахъ говоритъ та неизмѣнность и всегдашняя тождественность, какую онъ приписываетъ одинаково, какъ виду міра, такъ и идеѣ cadaго отдѣльнаго человѣка и cadaго отдѣльнаго животнаго.

Но у I. Итала было видимое желаніе соединить вмѣстѣ пониманіе родовъ Платона и Аристотеля. Изъ его словъ мы уже видѣли, что онъ не находилъ противорѣчія между родами Платона и родами Аристотеля; такъ какъ нѣтъ и тождества между пониманіемъ Платона и пониманіемъ Аристотеля. Дальнѣйшія слова *Θ. Ιβ.* Успенскимъ не приведены; но въ нихъ I. Италъ доказывалъ, что родъ есть общее имя; такъ какъ и самый отвѣтъ озаглавленъ: *ὅτι τὸ ὄν γένος οὐκ ἔστιν*. Но въ томъ отвѣтѣ, гдѣ говорится, что такое роды и виды, тамъ это онъ и доказываетъ. Родъ, который имѣетъ отношеніе ко многому, называется ро-

1) *Col. 37. Περί γενῶν καὶ ἐιδῶν*, стр. 61—62.

домъ не въ собственномъ смыслѣ, но какъ одинаковое какъ для одного, такъ и для многихъ. Одни изъ категорій имѣютъ отношеніе къ одной изъ частей, но не ко всѣмъ, какъ напр. единица къ десятку, потому что десятокъ не есть единица; другія—ко всему, но не къ одной изъ каждой части, какъ напр. шестерка, такъ какъ шестеркой называется не какая либо одна часть, но все; иныя же имѣютъ отношеніе какъ къ каждому въ отдѣльности, такъ и ко всему вмѣстѣ, какъ напр. роды, виды и подвиды ¹⁾).

Такое различіе устанавливалъ І. Италъ между родами, считая одни изъ нихъ предшествующими многому и находящимися въ Богѣ, другіе находящимися во многомъ и образующими идеальную сторону вещей, третьи же имѣютъ отношеніе ко многому. Первые и вторые небснаго происхожденія и принадлежатъ къ міру идеальному. Послѣдніе же представляютъ собой общія понятія. Роды во многомъ хотя и принадлежатъ къ міру идеальному, но представляютъ собой образы идей, сущностей и, какъ образы, менѣе совершенны. Будучи менѣе совершенными, они являются началами и основаніями вещественныхъ сущностей. Каково ихъ отношеніе къ матеріи и матеріальному, это становится яснымъ изъ ученія І. Итала о міровомъ бытіи и о человѣкѣ. Но сначала необходимо установить взглядъ на матерію и вещество.

Димитрій Брянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Fol. 6. стр. 60.

УЧЕНИЕ О ЛИЧНОСТИ.

(Рефератъ соч. С. Piat: „La personne humaine“, Paris, 1897 г.).

Г л а в а II.

Является-ли мышление результатомъ органическаго прогресса?

(Окончаніе *).

Не имѣетъ-ли мышление своего начала въ душѣ ощущающей? Не существуетъ-ли оно въ душѣ животныхъ подобно тому, какъ и въ душѣ человѣка, у котораго болѣзнь на нѣкоторое время отняла принципъ интеллектуальной жизни, который потомъ оказывается возвратившимся и ждетъ только лучшихъ физиологическихъ условій, чтобы расцвѣсти? Со времени Дарвина утвердительно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, ссылаясь на доказательства 1) изъ органической жизни, 2) изъ инстинкта и 3) изъ родства языка животныхъ со словомъ человѣка.

Доказательства первой категоріи таковы: а) отъ одного до другого конца лѣстницы жизни существуетъ непрерывная градація, *natura non facit saltus*; б) индивидуумъ воспроизводитъ въ эмбрионическомъ развитіи тѣ фазы, какія прошелъ видъ; в) живыя еущества обладаютъ безконечною пластичностью: все можетъ едѣлаться всѣмъ.

I. а) Что особенно удивительно, говорилъ Milne-Edwards въ Парижской Академіи наукъ, такъ это безконечное разнообразіе геологическихъ формъ, которыя часто не поддаются классификаціи“. Работы Albert'a Gaudy обнаружили у млекопитающихъ ту же морфологическую непрерывность. Находятъ

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1905 г. № 4.

цѣлую серію промежуточныхъ типовъ (le proteus—пресмыкающееся и рыба; какъ рыбы связываются съ пресмыкающимися, такъ, въ свою очередь, пресмыкающіяся связаны съ птицами: найденъ скелетъ ящерицы—птицы). Эта непрерывная градация живыхъ формъ кажется настолько значительной, что въ дѣйствительности она является только модуляціей одного и того же плана. Существуетъ различіе только между протоплазмой растеній и животныхъ; впрочемъ, тотъ и другой видъ организованной матеріи сходятся въ своемъ развитіи къ тѣмъ же основнымъ функціямъ: всасыванію пищи, пищеваренію, питанію, усвоенію, дыханію и воспроизведенію. Поэтому безконечная множественность живыхъ формъ кажется всецѣло основанной на различіяхъ группировки, появляющихся не скачками, а незамѣтными ступенями, такъ что все связывается, все роднится по мѣрѣ того, какъ расширяютъ и точвѣе опредѣляютъ поле наблюденій: живая связь природы кажется намъ прерывающеюся только, потому, что мы не знаемъ ея хорошенько. Вотъ главные факты морфологическаго порядка, на которыхъ основываются, чтобы намѣтить для всѣхъ живыхъ существъ одно и то же происхожденіе. Но достаточны-ль они, чтобы утвердить рѣшительный выводъ?—Позволительно сомнѣваться въ этомъ. Въ свое время много шума произвела находка челюсти de la Naulette, и череповъ de Spy; довольно долго думали видѣть въ le Dryopithèque искомое промежуточное звѣно между животнымъ и человѣкомъ. Но хотя Dryopithèque—самый поразительный экземпляръ обезьяны изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, всетаки мы должны признать, что палеонтологія еще не открыла соединительнаго звена между людьми и животными. Въ пользу такого мнѣнія высказался знаменитый естествовѣдъ Вирховъ (на конгрессѣ въ Вѣнѣ въ 1890, году). Впрочемъ, открытіе промежуточныхъ типовъ вовсе не укажетъ, что все имѣетъ одно и то же начало; оно покажетъ, только, что все развивается согласно одному и тому же плану. Согласимся, что формы суть только количественныя модификаціи и, какъ таковыя, онѣ могутъ умножаться и трансформироваться до безконечности. Но развѣ мы знаемъ, что этимъ различіямъ, постоянно выковывающимся изъ количества, не соответствуютъ

болѣе устойчивыя различія качества? Кто намъ скажетъ, что въ темныхъ глубинахъ бѣлаго и сѣраго вещества не совершаются (между клѣточками) дѣйствія и реакціи, убѣгающія отъ нашего вниманія, но тѣмъ не менѣе составляющія таинственное условіе внѣшнихъ явленій жизни? Слѣдовало-бы уничтожить возможность этой гипотезы, прежде чѣмъ утверждать абсолютное превращеніе органическихъ типовъ; многіе солидные ученые подтверждаютъ резонность этой гипотезы, напримѣръ: Cherveuil предъ Академіей наукъ заявилъ, что должна быть первая причина переменнаго балансированья органическихъ силъ и ихъ координацій; Claude Bernard говорилъ объ идеѣ—направительницѣ развитія главныхъ функцій жизни.—Изъ всего этого можно заключить, что во всякомъ организмѣ, кромѣ физико-химическихъ силъ, обитаетъ внутренній архитекторъ, образующій его и поддерживающій въ немъ сложную и нязящную гармонію.

II. 1 б) Пытаются утверждать, что эмбрионическое развитіе человѣка представляетъ постепенный переходъ отъ низшихъ формъ животной жизни до своей собственной нормы. Oeuf, macula, planula и gastrula,—вотъ тѣ этапы, прошедши которые, человѣческій эмбрионъ продолжаетъ развиваться согласно тому же закону. Но, вѣдь, есть другіе эмбрионы, которые въ теченіе извѣстнаго періода превосходятъ свою окончательную форму, чтобы возвратиться къ ней впоследствии; есть эмбрионы, подвергающіеся двоякому развитію—прогрессивному и регрессивному, это—законъ для нѣкоторыхъ видовъ; Дарвинъ указываетъ на *girgipèdes*, которыя подчинены этому закону. Словомъ, произведенныя до сего времени изысканія—еще весьма зачаточны, чтобы обосновать какой-нибудь законъ развитія эмбриона. Perriet открыто призываетъ это; и самъ Дарвинъ говоритъ: „существуютъ нѣкоторыя группы животныхъ, у которыхъ эмбрионъ во всѣ періоды своего существованія не отличается много отъ зрѣлой своей формы“. Но предположимъ, что и въ самомъ дѣлѣ овладѣли всѣми кольцами той цѣпи, которую пытаются теперь открыть; тогда, безъ сомнѣнія, трансформизмъ становится правдоподобнымъ объясненіемъ. Однако, намъ кажется, что покидать при этомъ теорію, по которой

Богъ самъ сотворилъ различные виды, нѣтъ нужды. Можно смотрѣть на вселенную и съ точки зрѣнія Лейбница, который утверждаетъ, что господствующая черта природы—разнообразіе въ гармоніи и единство; одной этой мысли достаточно, чтобы дать отчетъ во всѣхъ чудесахъ природы. Возможно думать, что: 1) Богъ своею безконечною премудростью могъ создать неисчислимое количество видовъ; 2) Онъ могъ всё эти виды трансформации предвидѣть и усвоить имъ бытіе и 3) Творецъ вселенной запечатлѣлъ на своемъ твореніи послѣднюю черту своей красоты, сотворивши его въ единствѣ одного и того же плана. Вотъ основа традиціонной теоріи; она нисколько не хуже теоріи Дарвина.

III. 1. в) Ни анатомія, ни эмбриологія не представляютъ солидной базы для трансформизма. Не то же ли самое происходитъ и со сравнительной физиологіей, составляетъ ли болѣе серьезный аргументъ пластичность живыхъ существъ? Примѣры пластичности въ зависимости отъ климата и пищи всѣмъ извѣстны; но, кромѣ этихъ варіацій пассивнаго происхожденія, есть и такія, которыя совершаются произвольно, напримѣръ: измѣненіе цвѣта и формы въ цвѣляхъ самосохраненія у „*chenilles argentenses*“ и у „*l'Hippolyte varians*“. Органическія существа модифицируются непрерывно и подъ воздѣйствіемъ другихъ причинъ: это—законъ; и этого закона не взбѣгаетъ и человекъ, несмотря на всѣ тѣ средства защиты, какія ему доставляетъ его умъ. Несомнѣнно и существованіе, такъ называемыхъ, рудиментарныхъ органовъ; спрашивается, не являются-ли они въ существахъ, обладающихъ ими, достовѣрнымъ указаніемъ предковъ, отъ которыхъ они происходятъ, или, быть можетъ, они представляютъ еще неполный эскизъ типовъ будущаго? Факты подобнаго рода, будучи рѣшительными уже сами по себѣ, находятъ подтвержденіе въ открытіяхъ геологіи и палеонтологіи. Существуютъ виды, гдѣ сначала появляется „различіе“; потомъ это различіе фиксируется и производитъ породу; наконецъ, эта порода сама собою, слѣдуя по пути все большаго и большаго уклоненія, кончаетъ тѣмъ, что дѣлается видомъ. Поэтому необходимо предположить глубокую гибкость природы животныхъ, доходящую до самыхъ источниковъ жизни.

Дѣйствительно, живыя существа надѣлены большою пластичностью, но вотъ вопросъ—абсолютна ли она? Здѣсь—главный пунктъ, а онъ еще не доказанъ. На ряду съ трехлапастыми, характеризующими первый періодъ, находятъ рыбъ и даже лягушекъ; позвоночныя уже существовали, а слѣдовательно, четыре вѣтви животнаго царства такъ же древни, такъ и сама жизнь этого царства. Въ данномъ случаѣ возможно сдѣлать три предположенія: 1) или виды суть продукты естественной трансформациі, или 2) они сотворены Богомъ,—это не окончательная дилемма: отъ чего невозможно третье предположеніе, а именно: Богъ сотворилъ сѣмена всѣхъ существующихъ и погибшихъ видовъ. Каждый видъ развивался по мѣрѣ того, какъ планета соединяла въ себѣ условія, необходимыя для его развитія. Трансформатическая теорія имѣетъ также свой смыслъ въ этой теоріи: предположите, что Творецъ создалъ неподвижныя виды; они не могли-бы сопротивляться различіямъ среды, явившимся при геологическихъ революціяхъ. Впрочемъ, если-бы даже эта теорія и была доказана, для вопроса о мышленіи мы ничего новаго не получили-бы сверхъ того, что мы уже знаемъ, а именно, что мышленіе въ извѣстный моментъ появилось на міровой сценѣ. Въ полной своей силѣ остается при этомъ вопросъ: откуда-же оно вошло въ міръ? Этому ни наука, ни философія науки никогда не будетъ въ состояніи показать намъ.

Г л а в а ІІІ.

Мышленіе имѣетъ-ли свое начало въ инстинктѣ?

2. Правда-ли, что инстинктъ—заря мышленія? Извѣстно, вѣдь, множество случаевъ, когда животныя, дѣйствуя подъ вліяніемъ инстинкта, приводили въ изумленіе серьезныхъ экспериментаторовъ, заставляя ихъ предполагать здѣсь начало мышленія. Извѣстно, что голуби, чтобы избѣгнуть прожорливости черепахъ, изобрѣтаютъ очень осмысленные способы. Слоны часто продѣлываютъ очень сложныя шутки: однажды охотникамъ пришлось выдержать правильную осаду, устроенную разъяреннымъ слономъ. Есть, значить, въ каждомъ животномъ,

кромѣ автоматизма, видѣ сознательной произвольности. Наблюдали также случаи, гдѣ животныя, не ограничиваясь большей или меньшей модификаціей своихъ представленій по требованіямъ окружающихъ условій, производятъ новыя ассоціаціи. Этими фактами стремятся доказать, что животныя умѣютъ открывать въ своихъ представленіяхъ нѣкоторыя черты сходства и что поэтому они обладаютъ тѣмъ высшимъ даромъ, которымъ мы гордимся и который мы называемъ способностью обобщенія. Каждому, впрочемъ, легко замѣтить, что жизнь животныхъ изобилуетъ операціями, въ которыхъ обязательно слѣдуетъ признать индукцію по аналогіи. До чего-же простирается эта способность къ сравненію? Если животныя способны размышлять, то они должны быть доступны нѣкоторому развитію; объ этомъ дѣйствительно и говоритъ опытъ. Ласточки усовершенствовали свои гнѣзда; волчата учатся у своихъ матерей справляться съ добычей; собаки учатся плавать и могутъ замѣнять почталіоновъ. Эти приращенія опыта никогда не исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣми индивидуумами, которые ихъ приобрѣли: они могутъ сдѣлаться наслѣдственными. Кукушка умѣетъ указать человѣку дупло съ медомъ; очевидно, здѣсь дѣло касается наблюденія, сдѣланнаго первый разъ нѣкоторыми индивидуумами и путемъ наслѣдственности превратившагося въ инстинктивное состояніе. Всѣмъ извѣстно также, что нравы нѣкоторыхъ животныхъ смягчаются въ странахъ цивилизованныхъ; можно наблюдать аналогичныя измѣненія у всѣхъ домашнихъ животныхъ: ихъ умственные способности приобрѣли подъ нашимъ вліяніемъ болѣе или менѣе глубокія измѣненія, сдѣлавшіяся постоянными; они гуманизировались отъ соприкосновенія съ человѣкомъ. Вотъ панегирикъ животнымъ.

II. Основа этого панегирика неопровержима, но и здѣсь имѣетъ приложимость истина, гласящая, что у всякой медали есть обратная сторона. Опытъ удостовѣряетъ, что муравьи, обнаруживающіе столько талантовъ въ ихъ обычной работѣ, оказываются обыкновенно безеильными, когда имъ приходится столкнуться съ непривычнымъ затрудненіемъ. Это-то самъ свръ Lubbockъ взялся объяснить. Онъ проводилъ нѣсколько

опытовъ надъ муравьями, осами и пчелами, и всѣ эти опыты обнаружили именно „обратную сторону медали“; то же самое получилось и въ опытахъ надъ „ученой собакой“.

III. Предполагаютъ-ли всѣ эти факты мышленіе, какъ этого желаютъ сторонники эволюціонизма? Возможно сомнѣваться въ этомъ. Утверждаютъ, что животныя дѣлаютъ маленькія изобрѣтенія и отсюда безъ дальнѣйшаго изслѣдованія заключаютъ, что они производятъ это *нашимъ способомъ*, что у нихъ, какъ у насъ эти факты имѣютъ своимъ принципомъ мышленіе: отъ аналогичности слѣдствій они усиливаются утверждать тожество причины. Эта логика кажется намъ нѣсколько сомнительной. Почему-бы не могло быть въ этихъ слабыхъ мысляхъ чего-нибудь спеціальнаго, несводимаго всецѣло къ тому, что мы наблюдаемъ въ себѣ самихъ? Чтобы узнать о способѣ, которымъ въ данномъ случаѣ оперируютъ животныя, слѣдовало-бы войти въ ихъ кожу, поставить себя на ихъ мѣсто и видѣть это изнутри, какъ они видятъ себя. Мы наблюдаемъ, мы можемъ наблюдать только извнѣ таинственную жизнь животныхъ, а потому и знаніе наше относительно ея лишь символично и приблизительно. Видя, что ихъ дѣятельность есть только безконечное повтореніе, мы считаемъ ихъ (вмѣстѣ съ Декартомъ) одушевленными машинами, имѣющими лишь умъ того мастера, который ихъ изобрѣлъ. Но допустимъ, что животныя обладаютъ знаніемъ, основа котораго сходна съ нашей; и въ такомъ случаѣ нѣтъ необходимости прибѣгать къ мыслительной способности въ собственномъ смыслѣ, чтобы объяснить ихъ изобрѣтенія: для этого вполне достаточно одной способности къ ощущеніямъ. Это обнаруживается изъ природы тѣхъ процессовъ, которыми они пользуются. Во первыхъ животныя мыслятъ посредствомъ соприкосновенія (ощупыванья). Послѣ цѣлой серіи безплодныхъ попытокъ, *реализуемыхъ по закону меньшей боли* (подобно тому, какъ движеніе свѣтилъ небесныхъ подчиняется закону меньшаго сопротивленія), они оканчиваютъ болѣе счастливымъ приспособленіемъ къ средѣ. Наблюденія Бэна показали, что животныя изобрѣтаютъ подъ исключительнымъ вліяніемъ болѣе или менѣе живой эмоціи. Вотъ первая форма изобрѣтенія у животныхъ, которая нисколько не позволяетъ

видѣть здѣсь то, что называютъ умомъ или мышленіемъ. Животныя обладаютъ еще и другимъ способомъ изобрѣтенія, который менѣе слѣпъ, такъ что постоянно управляетъ однимъ опредѣленнымъ намѣреніемъ: они принаравливаютъ свою двигательную дѣятельность къ своимъ представленіямъ и согласуютъ эти представленія между собою; но это приспособленіе получается довольно часто только при помощи цѣлой серіи „приближеній“ все менѣе и менѣе опредѣленныхъ. Одно здѣсь, очевидно, неопровержимо: животныя дѣйствуютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ путемъ примѣненія средствъ къ цѣлямъ; сознательная цѣлесообразность—законъ дѣятельности для животныхъ, какъ и для людей. Но возможно-ли отсюда заключать, что они обладаютъ *универсальными понятіями цѣли и средства*? Нисколько; и это имѣетъ приложимость именно къ тому пункту, въ которомъ индукціи эволюціонистовъ становятся нѣсколько скороспѣлыми. Цѣлесообразность указываетъ абстракцію только въ насъ и для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно подыматься отъ реальнаго къ логическому, чтобы догадаться, какъ пчела Fabre'a узнаетъ, что пустая и вполне приготовленная ячейка можетъ вмѣщать насѣкомое; для подобныхъ „находокъ“ достаточно простыхъ образовъ, а для ихъ реализаціи достаточно одного зерцанія фактовъ данной дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, это не самый трудный для объясненія пунктъ. То, что склоняетъ даже особенно серьезные умы къ мысли, что животныя обладаютъ въ некоторой степени мышленія, это то, что они замѣчаютъ черты сходства, что они имѣютъ способность обобщенія. Однако спрашивается, производятъ ли они свои обобщенія, какъ и наши ученые? Возможно, что животныя имѣютъ способъ обобщенія, который не похожъ на нашъ; и сами трансформисты предлагаютъ намъ относительно этого очень остроумное объясненіе: фотографируются шесть фізіономій на одной и той же пластинкѣ; получается портретъ, который можно назвать общимъ для всѣхъ шести личностей въ противоположность спеціальному портрету каждой изъ нихъ; подобнымъ образомъ возникаютъ общія представленія и у животныхъ. Но эта гипотеза не даетъ отчета относительно высшихъ явленій нашей души: универсальное, необходимое, безконечное—

вотъ что управляетъ нашею мыслию; эта основа нашего ума сопротивляется всякой попыткѣ чисто-эмпирическаго объясненія. А относительно животной психики почему-бы нельзя было полагать, что сходныя явленія производятъ здѣсь одну и ту же основную эмоцію, а эта эмоція—ту же самую серію движеній? Почему-бы сведеніе многого къ единому не совершалось у животныхъ въ нѣдрахъ ихъ дѣятельности вмѣсто того, чтобы совершаться, какъ у насъ, при свѣтѣ ума? Затѣмъ, если животныя надѣлены мышленіемъ, если ови возвышаются отъ конкретнаго къ логическому, отъ факта къ возможности, если они обладаютъ „безконечнымъ въ перспективѣ“ (согласно прекрасному выраженію Кепл'а), то этотъ сверхчувственный идеаль долженъ быть столь-же активнымъ для нихъ, какъ и для насъ: подъ его воздѣйствіемъ они должны отдаваться непрерывнымъ изысканіямъ, они должны работать безъ отдыха надъ расширеніемъ границъ своего знанія. Но на самомъ дѣлѣ все здѣсь сводится къ жаждѣ—жить: животное удовлетворяетъ свою нужду и на этомъ останавливается. Если бы животныя обладали въ какой-бы то ни было степени тѣмъ могуществомъ анализа и дедукціи, которымъ мы вооружены; если-бы они, какъ и мы, умѣли разбить связку живой реальности, чтобы вмѣшать туда интимные элементы и сдѣлать изъ этого разбросаннаго матеріала новые синтезы, то ихъ умственная энергія должна изощряться во всѣхъ направленіяхъ. Пчела, напримѣръ, должна звать не только практику, но и теорію геометріи. Но, въ дѣйствительности, ничего такого не находятъ у животныхъ; ихъ самопроизвольность, такъ сказать однолинейна, такъ что они подобны механику, который умѣетъ пустить въ ходъ свою машину, но ничего не знаетъ о тѣхъ законахъ, согласно которымъ ее устроили. Могутъ, правда, возразить, что жизнь нѣкоторыхъ одичавшихъ племенъ представляетъ изобличеніе этого способа объяснять факты. Но это возраженіе не окончательно; оно имѣетъ свое объясненіе. Если и есть члены рода человѣческаго, гдѣ гармоническое равновѣсіе способностей прервано губительнымъ воздѣйствіемъ окружающихъ условій, гдѣ животная жизнь развилась и окрѣпла сверхъ мѣры, гдѣ раціональный идеаль потому именно и не

можетъ развиваться, всетаки этотъ идеаль остается; онъ живетъ еще на днѣ вхъ души, и возможно, путемъ болѣе или менѣе долгаго воспитанія, возвратить ему кое-что изъ его блеска, власти и плодovitости; возможно снова поставить одряхлѣвшіе народы на путь безконечнаго и безконечно-разнообразнаго прогресса, а животныя нвкогда не достигали той умственной эволюціи, которая могла-бы представлять аналогію съ этими пробужденіями людей.

ГЛАВА IV.

Обнаруживается ли мышленіе въ языкѣ животныхъ?

3. Послѣ тщательнаго изученія органическихъ животныхъ формъ не оказывается никакого солиднаго основанія думать, что подъ ихъ матеріальнымъ зародышемъ находится принципъ аналогичный съ мышленіемъ. Слѣдуетъ-ли то же самое сказать и о внѣшнихъ знакахъ, посредствомъ которыхъ животныя обнаруживаютъ свои психическія состоянія? Дѣйствительно, животныя издають звуки, чтобы быть понятными для другихъ. Но чему соотвѣтствуютъ эти символы ихъ мыслей; связаны-ль они съ частными представленіями или съ представленіями общими? Конечно, не легко дать себѣ отчетъ въ этомъ: чтобы знать это навѣрное, слѣдовало-бы получить, по крайней мѣрѣ на мгновеніе, созерцаніе внутреннихъ состояній животной жизни. Существуютъ племена, не имѣющія—почти другого способа вести разговоръ кромѣ мимики; возможно, что при помощи подобнаго языка нельзя создать хорошей метафизики, но не сомнѣнно, что достигаютъ при помощи его и до званій болѣе или менѣе абстрактныхъ: ассоціируютъ не только факты, но и идеи. Слѣдовательно, знаки могутъ быть такъ же, какъ и слова, проводниками рациональной мысли. Однако, что же вмѣражаютъ въ дѣйствительности жесты животныхъ? Не переводятъ-ли они, подобно нашимъ жестамъ, понятія и соединенія этихъ понятій? Не предполагаютъ ли они извѣстной степени мышленія? Въ настоящее время имѣются довольно точныя данныя сравнительной психологіи и лингвистики, если не для того, чтобы дать на этотъ вопросъ окончательный отвѣтъ, то—

въ крайнемъ случаѣ—чтобы трактовать его съ пользою. Нельзя отказать животнымъ въ нѣкоторомъ природномъ языкѣ, служащемъ для передачи ихъ эмоцій: это фактъ, который намъ остается только наблюдать. Самъ авторъ наблюдалъ такой случай: видя умирающаго ховяина, пудель принялъ печальный видъ и съ воемъ убѣжалъ изъ залы. Это неожиданное поведеніе собаки заставляетъ насъ заключить, что животныя имѣютъ свои чувства, и когда эти послѣднія уничтожаются, они обладаютъ своимъ способомъ сообщить другимъ свое внутреннее терзаніе. Кромѣ этого языка эмоціального происхожденія, животныя имѣютъ извѣстное количество знаковъ, которыми они и пользуются для выраженія своихъ желаній и которые суть ихъ изобрѣтеніе: у нихъ есть языкъ, на который можно смотрѣть—какъ на условный. Не разъ наблюдали, что какъ только какой-нибудь китъ встрѣчается съ серьезною опасностью, все стадо, какъ бы далеко ни было оно разсѣяно, предувѣдомлено уже о присутствіи врага; Livingstone говоритъ о муравьяхъ, которые по данному сигналу начинаютъ и оканчиваютъ свою работу; Fritz Mullet утверждаетъ подобный же фактъ относительно пчелъ: нѣсколько рабочихъ пчелъ, видя, что царица оставила нѣкоторыя ячейки пустыми, настойчиво заявляли ей, объ этомъ, хотя онѣ и не умѣли указать ей, что именно слѣдуетъ ей сдѣлать; извѣстенъ случай съ обезьяной, которая показала охотнику свою рану и тѣмъ такъ живо тронула его, что онъ рѣшилъ никогда уже больше не стрѣлять въ обезьянъ. Очевидно, что животныя обладаютъ такими средствами общенія, которыя нельзя считать чисто-инстинктивными. Но изъ того, что ихъ языкъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя условности, можно-ли заключать, что этотъ языкъ абстрактнаго происхожденія, что онъ соотвѣтствуетъ идеямъ и умозаключеніямъ, что онъ предполагаетъ мышленіе (въ нашемъ смыслѣ)? Это именно тотъ пунктъ, гдѣ доказательства нашихъ оппонентовъ обнаруживаютъ свою недостаточность; это тотъ пунктъ, выходя изъ котораго, не позволительно идти въ одномъ ряду съ учениками Дарвина. Всѣ факты этого рода хорошо объясняются посредствомъ извѣстныхъ законовъ ассоціаціи. Животныя могутъ, правда, обнаруживать представленія, которыя тогчасъ

соединяются съ уже имѣющимися у нихъ; но эта способность не заключаетъ въ себѣ ничего раціональнаго: мышленіе въ собственномъ смыслѣ нисколько здѣсь не участвуетъ. Эта-то способность (совершенно эмпирическаго порядка) въ состояніи дать объясненіе относительно тѣхъ любопытныхъ явленій, главные образцы которыхъ намъ извѣстны. Пояснимъ эту мысль примѣромъ: возможно, что одинъ изъ муравьевъ столкнулся съ неожиданной и превосходящей его силы работой; онъ однажды издаетъ звукъ призыва на помощь, которую и получаетъ отъ своихъ сотоварищей, откликнувшихся на его произвольный зовъ. Такое соединеніе внутреннихъ соприкосновеній не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго; потомъ, эта разъ данная серія состояній можетъ только пріобрѣтать все большее и большее стремленіе воспроизводиться подъ дѣйствіемъ тѣхъ же предшествующихъ обстоятельствъ. Подобнымъ образомъ можно думать и относительно другихъ случаевъ, которыми натуралисты наполняютъ свои книги. А отсюда вытекаетъ первое заключеніе, имѣющее серьезное значеніе: тѣ усилія, которыя они затрачиваютъ для того, чтобы ассимилировать языкъ человѣка съ языкомъ животныхъ, осуждены на постоянную неудачу. Съ другой стороны, если гипотеза настолько сильна, чтобы быть приложимой ко всѣмъ фактамъ, то есть полное основаніе держаться ея; а такова именно теорія ассоціаціи, объясняющая наличный составъ языка животныхъ. Кромѣ того, индукція, извлекаемая трансформистами изъ наблюденій надъ языкомъ животныхъ, не только не имѣетъ солиднаго фундамента, но и сталкивается съ такими воззрѣніями, которыя не оставляютъ за нею никакого правдоподобія. Спрашивается, если животныя обладаютъ извѣстной степенью мышленія, то почему они не говорятъ? Вѣдь, все гармонично во вселенной; законъ составляетъ основу природы, а аномаліи являются здѣсь лишь въ видѣ исключеній: зрѣнію соотвѣтствуютъ свѣтовые колебанія, слуху—звуковыя вибраціи; οὐδὲν μάλιστα—міръ огромная система цѣлей и средствъ. Поэтому слѣдуетъ думать, что мышленіе, чтобы распространять свой божественный свѣтъ, должно найти вездѣ, гдѣ-бы оно ни появилось, такой способъ перевода, какого требуетъ природа его актовъ. Каковъ же

этотъ способъ? Слово. Всякій актъ мышленія обнимаетъ двѣ различныя операціи: работу анализа, состоящую въ выдѣленіи логическихъ элементовъ реальности, и работу синтеза, состоящую въ воссоединеніи этихъ элементовъ подъ формою сужденія. Сужденіе, слѣдовательно, есть выраженіе всякой дѣятельности мышленія; но сужденіе само переводится подъ формою предложенія, а предложеніемъ можетъ, въ сущности, быть всякое слово. Разумъ и слово совершенно коррелятивны; поэтому всегда находятъ второе тамъ, гдѣ есть первый. Если животныя нѣмы, по энергичному выраженію древнихъ, то вѣроятно это потому, что *имѣ нечего сказать*; они не говорятъ съ самими собою, и вотъ причина, почему они не говорятъ и съ другими, хотя и обладаютъ довольно совершенными органами рѣчи.

II. Если даже животныя имѣютъ только внутреннее слово, если они надѣлены силою мышленія, которая находитъ только „знаки“ для своего выраженія, то эти знаки должны преобразовываться по примѣру человѣческихъ языковъ. Какъ дѣйствія одного и того же принципа, способныя въ нѣкоторой степени переводить абстрактныя понятія, они должны подчиняться и аналогичнымъ варіаціямъ. Однако ничего подобнаго не наблюдаютъ: человѣческіе языки постоянно движутся то по пути прогресса, то по пути упадка, а кукушка и теперь поетъ такъ же, какъ и во времена Плинія Старшаго. Слѣдуетъ, правда, допустить, что нѣкоторыя животныя успѣли подъ вліяніемъ нужды изобрѣсти нѣкоторыя интонаціи и знаки; но между этими „находками“ и тѣми открытіями, которыя дѣлаютъ народы въ продолженіе своего развитія, существуетъ радикальное различіе: животное торжествуетъ, когда можетъ, надъ представляющимися затрудненіями и, сдѣлавши это, снова впадаетъ во власть стерилизующаго автоматизма, а человѣкъ,—на какой-бы низкой ступени ни находился,—сохраняетъ въ себѣ постоянную способность къ безконечному совершенствованію.

III. Но если животное еще не пользуется мышленіемъ, то не владѣетъ ли оно уже его зерномъ въ скрытномъ состояніи? Слѣдуетъ признаться, что нельзя уже при свѣтѣ филологіи утверждать, что слово всегда было отличительнымъ признакомъ

нашего рода. Еще недавно аргументировали такимъ образомъ: Дитя придаетъ общій смыслъ первому попавшемуся слову: ему показываютъ картину, изображающую Св. семейство, и, желая остановить его вниманіе на Младенцѣ, говорятъ: „Bébé“; послѣ этого онъ видитъ другія картины и даже пустыя рамы и одинаково называетъ ихъ „bébé“. Отсюда заключали, что раціональный языкъ мы получаемъ не отъ предшественниковъ, которые его готовятъ, но что онъ примитивенъ, лежитъ въ самой природѣ нашей и можетъ быть разсматриваемъ, какъ одна изъ нашихъ неотчуждаемыхъ привиллегій. Теперь эти умозаключенія уничтожены болѣе точными изслѣдованіями. Правда, человѣкъ обобщаетъ съ тѣхъ поръ, какъ начинаетъ лепетать; можно также допустить, что во всѣхъ языкахъ есть абстрактные элементы, какъ бы они ни были скудны. Но ничто не доказываетъ, что такъ было и сначала; и было-бы довольно неожиданно, если-бы люди съ самаго начала изобрѣли такіе общіе термины, которые требуютъ знанія самыхъ возвышенныхъ понятій нашего ума и (знанія) безконечно-разнообразныхъ измѣненій, которымъ можетъ подвергнуться данное состояніе или дѣйствіе. Если человѣческой языкъ не начался съ корней, то съ чего-же онъ начался? Съ качественныхъ прилагательныхъ? Можетъ быть; возможно предполагать, что человѣкъ сначала призванъ дѣлать анализъ явленій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и что по мѣрѣ того, какъ онъ открывалъ въ нихъ логическіе аспекты, онъ соединялъ ихъ подходящимъ знакомъ. Однако, дѣйствительно ли это было такъ? На этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить лингвистика. Нельзя на этой наукѣ обосновать традиціоннаго мнѣнія, но нельзя такъ же сдѣлать изъ нея наведеніе и въ пользу противоположнаго его рѣшенія: лингвистика молчитъ, когда рѣчь идетъ о началѣ языка. Теперь необходимо вкратцѣ представить этотъ долгій споръ о происхожденіи человѣческаго мышленія. Последовательно были разсмотрѣны нами—біологія, сравнительная психологія и лингвистика; но изъ этихъ трехъ наукъ нѣтъ ни одной, которая представила-бы въ подтвержденіе идеи трансформизма, мы не говоримъ-ни одного рѣшительнаго факта, а именно индукціи, которая по своей природѣ способна была-бы

склонить на его сторону независимый умъ. Существуетъ два способа понимать этотъ вопросъ: 1) Или умъ считаютъ только послѣднимъ этапомъ и какъ бы завершеніемъ чувственной жизни, но тогда трансформизмъ сталкивается съ невозможностью. Вѣдь, сколько-бы не смѣшивали и ни утончали нашихъ образовъ, никогда не получится ничего логичнаго, универсальнаго и необходимаго, никогда не будетъ достигнуто абсолютное: никогда они (эти образы) не возвысятся до значенія идей; идея именно въ силу своихъ существенныхъ свойствъ несводима къ конкретному представленію. Или 2) предполагаютъ, что мышленіе—способность спеціальной природы, но что она находится въ виртуальномъ состояніи въ душѣ животныхъ, готовая расцвѣсти, какъ только это позволятъ ей фізіологическія условія. Въ этомъ случаѣ трансформизмъ становится теоріей, у которой філософски мыслящій человѣкъ не можетъ уже отрицать вразумительности; но трансформизмъ въ силу этого вовсе не оказывается уже доказаннымъ, онъ остается въ состояніи гипотезы. Ничто не принуждаетъ насъ предполагать у живыхъ существъ, которыя стоятъ ниже насъ, ту мистическую виртуальность, которою ихъ надѣляютъ; все объясняется здѣсь, если приписывать имъ лишь то, что общій смыслъ всегда предоставлялъ имъ, а именно—ощущеніе и вниманіе. Предположимъ даже, что искра мышленія появилась въ мозгѣ животнаго, что взоръ его сразу освѣтился лучемъ вѣчной истины; дѣло трансформизма отъ этого не получить большей основательности, такъ какъ надо будтъ еще сказать, откуда же приходитъ эта новая форма мысли. Эту задачу всегда будутъ рѣшать двоякимъ образомъ. Одни будутъ утверждать, со школою Дарвина, что этотъ проблескъ раціональной жизни заключается именно въ развитіи индивидуума, у котораго онъ появился, ибо онъ подобно искрѣ сверкнулъ изъ нѣдръ его умственной дѣятельности. Другіе будутъ съ такимъ же правдоподобіемъ видѣть здѣсь дѣйствіе творческаго акта. Невозможно проникнуть въ эти нѣдра ни при помощи науки, ни при помощи философіи. Когда приходится быть предъ лицомъ подобныхъ проблемъ, хорошо припомнить извѣстное слово Паскаля:

„Послѣдній ходъ разума всегда есть признаніе въ незнаніи“. Впрочемъ, мы придавали немного преувеличенное значеніе вопросу о нашемъ происхожденіи. Одни полагали, что все сдѣлаво, если только доказать, что человѣкъ есть усовершенствованное животное; другіе, напротивъ, боялись нѣкоторое время, чтобы все не погибло, если-бы успѣли представить доказательства этого. Но какое мнѣ собственно дѣло до того, что мои предки ползали на чревѣ или ходили на четырехъ ногахъ? Развѣ же я вслѣдствіе этого менѣе, чѣмъ я есмь? Развѣ же поэтому я стану менѣе великимъ? Нѣтъ. Мое величіе дано мнѣ съ того момента, когда я обратилъ „свою мысль къ своей мысли“, когда я вступилъ въ обладаніе своимъ существомъ, когда я могъ сказать себѣ: „Ты свободенъ“. Я приобрѣлъ свою царскую корону въ тотъ самый моментъ, когда строгое величіе обязанности пробудилось въ моемъ сознаніи; ясно что характеръ моего происхожденія не можетъ имѣть никакого значенія относительно этого превосходства моей природы.

Книга III.

ИДЕЯ ОТВѢТСТВЕННОСТИ.

Глава I.

Отвѣтственность и сознаніе.

Мыслить свою собственную мысль, управлять самимъ собою посредствомъ мышленія,—такова отличительная черта человѣческой личности. Теперь намъ остается изслѣдовать идею отвѣтственности. Каково-же свидѣтельство сознанія относительно отвѣтственности, и что обозначаетъ это свидѣтельство? Каждый сознаетъ себя отвѣтственнымъ,—вотъ первый фактъ; второй фактъ,—отвѣтственность предполагаетъ свободу. Оба эти факта составляютъ только одно цѣлое или, по меньшей мѣрѣ, первый есть только слѣдствіе второго. При видѣ гнуснаго насилія я возмущаюсь, но мнѣ не придетъ мысль вмѣнить себѣ происшедшее преступленіе. То же самое будетъ и въ томъ случаѣ,

если я обмануть относительно предмета моихъ дѣйствій. Моя свобода представляется мнѣ одновременно и какъ фундаментъ, и какъ норма моей отвѣтственности. Вотъ при свѣтѣ этой интимной солидарности мы и оцѣниваемъ поведеніе нашихъ ближнихъ. Совершаетъ человѣкъ доброе дѣло,—мы его уважаемъ; совершаетъ онъ низость,—мы называемъ его подлецомъ и презираемъ. Не колеблясь, мы переходимъ *отъ его поведенія къ его личности*, такъ какъ, если онъ опредѣлилъ себя къ добру или ко злу, то это лишь вслѣдствіе свободнаго предпочтенія. Совершенно иначе мы смотримъ, когда дѣло касается происшествій, въ которыхъ свобода отсутствуетъ. Но такъ какъ схоластика многообразно исказила это мнѣніе, то слѣдуетъ остановить здѣсь свое вниманіе, чтобы возстановить его подлинное содержаніе. Угрызеніе совѣсти не есть боязнь кары, какъ этого хочетъ Ст. Милль: и устранивши всякую возможность наказанія, преступникъ не избѣгаетъ моральнаго страданія; часто сами преступники вынуждены бываютъ искать себѣ законнаго возмездія, это—общеизвѣстно. *Совѣсть*, на самомъ дѣлѣ, обнаруживается съ одной стороны, какъ *радость о законѣ, свободно почитаемомъ*, а съ другой,—какъ *печаль о законѣ, сознательно и свободно оскорбленнымъ*. Поэтому-то и общество вазываетъ только тѣхъ преступниковъ, которыхъ оно считаетъ отвѣтственными, а отвѣтственными оно считаетъ тѣхъ, которые свободны: судьи предпринимаютъ столь тщательныя изслѣдованія, чтобы опредѣлить тѣ интимныя причины, которыя привели къ данному преступленію. Ясное дѣло, что такого рода изслѣдованіе можетъ имѣть лишь одну цѣль—узнать, въ какой степени здѣсь имѣла мѣсто свобода. Безпрерывно толкуютъ о справедливости, о преступленіи и добродѣтели, но все это такія слова, которыя не могутъ быть объяснены безъ постояннаго, хотя-бы то и скрытнаго, представленія идеи о свободѣ. Непосредственное сознаніе раньше всякаго научнаго и метафизическаго изслѣдованія указываетъ, что отвѣтственность и свобода соединены неразрывно; каждый изъ насъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ, потому что онъ чувствуетъ себя свободнымъ.

II. Человѣкъ созданъ не затѣмъ-же, чтобы оставаться во власти своихъ инстинктовъ. Идея блага, состоящая въ универсальной гармоніи существъ,—вотъ то, къ почитанію и довершенію чего сознаетъ онъ себя рожденнымъ: для человѣка естественная жизнь состоитъ въ моральной осмысленности его существованія. И дѣйствительно, онъ обладаетъ тѣмъ, что абсолютно необходимо для этого высшаго призванія: тамъ, гдѣ положены цѣли, тѣмъ самымъ даны уже и средства. Порядокъ—вотъ основной характеръ живой и сознательной природы. Ясное дѣло, что отсюда прямой переходъ къ тому, чтобы и человѣкъ имѣлъ все, что ему нужно для рациональной жизни подобно тому, какъ лошадь имѣетъ копыта для бѣга, а рыба обладаетъ плавниками; слѣдуетъ и человѣку обладать отъ природы знаніемъ того, что составляетъ двигательный и регулятивный принципъ всей его дѣятельности. Но никто не осмѣлится отрицать, что этотъ принципъ—отвѣтственность: какъ только уничтожаютъ отвѣтственность, то всякая солидарность между нами и нашими дѣйствіями оказывается прерванной. Сознаніе—вотъ авторитетъ, съ которымъ слѣдуетъ совѣщаться прежде всего и котораго вердиктъ долженъ господствовать надъ всѣмъ остальнымъ; а сознаніе именно и указываетъ намъ, что отвѣтственность обозначаетъ свободу. Хотя новѣйшіе критики и считаютъ эту идею химерой, но, вѣроятно, скорѣе они ошибутся, чѣмъ природа: вѣдь, въ каждомъ умѣ, еще владѣющемъ собою, существуетъ нѣкоторое число первичныхъ данныхъ, относительно которыхъ онъ не можетъ сомнѣваться. И вотъ въ первый рядъ среди нихъ слѣдуетъ помѣстить *неразрушимое соотношеніе отвѣтственности и свободы*. Нѣкоторые философы сомнѣваются въ этомъ, усиливаются сомнѣваться; но вотъ удивительное явленіе: они чувствуютъ, говорятъ и дѣйствуютъ, какъ и всѣ. Очевидно, ихъ совѣсть не обманываетъ, они имѣютъ столь реальное интимное созерцаніе своей свободной отвѣтственности, что никакой софизмъ, какъ бы онъ ни былъ тонокъ, не въ состояніи ни уничтожить, ни помрачить его блеска. Но каково это внутреннее созерцаніе? Когда моя совѣсть свидѣтельствуетъ мнѣ о моей собственной отвѣтственности, она

показываетъ мнѣ въ одно и то же время три факта, а именно: 1) что я свободенъ, 2) что отсюда происходитъ моя отвѣтственность и 3) что она происходитъ только отсюда. 1) Я свободенъ: это фактъ. Я чувствую себя свободнымъ въ своихъ желаніяхъ такъ же, какъ я чувствую себя существующимъ. Правда, безсознательное дѣйствуетъ во мнѣ подъ всеми формами моей сознательной жизни, но эти болѣе или менѣе связанные энергіи не опредѣляютъ меня: это только я самъ опредѣляю себя, прерывая цѣпь условій и слѣдствій окружающей меня міровой дѣйствительности. 2) Свобода объясняетъ отвѣтственность; я „отецъ моихъ поступковъ“; слѣдовательно насколько возможно взойти на вершину моего духа, чтобы найти, откуда происходятъ чисто-произвольныя обнаруженія моихъ инстинктовъ, необходимо приписать это моей личности, такъ какъ въ той самой степени, какъ я свободенъ, я—первая причина.

III. 3). Отвѣтственность объясняется свободою; болѣе того, она не можетъ быть объяснена иначе. Многообразныя попытки этого рода остаются безуспѣшными: они сталкиваются съ фактами. Однако и здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, ничего не слѣдуетъ осуждать цѣликомъ: детерминистическая теорія не во всѣхъ пунктахъ ложна. Детерминизмъ можетъ объяснить съ точностью два юридическихъ термина: натуральную солидарность и солидарность социальную; но слѣдуетъ-ли отсюда, что этимъ онъ объяснилъ и самую сущность отвѣтственности? Нисколько, потому что это та существенно различная идея, которая предполагаетъ, правда, двѣ первыя, но которая въ то же время обладаетъ своимъ специфическимъ свойствомъ, которая имѣетъ свое „quid propter“. Чувствовать себя отвѣтственнымъ это—не только подвергаться послѣдствіямъ своихъ поступковъ, но и приписывать ихъ себѣ самому. Вотъ этотъ то второй фактъ, который часто пытались ослабить, никто изъ сторонниковъ детерминизма никогда не будетъ въ силахъ объяснить, будетъ-ли онъ выходить съ Миллемъ изъ предмета, обосновывающаго отвѣтственность, т. е., изъ идеи блага, или станетъ опираться съ Тардомъ на понятіе о самомъ отвѣт-

ственной субъектъ. Стюартъ Милль утверждаетъ, что человекъ, дѣлающій ближнимъ добро, естественно, необходимо и резонно является для нихъ предметомъ любви, удивленія и симпатіи; напротивъ, тотъ, дѣйствія котораго постоянно находятся въ оппозиціи и конфликтѣ съ благомъ другихъ, есть естественный и законный предметъ ихъ постоянного отвращенія и враждебности; и это происходитъ независимо отъ всякой теоріи о различіи добра и зла, будетъ-ли воля свободной или нѣтъ. Эта сильная аргументація можетъ быть вполне принята; она выражаетъ основную истину, всегда признаваемую лучшими философами, именно, что существуетъ извѣстная гармонія нашихъ способностей, управляемая самой собою независимо отъ того, какую форму принимаетъ наша разсудочная дѣятельность. Но нельзя согласиться съ тѣми слѣдствіями, какія этотъ проницательный психологъ пытается отсюда вывести; онъ хочетъ при помощи объективной идеи блага дать отчетъ о моральномъ человекѣ во всей его полнотѣ; онъ хочетъ посредствомъ этой идеи, объяснить разомъ то, что называютъ вознагражденіемъ, радостью исполненнаго долга, угрызениемъ, виновностью. Однако эта попытка никогда не будетъ имѣть успѣха. Вѣдь, когда перспектива кары предстаетъ предъ моимъ взоромъ, я прежде всего говорю самому себѣ: „ты это заслужилъ, только отъ одного тебя зависѣло приготовить болѣе достойную и болѣе счастливую судьбу“. Радость, которую мы находимъ въ дѣланіи добра, не происходитъ только изъ уваженія къ закону, но еще, быть можетъ, особенно изъ того, что *это мы именно его уважаемъ*. Здѣсь мы узнаемъ самихъ себя; здѣсь мы видимъ плодъ усилія, зависящаго исключительно отъ насъ, и это то, что образуетъ здѣсь самый живой пунктъ. Вотъ данныя сознанія: недостаточно обосновать существованіе объективнаго блага, чтобы объяснить все; есть у субъекта отличительный принципъ, внѣ котораго отвѣтственность не представляетъ больше никакого смысла и этотъ необходимый принципъ есть свобода. Другіе философы вполне признаютъ, что происхожденіе отвѣтственности слѣдуетъ искать въ субъектѣ, но этимъ они менѣе всего утверждаютъ, что

свобода должна быть уничтожена. Одно изъ самыхъ любопытныхъ усилій въ этомъ направленіи сдѣлалъ Тардъ. По возрѣніямъ этого криминалиста, понятіе о я не ясно; поэтому слѣдуетъ подыскать для него замѣстителя, а этотъ замѣститель есть *идея о моемъ*. Декартъ сказалъ: „Я есмь“, но лучше слѣдовало бы сказать: „Я имѣю“. *Быть, имѣть и дълать*, — вотъ три основныхъ понятія; къ сожалѣнію, мыслители слишкомъ много занимались первымъ и послѣднимъ изъ нихъ, оставляя безъ вниманія второе. Между тѣмъ плодovitость наукъ (въ собственномъ смыслѣ) зависитъ отъ того, что онѣ изслѣдуютъ свойства вещей; нѣтъ ничего понятнѣе слова „имѣть“. Мое, вотъ то, въ чемъ мы отвѣтственны. Каждый изъ насъ есть „*мозго-сознательный синтезъ*“, гдѣ „зарегистрируются и сохраняются всѣ внѣшнія силы, солнце, питаніе“. Этотъ синтезъ, элементы котораго, идя со всѣхъ сторонъ, сохраняютъ еще нѣчто изъ ихъ оригинальной инородности, это и есть то, что слѣдуетъ съ этого времени считать разомъ какъ-бы областью моего и отвѣтственности. Такъ думаетъ Тардъ, но очень возможно, что его мысль не обладаетъ способностью нравиться всѣмъ. Вѣдь, въ наше время не я—темно, но идеи моего и не—моего; не слово „существо“ возбуждаетъ сомнѣнія, а слово „имѣть“. Развѣ-же мы знаемъ, гдѣ проходить демаркаціонная линія между „синтезомъ“ и универсомъ, который надѣляетъ его своими элементами? Внутреннее не есть-ли продолженіе внѣшняго и внѣшнее не есть-ли продолженіе внутренняго? Но предположимъ вмѣстѣ съ Тардомъ, что область моего имѣетъ опредѣленные границы, идея отвѣтственности окажется-ли поэтому совершенно ясною? Нѣтъ; она будетъ только очень сильно искажена. Говорятъ: не я, но мое обосновываетъ отвѣтственность. Но отсюда я могу заключать, что вполнѣ законно вмѣнять мнѣ не только мои сознательныя и произвольныя дѣйствія, но и тѣ, которыя я исполняю подѣ неустранимымъ воздѣйствіемъ принужденія; такъ же я могу заключать и относительно дѣйствій невѣдѣнія, инстинкта и нервности. Говорятъ еще, что мои желанія обычно суть для меня благо, и когда я уступаю одному изъ внутреннихъ при-

нужденій, я чувствую, что мое вынужденное рѣшеніе есть исполнѣ мое, настолько болѣе мое, насколько оно было болѣе вынужденнымъ. Но изъ этого принципа я вывожу заключеніе, что чѣмъ меньше кто владѣетъ собою, тѣмъ больше заслуживаетъ онъ темницы и гильотины. Кто-же когда нибудь захочетъ примѣнить къ себѣ и къ другимъ подобную теорію? Отвергають ученіе о первородномъ грѣхѣ; по что этотъ грѣхъ сравнительно съ тѣмъ, которымъ хотятъ падѣлить насъ мудрецы нашихъ дней? Быть можетъ, чтобы сдѣлать это объясненіе свое менѣе шокирующимъ, детерминисты прибавятъ, что виновность не имѣетъ значенія относительно всѣхъ дѣйствій, происходящихъ изъ моего, что она въ концѣ концовъ соединяется только съ тѣми, которыя сознательны и желательны. Но вѣдь, ясное дѣло, что этимъ ограниченіемъ они снова возвращаются къ старой теоріи. А возвратившись къ ней, они снова сталкиваются съ очевидными противорѣчіями: они хотятъ примирить необходимость съ самой вмѣняемостью; но это явно—невозможная вещь. „О человекъ! Само небо вичего не въ состояніи сдѣлать относительно моей воли“, такъ говоритъ Эпиктетъ. Вотъ идея, которой слѣдуетъ отдать предпочтеніе, такъ какъ детерминизмъ прожилъ довольно долгое время, чтобы обнаружить, что онъ содержитъ основную ошибку и неустрашимый принципъ моральнаго декадентства.

Глава II.

Отвѣтственность и наука.

Наука множествомъ способовъ доказала, что она можетъ освѣтить внутреннее извнѣ. Косвенный анализъ и физика внутреннихъ явленій представили намъ и болѣе точное опредѣленіе психическихъ условій отвѣтственности и позволили возвыситься до болѣе опредѣленныхъ причинъ, варьирующихъ эти самыя условія, а отсюда и юридическія и моральныя слѣдствія самаго высокаго значенія. Впрочемъ, наука еще не сказала своего послѣдняго слова по этому вопросу, но ея прошедшее—

такого рода, что дозволяетъ предвидѣть, что ея будущее не будетъ безплодно. Нѣкогда думали, что достаточно сознавать то, что дѣлаютъ, чтобы быть отвѣтственными. Кто сознаетъ себя самого, полагали, различаетъ такъ же добро и зло; кто различаетъ добро и зло, тотъ опредѣляетъ себя свободно, а когда опредѣляютъ себя свободно, то такъ же и дѣйствуютъ, если только нѣтъ препятствій со стороны внѣшней силы или какого нибудь возбужденія двигательныхъ нервовъ. Научно обслѣдованный экспериментъ однако обнаруживаетъ, что это умозаключеніе немного кратко. Оно имѣетъ въ виду состояніе человѣка вполнѣ нормальнаго, но оно далеко отъ отвѣта на разнообразныя до безконечности случаи, обнаруживающіеся на практикѣ. Во-первыхъ, есть люди, которые способны размышлять, которые зрѣло взвѣшиваютъ побужденія своихъ дѣйствій, но у которыхъ однако различіе добра и зла глубоко искажено. Напримѣръ: Калигула и Неронъ не были смущены въ своихъ удовольствіяхъ воспоминаніемъ о тѣхъ жестокихъ казняхъ, которымъ они подвергали своихъ ближнихъ; среди нашей утонченной цивилизаціи и, быть можетъ, вслѣдствіе этой утонченности, на полной свободѣ живутъ многіе граждане, обладающіе часто высокой степенью мыслительныхъ способностей, но для нихъ добро и зло—только пустыя слова. Это уже вполнѣ обоснованный фактъ, что мышленіе не заключаетъ необходимо различеніе добра и зла; и эта аномалія не единственна. Различіе добра и зла и въ томъ случаѣ, когда оно существуетъ, далеко отъ того, чтобы переходить въ рѣшеніе; свобода можетъ здѣсь уменьшаться до безконечности. Есть личности, любящія повторять „хорошія“ слова, но они знаютъ то, что мы называемъ добромъ, какъ другіе знаютъ геометрію или механику. Разладъ моральнаго сознанія и свободнаго рѣшенія идетъ еще дальше: есть люди, способные размышлять, способные обсуждать свои дѣйствія, но неспособные хотѣть; они столь далеки отъ того, чтобы осуществить свои желанія, что не могутъ даже извлечь изъ своей самопроизвольности простого рѣшенія. Свободное рѣшеніе въ свою очередь, вовсе не составляетъ вмѣстѣ съ физическимъ дѣйствіемъ столь сом-

кнутаго пары, какъ можно бы думать, наблюдая только изнутри: это фактъ, что нѣкоторые больные чувствуютъ себя побуждаемыми къ преступнымъ дѣйствіямъ, ужасъ которыхъ они видятъ и которыя ихъ воля энергично отрицаетъ. Въ дѣйствительности, условія отвѣтственности очень сложны; она разомъ предполагаетъ: *мысленіе, различеніе добра отъ зла, сознание моральнаго качества исполненнаго акта, свободу рѣшенія и свободу движенія.*

Эти условія отвѣтственности не имѣютъ между собой абсолютной солидарности: они могутъ подвергаться серьезнымъ варіаціямъ. Причины этихъ варіацій могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ факторамъ человѣческой жизнедѣятельности: къ прогрессивному злоупотребленію свободою и къ вырожденію (въ зависимости отъ соціальныхъ условій жизни и отъ наслѣдственности).

Г л а в а III.

Отвѣтственность и разумъ.

Наука не стремится разрушить психологическій фундаментъ отвѣтственности; ея роль ограничивается опредѣленіемъ все возрастающей точности и тѣхъ береговъ, между которыми эта отвѣтственность варьируется, и тѣхъ многочисленныхъ причинъ, которыя заставляютъ ее варіироваться. Она не колеблетъ данныхъ сознанія; она вноситъ въ ихъ среду все больше и больше свѣта. Высказывается ли и разумъ такъ же въ пользу традиціоннаго значенія идеи отвѣтственности?

Всѣ метафизическія затрудненія ничего не стоятъ предъ лицомъ факта отвѣтственности; однако надо изслѣдовать самый этотъ фактъ при свѣтѣ разума. Возражаютъ противъ ученія о свободѣ воли такимъ образомъ: если мотивы только возбуждаютъ волю, если они не опредѣляютъ ея собою, тогда остается предположить, что или 1) воля остается безсильной опредѣлить себя, или 2) ея опредѣленіе есть только дѣйствіе случая; но вѣдь, очевидно, въ первомъ случаѣ вопросъ объ отвѣтствен-

ности и не ставится, а во второмъ—онъ амораленъ. Выходить, что по воззрѣніямъ сознанія отвѣтственность обозначаетъ свободу, а по сужденіямъ разума свобода оказывается безсильной представить собою какое-нибудь объясненіе отвѣтственности.

Вотъ возраженіе, во имя котораго надѣялись получить право опустошить весь храмъ нравственности. Но 1) нѣтъ ничего противорѣчиваго въ томъ, что воля опредѣляется сама собою и по своему собственному выбору; а 2) ея опредѣленія, хотя происходятъ изъ ея самопроизвольности, не имѣютъ ничего, что позволяло-бы сравнивать ихъ съ дѣйствіями случая. 1) Несомнѣнно, вѣдь, что все измѣняется и есть прибавка бытія (*une addition d'être*). Откуда-же происходитъ эта прибавка? Ее порождаетъ причина, не исчерпывающаяся этимъ. А въ такомъ случаѣ и человѣческая свобода, поскольку она опредѣляется сама собою, перестаетъ быть исключеніемъ. 2) Воля обладаетъ сознательной энергіей осуществлять свои собственные опредѣленія или не осуществлять ихъ. Это—агентъ—производитель, располагающій самимъ собою. Вѣдь, чисто-физическія причины сами не могли-бы управлять своими слѣдствіями; причины, которыхъ сознаніе исключительно эмоціально, не могли-бы сами измѣнять ни интенсивности, ни направленія своей дѣятельности. Совершенно другое при дѣйствительно сознательныхъ причинахъ, способныхъ не только ко вниманію, но и къ мышленію. А разъ эти условія даны, то кто-же не видитъ, что они требуютъ и особенной причины. Къ чему тогда и сознаніе себя, если оно существуетъ лишь для того, чтобы освѣщать фатальную игру идей и страстей? Производительница—сила, которая творитъ основу бытія, стремится эмансипироваться по мѣрѣ того, какъ возвышается по лѣстницѣ творенія и, наконецъ, дѣлается сознательной и свободной. Должно предположить существенное соотношеніе между сознаніемъ самого себя и стремленіемъ произвольной дѣятельности принимать безконечно-различныя направленія. Эта гармоническая зависимость сознанія самого себя и ковкости волевой энергіи есть фактъ, имѣющій свое основаніе во вселенной, именно въ ея цѣлесообразности. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ

ничего противорѣчиваго, нераціональнаго въ идеѣ объ агентѣ—производителѣ, который, сознавая самого себя, можетъ располагать своею дѣятельностью. Все доказываетъ, что основа свободы не антиномія, но тайна, какъ и все остальное во вселенной.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Резюмируя всѣ вышеизложенные доводы въ пользу традиціоннаго—субстанціалистическаго ученія о личности, мы приходимъ къ такой окончательной формулировкѣ этого понятія: личность есть единый, тождественный, сознательный, мыслящій, дѣятельный, свободный и отвѣтственный субъектъ.

А. Матюшевъ

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Марта № 5. 1905 года.

Содержаніе. I. Высочайшая награда — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Братства Озеринской Божіей Матери. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1903—1904 учебный годъ. (Продолженіе). — Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему добладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода. Всемилостивѣйше соизволилъ 19-го февраля сего года на сопрячисленіе къ ордену *св. Анны 3-й степени* священника Николаевской церкви села Березовка, Харьковскаго уѣзда, Симеона Флоринскаго.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Высочайшая благодарнасть за пожертвованія.

Въ отношеніи Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 23 февраля 1905 г. за № 1371 на имя Его Высокопреосвященства, изложено слѣдующее: „Завѣдующій Капцелярією Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Секретарь Ея Величества, по повелѣнію Ея Императорскаго Величества, проситъ объявить священнику с. Макортетиной, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губерніи, благодарнасть отъ имени Ея Величества за пожертвованіе въ складъ Ея Величества въ пользу воиновъ на Дальнемъ Востокѣ, холста и разныхъ предметовъ бѣлья. — Сообщая о семъ Вашему Высокопреосвященству, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, не отказать въ распоряженіи объ объявленіи изъясненной Всемилостивѣйшей Ея Императорскаго Величества благодарности помянутому священнику“.

2. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда, Феодоръ *Стрижиковъ* опредѣленъ священникомъ къ церкви слоб. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда, 28 февраля н. г.

б) Діаконъ Николаевской церкви, сл. Деркачей, Харьковскаго уѣзда, Гаврилъ *Ковалевскій* опредѣленъ 1 марта священникомъ къ Вознесенской церкви гор. Золочева Харьковскаго уѣзда.

в) Діаконъ церкви, сл. Кругляковки, Купянскаго уѣзда, Венедиктъ *Чуркинъ* опредѣленъ 28 февраля священникомъ къ церкви с. Ивановскаго, Изюмскаго уѣзда.

г) Псаломщикъ церкви сл. Тростяница, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Каравановъ* опредѣленъ 1 марта на діаконское мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви, сл. Деркачей, Харьковскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ церкви сл. Бригадировки, Зміевскаго уѣзда, Александръ *Труфановъ* опредѣленъ 1 марта на діаконское мѣсто при церкви с. Новаго, Валковскаго уѣзда.

е) Учитель церковно-приходской школы Николай *Мухинъ* опредѣленъ 2 марта н. г. на діаконское мѣсто при церкви сл. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ церкви сл. Покровской, Ахтырскаго уѣзда, Викторъ *Барабаха* опредѣленъ 4 марта на діаконское мѣсто при церкви сл. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.

з) Безмѣстный и. д. псаломщика Михаилъ *Квитковскій* опредѣленъ 28 февраля н. г. исправляющимъ должность псаломщика къ церкви слоб. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда.

и) Сынъ Псаломщика Яковъ *Жуковскій* опредѣленъ 2 марта н. д. псаломщика къ Преображенской церкви, сл. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда.

к) Бывшій воспитанникъ Духовной Семинаріи Иванъ *Толмачевъ* опредѣленъ 3 марта къ церкви сл. Ново-Бурлуцкой, Волчанскаго уѣзда и д. псаломщика.

3. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Діаконъ церкви сл. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда, Тихонъ *Платоновъ* перемѣщенъ 4 марта н. г. на діаконское мѣсто при церкви слоб. Кругляковки, того же уѣзда.

б) Псаломщикъ церкви слоб., Ворожбы, Сумскаго уѣзда, Иванъ *Семеновъ* перемѣщенъ 2 марта на псаломщицкое мѣсто при церкви села Рогознаго, того же уѣзда.

4. Обь утвержденіи церковныхъ старость.

а) Къ церкви села Хорошева, Харьковского уѣзда, утвержденъ 28-го февраля старостою мѣщанинъ Николай *Демидовъ*.

б) Къ Соборной Преображенской церкви, гор. Валокъ, утвержденъ 28 февраля старостою мѣщанинъ Алексѣй *Ходаковскій*.

в) Къ церкви слоб. Рай-Александровки, Изюмского уѣзда, утвержденъ 28 февраля н. г. старостою крестьянинъ Федоръ *Олейниковъ*.

г) Къ Покровской церкви, сл. Липецъ, Харьковского уѣзда, утвержденъ 28 февраля старостою крестьянинъ Иванъ *Поддубный*.

д) Къ Соборной Покровской церкви, города Ахтырки, утвержденъ 28 февраля старостою почетный гражданинъ Федоръ *Куриловъ*.

е) Къ Троицкой церкви, сл. Боромли, Ахтырского уѣзда, утвержденъ 28 февраля н. г. старостою купецъ Петръ *Эфрессъ*.

ж) Къ церкви сл. Мѣловой, Зміевского уѣзда, утвержденъ 28 февраля старостою крестьянинъ Трофимъ *Катыжинъ*.

з) Къ Рождество-Богородичной церкви, сл. Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1 марта старостою крестьянинъ Захарій *Золотаревъ*.

и) Къ церкви сл. Бахмутовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1-го марта старостою крестьянинъ Петръ *Смольяковъ*.

н) Къ церкви сл. Райгородка, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1-го марта старостою крестьянинъ Иванъ *Носовъ*.

к) Къ церкви сл. Безгиновой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1-го марта старостою крестьянинъ Семень *Пташенко*.

л) Къ церкви сл. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 1-го марта старостою крестьянинъ Семень *Пушкарь*.

м) Къ церкви сл. Карасевки, Харьковского уѣзда, утвержденъ 2 марта старостою крестьянинъ Иванъ *Кадничанскій*.

н) Къ церкви сл. Крыгской, Старобѣльскаго уѣзда, утверржденъ 3 марта старостою кр. Іосифъ *Плакида*.

о) Къ церкви сл. Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 3 марта старостою кр. Андрей *Чесердаковъ*.

п) Къ Арх.-Михаиловской церкви, сл. Соколова, Зміевского уѣзда, утвержденъ 5 марта старостою кр. Евфимъ *Ковтунъ*.

5. Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ сл. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Николай *Четуригъ* утверждаетъ 23 февраля законоучителемъ Кислодубинскаго парод. училища.

б) Журнальнымъ опредѣленіемъ Епарх. Начальства, отъ 14—22 февр. н. г. въ 17 вновь открытыхъ начальныхъ училищъ, Волчанскаго уѣзда утверждены въ должности законоучителей слѣдующіе священники: Бузуковскаго и Васильчиковскаго свящ. сл. Благодатной Михаилъ *Колосовскій*; Грачевскаго, Купянскаго и Черниискаго, свящеп. сл. Грачевки Николай *Васютинъ*; Захаровскаго священникъ слоб. Ивацовки: Василій *Эннатскій*; Мало-Бурлучанскаго свящ. сл. Хатней Іоаннъ *Алексеевъ*; Нижне-Бурлучанскаго священникъ сл. Няняго Бурлучка Александръ *Богдановскій*; Чугуновскаго и Устиновскаго свящ. сл. Ольховатки Сергій *Дмитріевъ*; Ново-Александровскаго 2-го свящеп. сл. Ново-Александровки Константинъ *Николаевъ*; Барсуковскаго свящ. сл. Варваровки Іоаннъ *Склябинскій*; Амбарновскаго и Остреньковскаго свящ. сл. Козицки Павелъ *Бумаковъ*; Лозовскаго свящ. сл. Ново-Бурлучка Александръ *Ястремскій*; Варваровскаго 2-го свящеп. сл. Терновой, Іоаннъ *Чубаковъ* и Сипельниковскаго діаконъ села Графскаго Стефанъ *Бутковскій*.

в) Священникъ церкви сл. Ново-Осиповой, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Линицкій* 27 февраля утвержденъ законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища

г) Священникъ сл. Преображенской, Купянскаго уѣзда, Михаилъ *Смирновъ* утвержденъ 27 февраля законоучителемъ мѣст. народ. училища.

д) Священникъ сл. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда Петръ *Любарскій* утвержденъ 3 марта законоучителемъ мѣст. народнаго училища.

е) Священникъ сл. Каменки, Старобѣльскаго уѣзда Теодръ *Шишловъ* утвержденъ 3 марта законоучит. мѣст. народ. училища.

ж) Священникъ церкви сл. Черкасскихъ Тишковъ, Харьковскаго уѣзда, Александръ *Щепинскій* утвержденъ 7 марта законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

6. Объ увольненіи за штатъ.

а) Діаконъ церкви сл. Григоровки, Харьковскаго уѣзда, Василій *Ковалевскій* уволенъ за штатъ 28 февраля.

б) Діаконъ-псаломщикъ с. Рогознаго, Сумскаго уѣзда, Георгій *Трипольскій* 28 февраля уволенъ за штатъ.

в) Діаконъ-псаломщикъ церкви с. Ганусовки, Старобѣльскаго у. Андрей *Максимовъ* 28 февраля уволенъ за штатъ.

7. О пожертвованіяхъ на военныя нужды.

а) Въ теченіе февраля мѣсяца 1905 г. въ Харьковскую Духовную Консисторію поступало отъ духовенства церквей и монастырей епархіи по-

жертвованій: 911 руб. 23 коп. вообще на военныя нужды, 513 руб. 81 коп. въ пользу Краснаго Креста, 442 руб. 42 коп. въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ съ Дальняго Востока и 72 руб. на усиленіе военнаго флота Россіи, а всего 1934 руб. 46 к., а съ ранѣе поступившими деньгами 54856 руб. 34 коп.

8. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) священническія.

- При Покровской церкви, сл. Лашиновки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Соборной Покровской церкви, гор. Старобѣльска.
 - Харьковской Благовѣщенской церкви.
 - Харьковской Озерянской церкви.
 - Харьковской Воскресенской церкви.
 - Архангело-Михайловской церкви, сл. Райгородка, Изюмск. уѣзда.
 - Сергіевской церкви при Харьковской 2-й мужской гимназіи.
 - Спасской церкви при Стрѣльцкомъ конц. зав., Старобѣльскаго уѣзда.
 - Захаріевской церкви, с. Кантакузова, Валковскаго уѣзда.
 - Воскресенской церкви, с. Булацелевки, Зміевскаго уѣзда.
 - Покровской церкви, гор. Богодухова.
 - Троицкой церкви, сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.
 - Преображенской церкви, сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда.
 - Георгіевской церкви, сл. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.
 - Архангело-Михайловской церкви, города Бѣлополя Сумскаго уѣзда.
 - Соборной Троицкой церкви города Зміева.
 - Всѣхсвятской церкви города Славянска, Изюмскаго уѣзда.
 - Троицкой церкви, сл. Поповки, Богодуховскаго уѣзда.
 - Казанской церкви, с. Землянокъ, Волчанскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

- При Николаевской церкви, села Григоровки, Харьковскаго уѣзда.
- Харьковской Озерянской церкви.
 - Николаевской церкви с. Деркачей Харьковскаго уѣзда.
 - Митрофаніевской церкви, сл. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - Николаевской церкви, сл. Песокъ, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Псаломщикія:

- При Харьковской Институтской Маріи Магдалин. церкви.
- Харьковской Воскресенской церкви.

- Харьковской Дмитриевской церкви.
- Харьковской Преображенской церкви.
- Харьковской Благовѣщенской церкви.
- Харьковской кладбищенской Усѣкновец. церкви.
- Харьковской Рождество-Богородичной церкви.
- Архан.-Михаилов. церкви, с. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда.
- Успенской церкви, с. Отрадпой, Купянскаго уѣзда.
- Успенской церкви, сл. Нижней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Георгіевской церкви, сл. Свистуновки, Купянскаго уѣзда.
- Николаевской церкви, сл. Наугольновки, Купянскаго уѣзда.
- Николаевской церкви, сл. Буймера, Лебединскаго уѣзда.
- Иоанно-Предтечевской церкви, села Дудковки, Зміевскаго уѣзда.
- Тихоновской церкви, слоб. Ганусовки Старобѣльскаго уѣзда.
- Пятивцкой церкви, сл. Брацковки, Ахтырскаго уѣзда.
- Покровской церкви, сл. Ворожбы Сумскаго уѣзда.
- Казанской церкви, с. Землянокъ, Волчанскаго уѣзда.

г) Просфорническія.

Волчанскаго уѣзда: 1-го Волчанскаго округа: при Мпироносицкой ц. г. Волчанска, при Богоявленской ц. сл. Молодовой, при Покровской ц. сл. Бочковой, при Сошествіевской ц. сл. Малой Волчьей, при Вознесенской ц. сл. Ефремовки, при Андреевской ц. с. Графскаго, при Успенской ц. сл. Рубежнаго, при Космо-Даміановской ц. сл. Терновой, при Иоанно-Богословской ц. сл. Полевой, при Рождество-Богородичной ц. с. Волоховки, при Казанско-Богородичной ц. с. Волчанскихъ Хуторовъ; *2-го Волчанскаго округа:* при Предтечевской ц. с. Базалѣвки, при Покровской ц. сл. Большой при Бабки, Покровской ц. с. Великаго, при Троицкой ц. сл. Нижняго Бурлука, при Митрофаніевской ц. сл. Отрадпой, при Христо-рождественской ц. с. Пятницкаго; *3-го Волчанскаго округа:* при Благовѣщенской ц. сл. Благодатной, при Варваринской ц. с. Варваровки, при Преображенской ц. с. Великаго Бурлука, при Вознесенской ц. с. Грачевки, при Преображенской ц. с. Ивановки, при Архангело-Михаиловской ц. с. Козянки, при Успенской ц. с. Николаевки 2-й, при Вознесенской ц. сл. Никольскаго, при Александрo-Невской ц. с. Ново-Александровки, при Георгіевской ц. сл. Ольховатки, при Покровской ц. с. Рубленаго, при Сошествіевской ц. с. Хатвей, при Покровской ц. с. Гнилицы, при Иоанно-Богословской ц. с. Средняго Бурлука.

ОТЪ БРАТСТВА ОЗЕРЯНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Состояніе денежныхъ поступленій и расходовъ кассы Братства Озерянской Божіей Матери къ 1-му января 1905 года.

Пожизненныхъ членскихъ взносов.	Членскихъ взносов по:				
	Р.	К.			
Митрополитъ Флавіанъ	200	—	3 р. 165	495	—
Архіепископъ Арсеній	200	—	2 р. 2	4	—
Архіепископъ Іустянъ	100	—	4 р. 1	4	—
Епископъ Стефанъ	100	—	17 р. 5	38	—
Свищ. В. Ветуховъ	100	—	7 р. 1	7	—
Архимандритъ Вассіанъ	100	—	10 р. 2	20	—
Архимандритъ Іовъ	100	—	25 р. 3	75	—
Филонова Н. М.	100	—	34 р. 20 к. 1	34	20
Шурковъ А. В.	100	—	40 р. 1	40	—
Прот. В. Никольскій	75	—	1 р. 48	48	—
Ген.-лейтен. Мау	60	—	Пожертвованій	25	—
Баженовъ П. К.	60	—	Итого	837	20
Алексѣенко М. М.	60	—	Кромѣ этого полу-		
Іозефовичъ А. А.	60	—	чено прибыли при		
Прот. П. Полтавцевъ	60	—	покупкѣ ренты въ		
Уткинъ К. П.	60	—	1000 руб.	67	19
Жмудскій А. Я.	60	—	А всего	2679	39
Безчетвертновъ И. Г.	60	—			
Клеменовъ М. С.	60	—			
Кочинъ Д. В.	60	—			
Итого	1775	—			

Итакъ, вся сумма поступленій въ кассу Братства за 1904 годъ къ 1 января 1905 г. составитъ 2679 р. 39 к.

Изъ этой суммы израсходовано въ теченіе 1904 г. 214 „ 29 „

Итого къ 1 января 1905 г. состоитъ 2465 р. 10 к.; въ нихъ билетами тысяча триста рублей и наличными деньгами тысяча сто шестьдесятъ пять руб. десять коп.

Согласно § 4-му Устава кассы взносы пожизненныхъ членовъ и половина ежегоднаго остатка отъ всѣхъ суммъ Братства поступаютъ въ запасный капиталъ. Посему въ оставшейся суммы

2465 р. 10 к. отчисляется 1775 р. взносов пожизненных членовъ и 345 р. 5 к. въ запасный капиталъ, составляющіе половину отчисленія изъ оставшейся суммы 690 р. 10 к.

Засимъ, свободныхъ суммъ Братства остается къ 1-му января 1905 года триста сорокъ пять руб. пять коп.

Казначей Братства Озерянской Божіей Матери,
Священникъ Николай Зедфировъ.

Списокъ членовъ Братства Озерянской Божіей Матери.

Пожизненныхъ.

Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій	200
Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій	200
Лустивъ, Архіепископъ Одесскій и Херсонскій	100
Стефанъ, Епископъ Могилевскій и Мстиславскій	100
Вассіанъ, Архимандритъ-настоятель Святогорскаго м—ря	100
Іовъ, Архимандритъ-настоятель Ряснянскаго м—ря	100
Филонова Н. М.	100
Ветуховъ В. священникъ.	100
Шурковъ А. В.	100
Никольскій В. протоіерей	75
Мау генераль-лейтенантъ	60
Баженовъ П. К.	60
Алексѣенко М. М. попечитель учебнаго округа	60
Іозефовичъ А. А.	60
Полтавцевъ П. протоіерей	60
Уткинъ К. П. Харьковскій 1-й гальдія купецъ	60
Жмудскій	60
Безчетвертновъ И. Г.	60
Клеменовъ М. С.	60
Кочвинъ Д. В.	60

Дѣйствительныхъ.

	Р.		Р.
Іеронимъ, Архіепископъ Варшавскій и Холмскій	25	Антоній, Епископъ Волынскій и Житомирскій	5
Антоній, Епископъ Черниговскій и Нѣжинскій.	10	Іоаннскій игуменъ	25
Алексій, (бывшій) Епископъ Чебоксарскій	10	Азанчевскій, Харьковскій вице-губернаторъ	3
Петръ, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій	25	Айвазовъ И. Г. Епархіальный миссіонеръ	3
		Антоновскій В. свящ.	3

	Р.		Р.
Багрецовъ Л. М.	3	Домонтовичъ	5
Барсукова О. Н.	3	Димитріевъ А. свящ.	3
Бабинъ В. П.	5	Дыиковъ К. свящ	3
Балаховскій А. протоіерей	3	Добровравовъ М.	3
Безобразовъ В. А.	3	Добровольскій В. прот.	3
Безобразова С. Ф.	3	Евецкій І. А.	3
Безсоновъ К.	3	Евѣимовъ А. прот.	3
Безсонова Е. Х.	3	Евстратій іеромонахъ	3
Бобыревъ Г. Н.	3	Елифаній іеромонахъ	3
Бородянкъ М. А.	3	Егуповъ В. А.	5
Брайловскій А. діаковъ	3	Желѣзневъ Г. діаковъ	3
Бродовичъ І. О.	3	Жебняевъ Н. свящ.	3
Бугаевъ Д. діаковъ	3	Загоровскій Н. свящ	3
Бузескулъ В. П.	5	Зайцевъ А. А.	3
Бѣлоусовъ І. священникъ	3	Захарьевъ А. свящ.	3
Буткевичъ Т. И. протоіерей	3	Звѣрянскій М. П.	3
Бухаровъ И. К.	3	Зегеловъ полковникъ	5
Васильевъ Н. Н.	3	Зефировъ Н. свящ.	3
Викторовъ А. А.	3	Золотаревъ І. свящ.	3
Виноградовъ И. А. дир. ком. уч.	3	Знаменскій І. П. прот.	3
Виноградовъ Г. священникъ	3	Іосифъ архимандритъ	3
Вервшацкая А. О.	3	Іосифъ іеромонахъ	3
Веніамановъ Е. священникъ	3	Ивановъ М. Н.	4
Вишняковъ П. священникъ	3	Ивановъ П. прот.	3
Введенскій Г. священникъ	3	Ильяшевъ Х. діаковъ	3
Вертеловскій А. Ѳ.	3	Ирвней іеромонахъ	3
Воронецъ Е. Н.	3	Истоминъ К. Е.	3
Воронецъ П.	3	Ишниковъ Г. священникъ	3
Вязиганъ А. С. проф.	3	Корифеико І.	3
Вязигана Т. И.	3	Клячновъ М. свящ.	3
Высоцкій А. В.	3	Коваленко И. Я.	3
Высочинъ И. И.	3	Коваленко И. А.	5
Гермогень іером.-казначей Куряжскаго м — ря	3	Кольскій П. И.	3
Гейдигъ Е. Н.	3	Косыхъ П. директоръ гвмн.	3
Гоганъ Н. В.	3	Кохановъ П. свящ.	3
Гончаревскій І. священникъ	3	Кратировъ Н. свящ.	3
Горайнъ І. священникъ	3	Кудревичъ И.	3
Грома П. священникъ	3	Крушедольскій И. свящ.	3
Григоровичъ П. протоіерей	3	Ключаревъ П. И.	3
Грвгоровичъ И. И.	3	Кіаницынъ Ѳ. свящ.	3
Гутниковъ Н. протоіерей	3	Кабановъ И. К.	3
Давиденко В. Ф. епарх. набл.	3	Ключка А. А.	5
Делла-Восъ А. К.	3	Логиновъ В. В.	3
Делла-Восъ М. С.	3	Леонтовичъ В. Т.	3
Дербушевъ В. С.	3	Левицвій І. прот.	3
Дометій іеромонахъ	3	Лобковскій А. свящ.	3
		Любарскій А. прот.	3

	Р.		Р.
Любарскій Н. свящ.	3	Случевскій К. К.	3
Ломиковскій М.	5	Случевская А. П.	3
Луценко А. свящ.	3	Степановъ Ф. И.	3
Любцкій С. прот.	3	Сукачевъ Д. свящ.	3
Любичская В. Г.	7	Сукачевъ Ѡ. Н.	3
Любчинскій В. свящ. (благоч.)	40	Свѣдова А. В.	3
Мельниковъ І. П.	3	Сѣрый Я. В.	3
Мигулицъ П. прот.	3	Скубачевскій П. свящ.	3
Михаиль іеромонахъ—инспек- торъ семинаріи.	3	Сумцовъ С. Н.	3
Макухинъ Г. Я.	3	Сѣнцовъ М. Н.	3
Нечаевъ генераль-маіоръ	3	Твердохлѣбовъ А. свящ.	3
Новскій С. діаконь	5	Толмачевъ І. свящ.	3
Никифоровъ Е. П.	5	Токаревъ М.	3
Озеровъ А. Ф.	5	Толмачевъ А. свящ.	3
Озерова Е. В.	5	Теряевъ А. свящ.	3
Онивкевичъ Н. прот.	3	Тямофѣевъ П. свящ.	3
Орловъ Н. Л.	3	Тимофѣевъ П. прот.	3
Поповъ В. протоіерей	3	Трофимовъ И. Ф.	3
Поповъ Д. священникъ.	3	Тяминъ А. П.	3
Полтавцевъ А. діаковъ	3	Фигуровскій Д. Г.	3
Погорѣлко И. К. город. голова	3	Филевскій І. свящ.	5
Прейсъ Н. П. докторъ	3	Фуртасовъ Г.	3
Путята Е. Н.	3	Худашева М. А.	3
Поповъ Г. діаконь	3	Цуриковъ ген-маіоръ	5
Подлуцкій П. діаконь	3	Чеботаревъ Г. прот.	3
Пономаревъ В. священникъ	3	Чекановъ Н. А.	3
Пономаревъ С. И.	3	Чернявскій прот.	5
Платоновъ И. Я.	3	Чвжевскій І. прот.	3
Пичета І. протоіерей	3	Чугаевъ А. прот.	3
Протопоповъ Н. С.	3	Шаховской М. Л.	3
Поповъ Г. прот. (благ.). 34 р.	20 к.	Шиховъ В. В.	3
Посельскій С. священникъ.	3	Штадченко И. Я.	3
Приходивъ І. свящ.	3	Щелкуновъ А. свящ.	3
Ракшевскій В. діаковъ	3	Юшковъ А. свящ.	3
Рудвинскій Г. свящ.	3	Юрковъ Т. С.	3
Румянцевъ В. прот.	3	Яновскій В. свящ.	3
Рюминъ В. В.	3	Ѡедоровъ Н. прот.	3
Самойловъ В. свящ.	3	Ѡедоровъ І. свящ.	3
Самойловичъ И. О. секретарь консисторіи.	3	Ѡедоровскій В. прот.	3
Сокольскій Н. свящ.	5	Ѡедоровскій А. прот.	3
Солнцевъ П. прот.	3	Ѡедоровскій І. прот.	3
Снегиревъ А. А.	3	Ѡедоровскій М. свящ.	3
Соколовскій Н. прот.	5	Ѡоменко	3
Сокольскій Н. діаковъ.	3	Ѡомиинъ П. Г. свящ.	3
		Ѡеоктистовъ	3

Соревнователей:

	Р.		Р.
Богуславскій діаконъ	1	Невиригянъ П. діаконъ.	1
Брайловскій Е. Ф.	1	Негелъскій В. И	2
Базилевичъ І.	1	Неизвѣстный	1
Булгаковъ И. В	1	Неизвѣстная	1
Бутковскій П. діаконъ	1	Овищенко А.	1
Бѣляковъ Н. діаконъ	1	Петровскій К. діаконъ	1
Вербицкій Ѡ.	1	Поповъ А. діаконъ	1
Весселовскій Н.	1	Половъ Ар. псаломщикъ	1
Владыковъ И.	1	Петинъ П. М.	1
Гурова А.	1	Поповъ К. діаконъ	1
Гарчинскій І. діаконъ	1	Поповъ Н. псаломщикъ.	1
Иваницкій К діаконъ	1	Пономаревъ В. А.	1
Ильинъ М. псаломщикъ	1	Прядкинъ П.	1
Ковалевскій П. діаконъ	1	Протопоповъ Н. діаконъ	1
Ковалевскій П. діаконъ.	1	Протопоповъ З.	1
Коробчевскій Г.	1	Семейкинъ С. діаконъ	1
Кошляковъ І. діаконъ	1	Софійскій А. А.	1
Квитковскій.	1	Степурскій Т. псаломщикъ	1
Кратировъ П. Ф.	2	Соколовскій К. діаконъ.	1
Лихницкій И. В.	1	Толмачевъ Д.	1
Любинскій В. діаконъ	1	Чебановъ Г.	1
Марченко В. В.	1	Чернявскій Ѡ. діаконъ	1
Михайловъ Я. М.	1	Шашкинъ В. діаконъ	1
Масловъ Л.	1	Шашкинъ Ѡ. діаконъ	1
Музалевскій Гр. діаконъ	1	Ѡесенко Т.	1

Вѣрно: Казначей Братства Озерянскои Божіей Матери,
Священникъ Николай Зефирова.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1903—1904 учебный годъ.

(Продолженіе).

III. Учебно-воспитательная часть.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году опредѣлялось требованіями Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ, циркулярными разъясненіями по духовно-учебному вѣдству и объяснительными записками къ новымъ программамъ.

а) Недѣльное распределение уроковъ, съ объясненіемъ причинъ какихъ-либо уклоненій отъ предписаній установленной программы, если таковыя были допущены.

Распределение уроковъ по классамъ и предметамъ было нижеслѣдующее:

ПРЕДМЕТЫ.		Приготовит. классъ.	I классъ.	II классъ.	III классъ.	IV классъ.	V классъ.	VI классъ.	Общее число уроковъ.
1	Законъ Божій.	3	4	4	4	3	3	3	24
2	Церковно славянскій языкъ	—	1	1	1	1	—	—	4
3	Русскій языкъ	10	3	3	3	2	—	1	22
4	Словесность.	—	—	—	—	—	3	3	6
5	Гражданская Исторія	—	—	—	—	2	4	3	9
6	Географія.	—	—	2	2	3	3	2	12
7	Дидактика	—	—	—	—	—	1	2	3
8	Физика	—	—	—	—	—	2	3	5
9	Арифметика.	2	4	4	4	3	3	—	20
10	Геометрія.	—	—	—	—	—	—	2	2
11	Церковное Пѣніе	1	2	2	2	2	2	2	13
12	Чистописаніе	2	4	2	2	2	—	—	12
13	Руководѣніе.	2	2	2	2	2	1	—	11

Въ началѣ учебнаго года, на основаніи § 24 п. 10 „Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ“ Инспекторъ классовъ, совместно съ Начальницей Училища и по соглашенію съ преподавателями и учительницами, составилъ недѣльное распisanіе уроковъ по всѣмъ предметамъ училищнаго курса, которое по разсмотрѣніи въ совѣтѣ училища, было утверждено Его Высокопреосвященствомъ. Въ этомъ распределеніи уроковъ новыхъ отступленій сравнительно съ прошедшимъ учебнымъ годомъ не было.

При составленіи распределенія уроковъ имѣлось въ виду по возможности распределить обязательные предметы равномерно по днямъ недѣли и на первые уроки назначать предметы, требующіе большаго умственного напряженія, а на послѣдніе сравнительно меньшаго, или предметы необязательные. Согласно такому педагогическому требованію предметы распределялись такъ, что для всѣхъ классовъ назначено было по 24 урока въ недѣлю, на каждый день по 4 урока, кромѣ приготовительнаго класса, гдѣ было назначено 4 дня по 3 урока и два по 4 урока. Въ общемъ количество уроковъ во всѣхъ классахъ было нормальное, опредѣленное Уставомъ и новыми программами, хотя въ частности сдѣлано было отступленіе отъ указанной ими нормы. Такъ, удержанъ прежній добавочный урокъ 1) въ 6 классъ по русской грамматикѣ; 2) удержанъ также въ 5 классъ одинъ урокъ по Дидактикѣ; 3) въ 6 классъ введенъ одинъ урокъ для занятій воспитанницъ въ церковно-приходской школѣ. Первое отступленіе

сдѣлано было въ видахъ лучшаго усвоенія воспитанницами этимологіи и синтаксиса русскаго языка при повтореніи въ 6 классѣ, что-же касается добавочнаго урока дидактики въ 5 классѣ, то Совѣтъ Училища въ этомъ случаѣ руководится разрѣшеніемъ, даннымъ объяснительною запискою, приложенной къ новой программѣ этого предмета, дозволяющею вводить этотъ урокъ «если гдѣ окажется возможность по мѣстнымъ условіямъ и средствамъ.» Такъ какъ по росписанію нѣкоторыя часы во всѣхъ классахъ оставались свободными, то они употреблялись на руководіе по 2 урока въ подготовительномъ и первыхъ четырехъ классахъ и по 1 уроку въ 5-мъ, и на классныя диктанты, по 2 урока въ первыхъ четырехъ классахъ въ недѣлю.

Классныя занятія начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ 1 ч. 30 м. Урокъ каждый продолжался 55 минутъ. Между уроками былъ промежутокъ въ 10 мин., а между вторымъ и третьимъ 30 минутъ (на завтракъ). Въ 6 час. вечера начинались вечернія занятія и продолжались до 8 часовъ. Занятія необязательными предметами—рисованіемъ, иконописаніемъ—производились въ послѣобѣденное время, отъ 3—5 часовъ пополудни. Въ послѣобѣденное также время воспитанницы всѣхъ классовъ въ теченіе часа занимались руководіемъ и при этомъ обыкновенно слушали чтеніе рекомендованныхъ наставниками книгъ. Занятія воспитанницъ музыкою производились во внѣклассное время. По средамъ и пятницамъ Великаго Поста, когда совершалась Литургія Преждеосвященныхъ Даровъ, уроки начинались въ 9¹/₂ ч., а оканчивались въ 2 часа.

в) Указаніе учебныхъ руководствъ, употребляемыхъ въ Училищѣ, но не указанныхъ въ Установленной программѣ.

Изъ числа учебныхъ руководствъ, не указанныхъ установленною программой, въ Училищѣ употреблялись только одобренныя Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ или ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Таковыхъ однако было не много: по Закону Божию въ 4 и 5 классахъ «Записки по Закону Божию» Прот. Лаврова, въ VI классѣ по Церковной Исторіи: Побѣдоносцева «Исторія Христіанской Церкви до IX в.»; по русскому языку—Христоматія Галахова 1 и 2 часть и Филонова, «Курсъ систематическаго диктанта» Смирновскаго во 2 и 3 клас.; «Исторія русской литературы» Орлова въ 6 кл., Исторія Литературы Незеленова; по дидактикѣ А. Сосновскаго «Методика предметовъ обученія въ начальной школѣ» въ 5 классѣ; по Церковному пѣнію «Практическія упражненія къ методу обученія хорошему пѣнію» Н. Брянскаго по чистописанію «Прописы Гербача.»

е) *Выполнена-ли въ каждомъ классѣ установленная программа. Если нѣтъ, то какія мѣры приняты къ выполнению пропущеннаго.*

Во всѣхъ классахъ выполнялись «Программы учебныхъ предметовъ для Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ», изданныя Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ. Все положенное программами училищнаго курса пройдено своевременно, при чемъ согласно предписанію Св. Синода отъ 13-го февраля 1893 г. за № 5854, всѣми преподавателями обращалось особенное вниманіе на ясность, точность и сознательность въ дѣлѣ усвоенія воспитанницами положеннаго курса. По сему методы преподаванія были употребляемы соответственныя возрасту и степени развитія учащихся и характеру изучаемыхъ предметовъ, при чемъ особенное вниманіе обращено было на примѣненіе указаній объяснительныхъ записокъ, приложенныхъ къ новымъ программамъ. Съ теоретическимъ изученіемъ предметовъ были связаны и практическія занятія въ области проходимыхъ наукъ. Такъ, напр., участіе воспитанницъ въ церковномъ пѣніи и чтеніи было поставлено въ органическую связь съ изученіемъ Церковнаго богослуженія, чтеніе житій святыхъ служило средствомъ для укрѣпленія въ душахъ учащихся изучаемыхъ свѣдѣній изъ второй части Православнаго Катехизиса, а чтеніе Свящ. Писанія Новаго Завѣта по славянски, производившееся законоучителями, служило средствомъ 1) для ознакомленія съ церковно-богослужебнымъ языкомъ и 2) для основательнаго ознакомленія съ Евангельскою Исторіею и Христіанскимъ ученіемъ. Преподаватели русскаго языка и словесности вели практическія занятія, состоявшія въ составленіи устныхъ и письменныхъ примѣровъ на изучаемыя правила, въ этимологическомъ, синтаксическомъ и стилистическомъ разборѣ читаемыхъ образцовъ, въ заучиваніи нѣкоторыхъ стихотвореній и отрывковъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній. Съ теоретическимъ изученіемъ главнѣйшихъ правилъ этимологіи и синтаксиса церковно-славянскаго языка было соединено чтеніе и подробный грамматическій разборъ церковно-славянскаго текста по Часослову и Псалтирю. При изученіи ариметики преподаватели большое вниманіе обращали на устное и письменное рѣшеніе задачъ. Преподаваніе Географіи имѣло главною цѣлью дать воспитанницамъ связное представленіе о всей физической жизни земли, о природныхъ условіяхъ той или другой мѣстности (положеніи, границахъ, климатѣ, устройствѣ поверхности земли, растительномъ и животномъ царствѣ), о бытѣ и занятіяхъ жителей, о зависимости, существующей между физической природой и человѣческой культурой. Преподаватели Географіи заботились и о томъ, чтобы воспитанницы научились безъ затрудненія указывать упоминаемыя мѣстности какъ на картахъ отдѣльныхъ частей свѣта, такъ и на плоскошаріяхъ.

При прохожденіи Гражданской Исторіи учащими разъяснялся общій смыслъ событій, ихъ причины и результаты, указывались характерныя черты эпохъ. При изложеніи событій отечественной исторіи, для лучшаго пониманія ихъ, приводились аналогичныя свѣдѣнія и изъ исторій другихъ народовъ. Карты и хронологическія таблицы составляли необходимую принадлежность при изученіи Исторіи, а для возстановленія связи историческихъ фактовъ уроки исторіи почти всегда сопровождались повтореніемъ по вопросамъ и часто систематическимъ повтореніемъ. Преподаваніе Физики и Геометріи обставлено было всѣми необходимыми физическими и геометрическими приборами и состояло, главнымъ образомъ, въ письменномъ рѣшеніи задачъ и производствѣ тѣхъ или другихъ опытовъ. При изученіи дидактики было обращено вниманіе на усвоеніе воспитанницами способовъ начального обученія предметовъ, указанныхъ въ программѣ церковно-приходскихъ школъ; съ этою цѣлью воспитанницы давали пробныя уроки въ образцовой Церковно-приходской школѣ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. При изученіи французскаго языка, воспитанницы упражнялись въ переводахъ съ русскаго и французскаго языка, въ чтеніи отрывковъ изъ образцовыхъ произведеній французскихъ писателей; на урокахъ Церковнаго Цѣнія воспитанницы проходили теорію и практически изучали весь курсъ воскреснаго и праздничнаго богослуженія. Чистописаніе преподавалось до 4 класса включительно. На урокахъ рисованія воспитанницы выучивались чертить геометрическія фигуры, рисовать контуры предметовъ и различные пейзажи карандашомъ, на урокахъ иконописанія — писать масляными красками иконы.

Большинство преподавателей не только успѣли выолнить программы, но и повторить пройденное въ цѣломъ объемѣ или главнѣйшихъ частяхъ. За правильнымъ веденіемъ учебнаго дѣла и за своевременнымъ выполненіемъ программъ слѣдилъ Инспекторъ классовъ, который съ этою цѣлью посѣщалъ уроки наставниковъ и просматривалъ записи уроковъ въ классныхъ журналахъ. Кромѣ Инспектора классовъ, въ видахъ наблюденія за вниманіемъ и успѣхами воспитанницъ, уроки преподавателей посѣщались и Начальницей Училища. Предсѣдатель Совѣта Протоіерей Т. И. Буткевичъ также посѣщалъ уроки.

д) Распредѣленіе письменныхъ упражненій и степени достигаемыхъ ими успѣховъ.

Письменныя упражненія во всѣхъ классахъ распредѣлялись въ отчетномъ году такъ-же, какъ и въ предыдущіе годы. Черезъ нихъ было обращено вниманіе на развитіе въ учащихся навыка правильно писать по русски какъ со стороны орфографической, такъ и логической.

Съ этою цѣлью велись двоякаго рода письменныя упражненія: а) *классныя*—преподавателями русскаго языка и воспитательницами такія упражненія заключались болышею частью въ списываніи съ книги и диктантахъ, приспособленныхъ къ изучаемымъ на урокахъ русскаго языка отдѣламъ грамматики, и б) *срочныя домашнія*, назначавшіяся преподавателями русскаго языка, а въ старшихъ классахъ и преподавателями Закона Божія, Географіи, Гражданской Исторіи и Дидактики. Сочиненія эти въ III классѣ состояли изъ разсказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, въ 4 классѣ—изъ разсказовъ и описаній самостоятельныхъ, въ V и VI классахъ—изъ такихъ-же самостоятельныхъ описаній, или сравненій и разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ вырабатывался предварительно въ классѣ воспитанницами при помощи преподавателя, а въ старшихъ классахъ составлялся учащимися самостоятельно. Срокъ для написанія сочиненія опредѣлялся въ 20 дней. Темы назначались преподавателями по соглашенію съ Инспекторомъ классовъ въ сроки, указанные особымъ росписаніемъ и представлялись Инспекторамъ классовъ въ Совѣтъ, послѣ чего заносились въ журналъ. Въ теченіе года ученицы 3 класса написали 7 сочиненій по русскому языку, 2 классныхъ и 5 домашнихъ; ученицы 4 класса написали 7 сочиненій, одно классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божию, 1 по Географіи и 2 по Исторіи; ученицы 5 класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку 1 по Закону Божию, 1 по Географіи и 1 по Исторіи; воспитанницы 6 класса написали 7 сочиненій—одно классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божию, 1 по Исторіи, 1 по Географіи и 1 по Дидактикѣ.

Прочитывая письменныя работы ученицъ, преподаватели исправляли ихъ и указывали орфографическія и логическія погрѣшности, а затѣмъ представляли на просмотръ Инспектору классовъ. Возвращая работы воспитанницамъ, преподаватели не только указывали общія достоинства и недостатки, но и разбирали подробно нѣкоторыя изъ нихъ выдающіяся съ какой-либо стороны—положительной или отрицательной.

Кромѣ сочиненій воспитанницы 3, 4 и 5 классовъ составляли въ мѣсяцъ по одному письменному арифметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи. Предъ экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экспромптовому сочиненію которое въ 1 и 2 кл. состояло въ диктантѣ, въ 3-мъ въ пересказѣ данной статьи и въ старшихъ классахъ—въ самостоятельномъ сочиненіи на данную тему.

Объ успѣхахъ воспитанницъ въ письменныхъ работахъ можно судить по слѣдующей таблицѣ балловъ по сочиненіямъ:

К Л А С С Ы.	Общее число воспитан.	Число получившихъ баллъ.					Не оказали успѣховъ.
		5	4	3	2	1	
III нормальный классъ	49	4	15	28	1	—	1
III параллельный классъ	43	6	14	19	4	—	—
IV нормальный классъ	45	9	19	16	1	—	—
IV параллельный классъ	46	6	16	22	1	—	1
V нормальный классъ	36	8	12	12	—	—	4
V параллельный классъ	42	10	16	14	—	—	2
VI нормальный классъ	39	8	17	13	—	—	1
VI параллельный классъ	37	8	13	16	—	—	—

Средній баллъ по всѣмъ классамъ за сочиненія $3\frac{235}{328}$ или приблизительно $3\frac{2}{3}$. Согласно Циркулярю по Духовно-учебному вѣдомству № 13, баллы за письменныя работы самостоятельнаго значенія не имѣли, а принимались во вниманіе при оцѣнкѣ успѣховъ воспитанницъ въ изученія учебныхъ предметовъ, особенно при выводѣ общаго балла по русскому языку, а также при назначеніи наградъ за успѣхи въ наукахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше просить отцовъ такихъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе марта взносовъ за третью треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 20 руб.—съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 руб.—съ иносословныхъ воспитанниковъ. Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общежитія.

II.

Содержаніе. II. Настоящее горе Россіи. Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго.—Какой типъ пастыря Церкви наиболѣе желателенъ въ настоящее время? Священника Дмитрія Ромашкова.—Изъ дневника миссіонера, И. Г. Айвазова.—Къ вопросу о взаимоотношеніи воспитанія и обученія въ начальныхъ школахъ. С. Ч.—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Приемные дни у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ теченіи Великаго поста.—Богословское чтеніе въ залѣ Дворянскаго Собранія 6-го марта.—Памяти † священника Василя Іоанновича Федоровскаго.—Иноепархіальный отдѣлъ. О современномъ миссіонерствѣ среди старообрядцевъ.—Разныя извѣстія и замѣтки. Мнѣнія о парламентаризмѣ.—Объявленія.

Настоящее горе Россіи.

Тяжкое горе переживаетъ теперь Россія. Минулъ уже годъ несчастной войны. Флотъ уничтоженъ. Наши храбрые воины гибнутъ десятками тысячъ отъ вражескаго оружія. Армія терпитъ пораженіе за пораженіемъ. Полное уныніе въ сердцахъ нашихъ. Не въ первый разъ постигаютъ Русь святую тяжкія бѣдствія. Пережила она времена самозванщины, съ честью и торжествомъ вышла изъ вѣковой борьбы со шведами и изъ страшныхъ наполеоновскихъ войнъ. Но не тою Русь была тогда, какою стала теперь. Въ тѣ времена она сильна была любовью своей къ святой вѣрѣ своей, непоколебима своей преданностью Царю и Отечеству. А нынѣ, что мы видимъ?

Идетъ тяжкая война. Сплотиться бы всѣмъ намъ надо въ высокомъ, самоотверженія полномъ, патріотическомъ чувствѣ, а вмѣсто этого въ землѣ нашей горитъ внутренняя смута. Родные сыны Россіи подъ вліяніемъ невѣдомыхъ въ старину пагубныхъ ученій враждою раздираютъ ея материнское сердце. Любви къ Церкви нѣтъ. Благоговѣніе къ власти исчезло. Все перевернуто вверхъ дномъ: наука брошена, святое все попрано. Въ недавніе масляничные дни, когда наши родные герои извѣмогали въ неравной борьбѣ съ врагомъ и умирали въ кровопролитныхъ и страшныхъ битвахъ, мы и при такихъ обстоятельствахъ не устыдились предаваться нашему, обычному въ эти дни, разгулу. Со стороны даже жутко было смотрѣть на такое наше нравственное расцутство. И за то по всей правдѣ презрѣнны мы стали, сдѣлались посмѣшищемъ у народовъ земли.

Вотъ гдѣ настоящее горе и несчастіе Россіи. Не стало ни-

чего священнаго, неприкосновеннаго для насъ. Страхъ Божій утратили мы, а грубый эгоизмъ современныхъ сверхъ-человѣковъ возлюбили. Вотъ прошла первая недѣля Святой Четыредесятницы: съ ней прахомъ полетятъ и наша временная сдержанность, и наша короткая удѣломудренность. Загородныя развлеченія, театры, зрѣлища опять увлекутъ насъ въ вихрь распутства, удовольствій и разврата. И Церковь молить объ исправленіи, и братія-воины стонуть, умирая за насъ... А намъ, что за дѣло? Вино, зрѣлища и разгуль... Вотъ гдѣ наша сокровища; вотъ гдѣ наше сердце; вотъ чего мы желаемъ и ищемъ, и намъ сладко это опьяненное состояніе, грубое, грязное, низкое, демонское и намъ скучно, наоборотъ, все трезвое, благоговѣйное, чистое, свѣтлое, Божье. Правды, мира и радости о Духѣ Святѣ мы не знаемъ. Они чужды сердцу нашему. По истинѣ приложимы къ намъ слова великаго канона Андрея Критскаго: „Законъ изнеможе, празднуетъ евангеліе, писаніе же все въ насъ небрежно бысть, пророцы изнемогоша и всякое праведное слово“. Явны наши душевныя изнеможенія, а о врачеваніи мы не думаемъ.

Сплотись же, Русь святая, Русь православная! Устыдись, Бога убойся. Сбрось съ себя грѣховную грязь и нечистоту. Покайся, просвѣтись, очистишь, и Господь помилуетъ тебя *).

Митрополитъ Антоній.

4 марта, 1905 г.

Какой типъ пастыря Церкви наиболѣе желателенъ въ настоящее время?

Несомнѣнно, жизнь человѣческая прогрессируетъ во всѣхъ отношеніяхъ: и въ государственно-общественномъ, и въ церковно-религіозномъ, и въ нравственно—бытовомъ, и въ физически-матеріальномъ. То, что было сто—пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, измѣнилось, можно сказать, значительно. Конечно, нужно замѣтить здѣсь, измѣнилось не радикальнымъ образомъ, не по существу дѣла, а именно въ отношеніяхъ людей между собою, которыя составляютъ основу бытія человѣческаго. Нынѣ, какъ и пятьдесятъ и сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, идея го-

*) „Нов. Вр.“

сударства съ обществомъ, идея Церкви съ религіей, идея нравственной и физической природы человѣка остается одна и таже, безъ всякаго измѣненія. Измѣнились, говоримъ, отношенія людей къ государству, обществу, Церкви, религіи и т. д. На этихъ измѣненіяхъ построена вся современная русская жизнь. И если говорить теперь о прогрессѣ двадцатаго вѣка въ отношеніи людей къ государству вообще, то этотъ прогрессъ замѣчается, конечно, и въ отношенія ихъ къ Церкви и представителямъ ея—духовенству въ частности.

Несомнѣнно, и это послѣднее, т. е. духовенство русское прогрессируетъ весьма замѣтнымъ образомъ, прогрессируетъ какъ въ теоретически—умственномъ и нравственномъ отношеніи, такъ и въ практически—жизнейскомъ. За примѣрами вамъ ходить далеко нечего. Всѣ мы видимъ и знаемъ, что современное духовенство, въ сравненіи съ духовенствомъ прежнихъ временъ, стало совсѣмъ другое. Указывая на это, мы хотимъ сказать здѣсь не то, чтобы сущность этого сословія русской земли въ конецъ измѣнилась въ настоящее время. Нѣтъ, конечно! *Иисусъ Христосъ*,—по слову Ап. Павла,—*вчера и днесъ, той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8). Онъ есть невидимая „глава“ созданной Имъ, „церкви“ (Еф. V, 23) на землѣ и до сихъ поръ. Духъ Святой, ниспосланный Имъ въ день Пятидесятницы ва Апостоловъ, „духъ истины“ (Іоан. XIV, 17), пребываетъ въ ней, конечно, и теперь еще, и будетъ пребывать, по слову Самого Христа, „во вѣкъ“ (Іоан. XIV, 16). Тотъ же Духъ Святой преемственно передается всѣмъ истиннымъ и законнымъ пастырямъ Христовой Церкви посредствомъ рукоположенія въ таинствѣ священства. Черезъ это видимое дѣйствіе въ упомянутомъ таинствѣ церковномъ невидимо подаются рукополагаемому, соотвѣтственные его силѣ и сану, дары Духа Святаго, укрѣпляющіе его на подвигъ пастырства. Такимъ образомъ, „благодать Всесвятаго Духа“ въ Церкви Христовой остается постоянно неизмѣнною, остается такою со времени учрежденія на землѣ этого „дома Бога живаго“, этого „столпа и утвержденія истины“ (1 Тим. III, 15). Несомнѣнно, она—эта благодать существуетъ и въ Церкви Русской, представляющей собою часть Церкви православно-католической, такъ какъ эта

церковь во всемъ согласна съ церковью древнею и Апостольскою, почему и называется въ Символѣ вѣры Апостольскою.

Но если небесная, „Божественная благодать“, подаваемая пастырямъ Россійской Церкви въ таинствѣ священства, благодать“ всегда не мощная врачующи и оскудѣвающая восполняющи“ (мол. при посвящ.), и остается неизмѣнною на вѣки, то земные, человѣческіе сосуды, воспринимающіе въ себя эту благодать, не всегда остаются одни и тѣже и не всегда бываютъ одного и тогоже достоинства. Св. Апостоль Павелъ во второмъ посланіи своемъ къ Коринѳлянамъ пишетъ, между прочимъ, что „сокровище сіе“, т. е., Божественную благодать, „озарившую“ также и его „сердце“, „дабы“, въ числѣ прочихъ, „просвѣтитъ“ и его познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Иисуса Христа“, — «мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ» (2 Кор. IV, 6—7).

Что-же нужно разумѣть подъ этими „глиняными сосудами“? Подъ ними нужно разумѣть именно „слабость нашего естества и немощь нашей плоти, потому что плоть наша нисколько не крѣпче скудельнаго сосуда; она столь же удобосокрушима и также легко сокрушается и смертію, и болѣзнями, и воздушными перемѣнами, и другими безчисленными причинами¹⁾. Вмѣстѣ съ симъ нужно разумѣть здѣсь также чувство смиренія и сознанія своего недостойнства, какъ это и выразилъ Апостоль Христовъ въ дальнѣйшихъ словахъ своихъ. „Сокровище“ благодати божіей „мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ“ для того, говоритъ онъ, „чтобы преизбыточная сила была *приписываема* Богу, а не намъ“ (ст. 7). Т. е., другими словами, мы должны надѣяться, при прохожденіи пастырскаго служенія своего, не на свои собственныя силы, а на силу Божію, и успѣхъ этого служенія должны видѣть въ помощи Божіей, подаваемой намъ свыше. Не къ однимъ только ветхозавѣтнымъ пастырямъ, а и къ новозавѣтнымъ, должны относиться слова Божіи, высказанныя устами пророковъ. „Вотъ, что глина въ рукѣ горшечника, то вы въ Моей рукѣ“: такъ говоритъ Господь пастырямъ Церкви устами пророка Іереміи (Іер. XVIII, 6). А вотъ какъ

¹⁾ Св. Іоан. Злат. См. Толков. 2 посл. св. Ап. Павла къ Коринѳ. Еп. Теофана. Москва 1894 г. стр. 144.

должны говорить пастыри Церкви устами пророка Исаиѣ: „нынѣ, Господи, Ты отецъ нашъ; мы глина, а Ты образователь вашъ, и всѣ мы дѣло руки Твоей“ (Ис. 64, 8). Итакъ, благодать Божія образовываетъ духовныхъ пастырей. Относительно этой благодати Господь сказалъ однажды Ап. Павлу: „довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается въ немощи“ (2 Кор. XII, 9). И хотя тотъ же Апостоль проводилъ ту мысль, что онъ, какъ служитель Божій, „немощенъ“, а всѣ остальные вѣрующіе міряне, какъ члены Церкви Христовой, крѣпки“ (1 Кор. IV, 10), однако самъ же засвидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ „тогда“ только крѣпокъ или „силенъ, когда немощенъ“ (2 Кор. XII, 10) и даже открыто хвалился немощами своими (2 Кор. XI, 30;—XII, 5, 9).

Что-же это показываетъ? Это показываетъ, что и „сосуды глиняные“ бываютъ иногда весьма прочны, и даже прочнѣе сосудовъ, устрояемыхъ изъ другого матеріала, какъ-то: золота, серебра и дерева. Несомнѣнно, какъ во всякомъ „большомъ домѣ“ могутъ быть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни въ почетномъ, а другіе въ низкомъ употребленіи“ (2 Тим. II, 20); такъ и въ домѣ Церкви бываютъ такіе же разнообразныя сосуды. Только въ обыкновенномъ житейскомъ домѣ цѣна этимъ сосудамъ распределяется по степени достоинства матеріала, изъ котораго сооружаются они: золотые сосуды цѣнятся, конечно, дороже сосудовъ серебряныхъ, серебряные сосуды цѣнятся дороже сосудовъ деревянныхъ, деревянные сосуды цѣнятся дороже сосудовъ глиняныхъ. Не то замѣчается въ Церкви, среди іерархическихъ лицъ ея—этихъ духовныхъ сосудовъ благодати Божіей. Здѣсь сосуды глиняные не только гораздо крѣпче бываютъ сосудовъ золотыхъ, но и гораздо дороже ихъ цѣнятся. Въ Церкви Божіей великій духовный пастырь, какъ бы онъ ни былъ слабъ и немощенъ по природѣ своей, только бы онъ былъ „чистъ“ и свободенъ отъ всякаго зла, „будетъ сосудомъ“, хотя и глинянымъ, но „сосудомъ въ чести, священнымъ и благопотребнымъ Владыкѣ, годнымъ на всякое доброе дѣло“ (2 Тим. II, 21).

Но если духовный пастырь и бываетъ нерѣдко „сосудомъ“

глинянымъ“, содержащимъ въ себѣ сокровище благодати Божіей, получаемое имъ въ таинствѣ священства, то бываетъ такимъ не безотносительно къ своей двойной, духовно-тѣлесной природѣ человѣческой. Такой взглядъ на духовнаго пастыря оправдывается, конечно, вполнѣ исторією. Первоначальное служеніе пастыря въ Церкви Христовой было именно таково. Типъ этого рода пастыря представляютъ Апостолы Христовы, люди, какъ извѣстно, неученые и необразованные въ наукахъ человѣческихъ, эти простодушные галилейскіе рыбаки, жившіе преимущественно на лонѣ природы. Но изъ среды Апостоловъ можно видѣть уже исключеніе. Таковъ, напр., былъ св. Апостоль и Евангелистъ Лука, по профессіи своей врачъ и живописецъ. Самъ Апостоль Павелъ, этотъ „Божій избранный сосудъ“ (Дѣян. IX, 15), не поколебавшійся сказать про себя, что онъ „носитъ сокровище“ благодати Божіей „въ глиняномъ сосудѣ“, представлялъ, можно сказать, такое исключеніе. Онъ, какъ извѣстно, былъ ученикомъ знаменитаго Гамалиила, раввина Іерусалимской школы, и воспитанъ былъ тщательно въ заковѣ Моисеевомъ.

Съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ христіанства по лицу тогдашняго міра, чѣмъ больше становилось людей расположенныхъ къ христіанству и входившихъ въ составъ Церкви Христовой, тѣмъ больше было изъ среды ихъ пастырей, представлявшихъ собою не одни только сосуды глиняные, но и сосуды деревянные, серебряные и золотые. Таковы были, такъ называемые, мужи Апостольскіе. Таковы же были и древніе св. отцы и учителя Церкви. Изъ числа ихъ вспомнимъ здѣсь, на примѣръ, трехъ вселенскихъ учителей и святителей: Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго—этихъ даровитыхъ и высоко-образованныхъ по уму и сердцу пастырей духовныхъ. Если по тѣлесной природѣ они и были сосудами низшаго достоинства, то по духовной природѣ своей они были, конечно, сосудами наивысшаго достоинства. Такъ въ Церкви Христовой прогрессировало духовенство вообще. И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше обнаруживался этотъ прогрессъ.

У насъ на Руси точно также духовенство видоизмѣнялось во многихъ отношеніяхъ. Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о

внѣшнемъ управленіи церковномъ, а о внутреннемъ состояніи нашего духовенства. Сначала оно, стоя на низшей степени развитія, представляло изъ себя строго замкнутое сословіе людей, поставленныхъ на служеніе Церкви. Затѣмъ оно начинаетъ мало-по-малу выходить изъ своего первоначальнаго состоянія замкнутости, забитости, убожества, начинаетъ мало-по-малу приобщаться, на ряду съ прочими сословіями русскими, культуры и цивилизаціи общеевропейской жизни. Но при этомъ нельзя не отмѣтить здѣсь того прискорбнаго явленія, что древній типъ пастыря Церкви, пастыря—молитвенника, какимъ изображается онъ еще на первыхъ страницахъ исторіи христіанской церкви, особенно же рельефно изображается въ житіяхъ святыхъ, напр., въ лицѣ св. Апостола Іакова, брата Господня и перваго іерарха Іерусалимскаго, который имѣлъ обыкновеніе уединяться для молитвы въ храмъ, тамъ вставалъ на колѣни и молился о своемъ народѣ, и который такъ часто простирался на землю въ молитвѣ, что даже кожа на колѣнахъ его огрубѣла,—этотъ типъ пастыря Церкви сталъ все болѣе и болѣе, такъ сказать, затушевываться и стираться совсѣмъ съ лица земли русской. „Непрестанная молитва“ (1 Сол. V, 17; Кол. IV, 2), обязательная по заповѣди Апостольской для всѣхъ христіанъ, а для пастырей—въ особенности, и выражающаяся въ „молитвѣ духомъ и умомъ“ (1 Кор. XVI, 15), стала какъ бы въ тягость современнымъ пастырямъ Церкви, занятымъ совсѣмъ другими предметами, не имѣющими ближайшаго отношенія къ ихъ пастырскому служенію. По самому званію своему, какъ служители Церкви, они должны быть главнымъ образомъ молитвенниками, воздѣвающими преподобныя руки свои за паству свою и, вообще, за народъ свой. А между тѣмъ какъ мало у насъ стало теперь пастырей, истинныхъ молитвенниковъ!

Въ настоящее же время, какъ это очевидно для всякаго, сталъ нарождаться и распространяться у насъ совсѣмъ другого рода типъ духовныхъ пастырей, не типъ пастырей—молитвенниковъ, ревностныхъ и усердныхъ служителей Богу и Церкви, совершающихъ служеніе свое въ тишинѣ и безызвѣстности на духовномъ преимущественно поприщѣ, видимой

сферой котораго является, какъ извѣстно, храмъ Божій, съ отправленіемъ въ немъ разнаго рода богослуженій церковныхъ, а типъ пастырей—общественныхъ дѣятелей, въ родѣ законоучителей въ различныхъ школахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, въ родѣ лекторовъ и писателей на тѣхъ или иныхъ поприщахъ общественнаго служенія, пастырей, хотя и не состоящихъ на общественной службѣ, но всецѣло проникнутыхъ стремленіямъ практическихъ дѣятелей на житейской почвѣ, каковыми, напр., являются въ особенности наши сельскіе священники—эти великіе труженики родной земли, въ потѣ лица своего добывающіе себѣ хлѣбъ насущный, и сѣющіе и жнушіе его нерѣдко своими собственными руками.

Что касается этой *частной* и, отмѣченной нами выше, *общественной* дѣятельности нашихъ пастырей Церкви, то на нее, конечно, нельзя смотрѣть съ какимъ-либо укоромъ или пренебреженіемъ. Нѣтъ, она имѣетъ за собою вполне справедливыя требованія, предъявляемыя въ настоящее время къ пастырямъ Церкви со стороны самого свѣтскаго общества. Въ своемъ разсужденіи о задачахъ современнаго пастырства мы уже нѣкогда касались этого вопроса и разбирали его подробно ¹⁾. Но если и нужно признать теперь необходимой эту частную и общественную сторону служенія и дѣятельности нашихъ пастырей, то во всякомъ случаѣ признать ее съ нѣкоторымъ ограниченіемъ и непременно съ такимъ условіемъ, чтобы она никоимъ образомъ не мѣшала пробужденію и развитію въ нихъ *пастырски-молитвеннаго* духа, составляющаго ихъ главное и неощѣнимое сокровище. Безъ этого пробужденія и развитія въ пастыряхъ молитвеннаго духа, безъ этого горѣнія и пламенѣнія въ нихъ духа молитвы, безъ этого усердія ихъ вообще въ службѣ церковной ради Господа и ради душевнаго блага пасомыхъ (Рим. XII, 11), никакое другое служеніе ихъ не будетъ благоплодно и спасительно. Съ развитіемъ же въ нихъ искренняго молитвеннаго духа и это послѣднее становится особенно благопотребнымъ и многополезнымъ во всякое

¹⁾ См. наши проповѣди (Слова, Рѣчи и Бесѣды), какъ богослужебныя, такъ и внѣбогослужебныя, на разные случаи изъ церковно-общественной жизни. Томъ II. 1894—1898 гг. Москва 1903 г., стр. 9—17.

время, особенно же въ настоящее, тревожное и смутное, время, переживаемое всѣми истинно-русскими людьми.

Сама современная жизнь указываетъ тамъ на то, какъ, съ одной стороны, должны быть возжелѣнны и дороги въ глазахъ нашихъ всѣ истинные пастыри—молитвенники, и какъ, съ другой стороны, должны быть нежелательны и опасновредны пастыри Церкви, не имѣющіе въ себѣ этого духа молитвы и лишившіеся его въ жизни какимъ-либо образомъ, хотя и съ успѣхомъ проходящіе иногда общественное служеніе свое на развѣхъ поприщахъ жизни. Живымъ примѣромъ и образцемъ пастыря—молитвенника для всѣхъ насъ, пастырей Россійской Церкви, служить, конечно, всѣмъ извѣстный и досточтимый пастырь, выздоравливающій теперь на радость и счастье всей Россіи послѣ тяжелой болѣзни своей, постигшей его въ послѣднее время, о. Іоаннъ Кронштадтскій—этотъ, можно сказать, полный и преизливающійся сосудъ благодати Божіей. Какъ самъ онъ проводитъ все время въ собранности пастырскаго духа, въ молитвѣ и подвигѣ духовномъ, представляя собою, по-истинѣ, живое и постоянное воплощеніе христіанскихъ добродѣтелей: такъ и другихъ пастырей Церкви онъ учитъ тому же самому. Перечитайте, напр., его дневникъ, въ особенности тѣ чудныя мѣста изъ него, гдѣ говорится о молитвѣ, какъ необходимой принадлежности пастырскаго служенія, и вы убѣдитесь, чѣмъ славенъ въ настоящее время этотъ духовный пастырь, котораго такъ „любить нашъ народъ“, по выраженію покойнаго Государя Императора Александра III, и котораго „жизнь“ является столь „драгоценною для всей Россіи“, по выраженію нынѣ здравствующаго Государя Императора Николая II. Онъ, этотъ пастырь, славенъ не подвигами своими, проявленными имъ на поприщѣ общественнаго служенія людямъ и выразившимися въ устроеніи имъ домовъ трудолюбія съ цѣлію благотворительности, а славенъ подвигами своими, обнаруженными имъ во внутренней жизни своего духа и состоящими въ силѣ и дѣйствительности его молитвы. Какъ это должно быть назидательно и утѣшительно для всѣхъ насъ, пастырей Церкви!

Съ другой стороны, печальный типъ пастыря Церкви, какъ общественнаго дѣятеля и руководителя народнаго, но безъ духа молитвеннаго и религіознаго настроенія въ сердцѣ, представляетъ намъ, сдѣлавшійся теперь также общеизвѣстнымъ чрезъ грустное событіе 9-го января въ Петербургѣ, священникъ Гапонъ—этотъ одинъ изъ числа многихъ, можетъ быть, подобныхъ ему, современныхъ пастырей Церкви новаго духа и направленія. Чѣмъ-же особенно зарекомендовалъ себя этотъ духовный пастырь? Чѣмъ онъ прославился въ исторіи или, лучше сказать, чѣмъ опозорилъ себя и все духовное сословіе русской земли? По словамъ кн. Мещерскаго, описавшаго въ своихъ дневникахъ ¹⁾ тяжкіе Петербургскіе дни, имъ лично пережитые, „священникъ пересыльной тюрьмы, Гапонъ, является во главѣ рабочихъ стачекъ. Около года назадъ этотъ Гапонъ заручился особенною рекомендаціею митрополита Антонія и подъ ея защитой явился къ покойному Плеве, и такъ его очаровалъ своими златоустыми рѣчами о стремленіи его апостольской души къ уходу за рабочими, что, посадивъ его въ церковь пересыльной тюрьмы, Плеве далъ ему пропускъ ко всѣмъ фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ. И вотъ онъ, говорятъ, цѣлый годъ, подъ маской апостола всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, занимался умами и душами фабричныхъ рабочихъ до первой, имъ же уготованной, забастовки на Путиловскомъ заводѣ, а затѣмъ, будто, онъ сорвалъ съ себя маску и прямо заявилъ, что теперь у него задача новая—вести рабочихъ путемъ стачекъ къ пріобрѣтенію какихъ-то политическихъ правъ“... Какъ вель этотъ пастырь Церкви рабочихъ, обманутыхъ имъ, къ своей цѣли, и какъ шли эти рабочіе во главѣ его, съ крестами, иконами и хоругвями, тяжело даже вспоминать теперь.

Обратимъ лучше вниманіе свое на то, какъ могъ образоваться среди насъ такой пастырь въ настоящее время? По словамъ кн. Мещерскаго, вся суть пастырства этого своеобразнаго духовнаго пастыря заключается именно въ *златоустыхъ рѣчахъ* его. И дѣйствительно, этими рѣчами своими онъ увлекаетъ сперва двухъ сановниковъ нашихъ, а затѣмъ увле-

¹⁾ См. „Гражданинъ“. 1905 г. № 3—5.

каетъ и простыя души рабочихъ людей. Такъ дѣйствовали священникъ Гапонъ своими рѣчами, возбуждая страсти народныхъ. Но такъ же стараются дѣйствовать теперь и въкоторыя другіе священники. О, если бы они дѣйствовали только ко благу Церкви и Государства, а не ко вреду ихъ! Еслибы они употребляли слово свое,—это живое и могучее орудіе духа человѣческаго,—на созиданіе, а не на разореніе ближнихъ, пасомыхъ ихъ!..

Къ сожалѣнію, можно опасаться, чтобы въ настоящее время не развелись у насъ священники въ духѣ и направленіи гапоновскомъ. И пусть бы наши священники были истинными ораторами и лекторами не съ церковной только кафедры въ храмахъ Божіихъ, а и съ кафедръ учительскихъ въ школахъ и аудиторіяхъ народныхъ, но были бы такими именно ораторами и лекторами въ духѣ и направленіи Православной Церкви. Но вотъ бѣда—они являются иногда ими въ духѣ свѣтскихъ либеральныхъ болтуновъ и говоруновъ. Пусть бы такіе священники были духовными сочинителями; но они являются иногда свѣтскими преимущественно писателями съ развязнымъ и фельетоннымъ пошибомъ пера. Съ цѣлю такого писательства они пристраиваются удобно не при храмѣ Божіемъ и не при училищѣ, а при редакціи какой-нибудь свѣтской либеральной газеты. За примѣрами намъ опять ходить далеко нечего. Кто изъ насъ не знаетъ, напр., про о. Петрова—этого пресловутаго священника въ современномъ духѣ и направленіи? А вотъ, на дняхъ, мы услышали изъ газетъ про новаго священника, нѣкоего Рахманова, который, при прощаніи съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскимъ, высказалъ восторженную похвалу въ честь его политики „довѣрія“, по случаю, даннаго имъ, „выхода, простора и свободы давно клокотавшему подъ землей источнику живой воды“, отъ котораго будто бы, по словамъ этого священника, „потекли потоки живительной влаги по всему лицу земли русской“¹⁾. Можно только удивляться подобнымъ сужденіямъ пастыря, высказываемыми по поводу событій, неподлежащихъ его компетенціи. Каковы бы ни были личныя мнѣнія пастыря,

1) См. телеграмму изъ Петербурга отъ 26 января 1905 года.

но ихъ нельзя смѣшивать или отождествлять съ духомъ и ученіемъ нашей Православной Церкви. Боже мой, до чего мы дожили! Кажется, дальше идти уже некуда. „Соль земли“ (Матѳ. V, 13), о которой говорилъ Христосъ Спаситель своимъ ученикамъ и которая должна быть приправою для здоровой пищи людей, начинаетъ портиться и „терять“ свою „силу“ (ib). „Свѣтъ міра“ (Матѳ. V, 14), о которомъ говорилъ Христосъ тѣмъ же ученикамъ и который долженъ освѣщать людямъ истинный путь жизни, начинаетъ меркнуть и коптѣть. Вотъ о чемъ намъ слѣдуетъ теперь плакать и плакать горькими слезами!..

Но если въ настоящее время и не изсякли еще совсѣмъ въ нашемъ отечествѣ пастыри—молитвенники, пастыри, обладающіе религіозно-молитвеннымъ настроеніемъ въ сердцѣ, то какъ скромны и неизвѣстны они теперь! Такъ скромны и неизвѣстны, что имъ хотятъ даже отказать въ ихъ вліяніи и руководительствѣ на народныя массы. Но какая громадная и непоправимая ошибка! Что легче, скажите, выработать въ пастыряхъ Церкви: умъ или сердце, слово или дѣло, писательство или молитву? Конечно, умъ, слово, и писательство выработать въ пастыряхъ гораздо легче, нежели выработать въ нихъ сердце, дѣло, молитву... Какой-же, спросимъ въ заключеніе, наиболѣе желательнъ въ настоящее время типъ духовнаго пастыря? На этотъ вопросъ мы должны дать такой отвѣтъ: наиболѣе желательнымъ типомъ духовнаго пастыря является, по нашему мнѣнію, типъ именно *пастыря—молитвенника*. Тогда только наше отечество можетъ выйти изъ своего теперешняго затруднительнаго, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, состоянія, когда въ немъ будетъ какъ можно больше пастырей-молитвенниковъ, пастырей, проходящихъ свой подвигъ личнаго самоусовершенствованія въ тишинѣ и безъизвѣстности, а не пастырей только громкихъ словъ и шумной общественной дѣятельности. Не Гапоны и имъ подобные, новѣйшей формациі, пастыри Церкви спасутъ Россію отъ гибели, въ которую хотятъ вовлечь ее наши враги, а спасутъ ее Іоанны Кронштадскіе—эти пастыри, сильные духомъ пастырской молитвы и

вліятельные своимъ благочестіемъ на души пасомыхъ, совершающіе свое служеніе въ духѣ истинно Христовомъ и Апостольскомъ...

Священникъ Димитрій Ромашковъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА МИССІОНЕРА.

VI.

Низшіе члены клира на миссіонерской нивѣ.

То несомнѣнно, что каждый приходской священникъ есть *первый и непрерывно* дѣйствующій въ своемъ приходѣ миссіонеръ. Такъ говорятъ намъ и утвержденныя Св. Синодомъ „Правила объ устройствѣ миссій“ (п. 8-й) и извѣстная „Пастырская Миссіонерская Памятка“ (§ 1). Но если изъ области теоретическихъ построеній мы спустимся въ сферу практической жизни, то увидимъ здѣсь нѣчто совсѣмъ другое: изъ всѣхъ членовъ клира приходскій священникъ является не только *первымъ*, но и *единственнымъ* миссіонеромъ. За крайне рѣдкими исключеніями, наши о.о. діаконы и псаломщики стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ миссіонерскаго дѣла въ приходѣ. Хорошо-ли это? Нѣтъ и нѣтъ!... Не хорошо это для дѣла миссіи, не хорошо и для самихъ низшихъ членовъ клира. Миссіонерское дѣло очень сложное и трудное... Возлагать непрерывное веденіе его въ приходѣ исключительно на приходскаго священника нельзя. Доказывать это нѣтъ надобности. Да и вообще, чѣмъ больше „дѣлателей“ на миссіонерской нивѣ, тѣмъ лучше для дѣла миссіи. Сверхъ того, полное бозучастіе о.о. діаконѣвъ и псаломщиковъ въ дѣлѣ миссіи, какъ въ дѣлѣ по преимуществу боевомъ, ровняетъ ихъ престижъ въ глазахъ прихожанъ—крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, простой православный мужичекъ мало-мальски грамотный, подъ давленіемъ сектантской пропаганды, покупаетъ „Новый Завѣтъ“, самъ или при помощи миссіонерскихъ листовъ и брошюръ отыскиваетъ тамъ текстъ, хотя бы изъ Ев. Мѣ. 26 гл. 26 ст., и побѣдоносно доказываетъ сектанту, что въ таинствѣ св. причащенія хлѣбъ есть *Тѣло* Христа... Народъ слушаетъ и дивится мудрости

„Наумыча“. И хвала „Наумычу“!.. А вотъ о. діаконъ и псаломщикъ даже заговорить съ сектантомъ, нерѣдко круглымъ невѣждою, боятся! Право это весьма и весьма некрасиво...

И почему-бы нашимъ о.о. діаконамъ и псаломщикамъ не взяться за чтеніе Библии и за миссіонерское изученіе ея?!... Вѣдь, думаю, ни одинъ священникъ не отказываетъ имъ въ руководствѣ. Да и самому можно, взявъ въ руки Библию, при помощи извѣстнаго „Щита Вѣры“ или хотя-бы „Православнаго Противосектантскаго Катихизиса“ Д. И. Боголюбова, научиться дѣлу миссіи пастолько, чтобы сѣумѣть дать большинству сектантовъ отвѣтъ на множество спорныхъ вопросовъ. Лишь-бы было желаніе, а „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“! И попробуй гдѣ либо о. діаконъ или псаломщикъ заняться дѣломъ миссіи, какъ тотчасъ подыметъ ихъ авторитетъ въ глазахъ народа, какъ тотчасъ они сами почувствуютъ, что нужны они народу не только какъ „требосправители“, но и какъ защитники его вѣры и святынь... Я не говорю уже о томъ, какую цѣнную услугу такіе о.о. діаконы и псаломщики окажутъ приходскому священнику въ дѣлѣ борьбы его съ сектантствомъ и какъ это духовно объединить всѣхъ членовъ причта!..

Итакъ, Богъ въ помощь вамъ, о.о. діаконы и псаломщики! Выходите поработать на миссіонерской нивѣ Христовой. Здѣсь жатвы много, а дѣлателей мало!..

И. Айвазовъ.

Харьковъ. Малая-Понасовская, 35.

Къ вопросу о взаимоотношеніи воспитанія и обученія въ начальныхъ школахъ.

Вопросъ о правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ и въ частности въ *начальныхъ народныхъ* школахъ въ настоящее время возбуждаетъ общее вниманіе. Неудовлетворительность современной постановки школьнаго дѣла, чувствуется всѣми; высказывалось и высказывается немало проектовъ улучшенія, *оздоровленія начальной* школы. Чаше и чаще среди другихъ голосовъ стали теперь раздаваться голоса за необходимость *полнаго взаимоотношенія воспитанія и обученія* въ народной школѣ.

Уясненію вопроса о взаимоотношеніи воспитанія и обученія въ начальныхъ народныхъ школахъ мы и намѣрены посвятить предлагаемый очеркъ. Для своей цѣли мы считаемъ весьма полезнымъ и небезынтереснымъ прослѣдить развитіе *идеи народной школы* въ новѣйшей русской педагогикѣ (съ пол. XVII в.). Исторія народной школы покажетъ намъ наглядно, насколько дѣйствительно необходимо полное взаимоотношеніе обученія и воспитанія въ школѣ, и дастъ намъ возможность точнѣе опредѣлить границы этого взаимоотношенія.

Народная школа возникла впервые у насъ въ Россіи, вскорѣ послѣ введенія здѣсь христіанства, и возникла, какъ результатъ этого событія.

Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ христіанствомъ появились на Руси церковныя книги, явилась потребность въ грамотныхъ людяхъ, явилась, слѣдовательно, нужда и въ школахъ. Первые христіанскіе князья—Владиміръ и Ярославъ—ясно сознавали эту нужду и заботились о заведеніи и возможно большемъ распространеніи народныхъ училищъ; ревностная забота о первоначальномъ народномъ образованіи посредствомъ распространенія училищъ преемственно передавалась въ потомствѣ Владиміра въ теченіе XI—XIII вѣковъ. Но нашествіе монголовъ задержало широко распространившееся народное образованіе и затормозило развитіе народныхъ школъ до самаго конца XVI столѣтія.

Послѣ Монгольскаго нашествія положеніе народныхъ школъ въ Россіи было крайне печальное: разоренныя школы плохо возобновлялись, новыхъ почти не возникало. Въ XVIII вѣкѣ, въ періодъ преобразовательныхъ реформъ Петра, являются чисто свѣтскія народныя училища, такъ наз., цифирныя школы, которыя должны были служить не только духовному сословію, но и мірянамъ ¹⁾. Предметы обученія были здѣсь самыя элементарныя, а цѣль обученія состояла въ томъ, чтобы приготовить пригодныхъ для государства лицъ. Но и эти школы, въ виду несочувственнаго отношенія къ нимъ народа, падали и закрывались. Однимъ словомъ, на Руси до конца XVIII столѣтія, если и были школы, то лишь практическаго направле-

¹⁾ Р. Шк. 1892 г. № 7, стр. 21

пія, приготавлившія или священниковъ, или государственныхъ чиновниковъ, дающія знанія, а не развивающія духовныхъ способностей человѣка. Въ такомъ положеніи находился вопросъ о народныхъ училищахъ къ концу XVIII вѣка.

Начавшееся съ конца XVIII столѣтія движеніе въ пользу народнаго образованія въ Западной Европѣ отразилось и у насъ въ Россіи. Почти одновременно съ Пруссіей и Австріей и здѣсь Правительство принялось за учрежденіе народныхъ училищъ ¹⁾. 1786 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Указомъ 5 августа повелѣно было открывать училища народныхъ по всѣмъ значительнымъ городамъ Россіи; тогда-же былъ изданъ и *первый Уставъ* о народныхъ школахъ, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: а) образованіе дѣлалось доступнымъ для дѣтей всѣхъ сословій; б) обученіе было бесплатное; в) программа въ главныхъ народныхъ училищахъ болѣе сложная, въ малыхъ—болѣе элементарная ²⁾. Графъ Д. А. Толстой такъ говоритъ о значеніи этого событія: „Уставъ народныхъ училищъ“ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ законодательнымъ актамъ царствованія Екатерины; имъ положено основаніе общему народному образованію въ Россіи. Опыты Петра распространить просвѣщеніе въ странѣ посредствомъ цифирныхъ школъ не удались... Потомъ, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, были основаны только сословныя учебныя заведенія въ столицахъ. Въ провинціяхъ-же существовали только духовныя учебно-воспитательныя заведенія съ своеобразнымъ курсомъ, съ устарѣлыми методами ученія, свѣтскихъ-же училищъ почти не было“ ³⁾. До этого времени русская народная школа служила не культурнымъ задачамъ общаго образованія народа, но являлась слугою церкви, и преслѣдовала особую специфическую задачу—распространеніе въ народѣ религіознаго образованія. Школа образовывала въ русскихъ не „человѣка вообще“, а специально „православнаго“ ⁴⁾. Со времени Екатерины проникаетъ и

1) Р. Шк. 1890 г. № 9, стр. 40.

2) Русскій Педаг. Вѣстн. 1858 г. № 7, стр. III.

3) Р. Школа. 1890 г. № 9, стр. 32.

4) О. И. Леонтьевъ. Школьный вопросъ въ древней Россіи. Стр. 43.

сюда взгляды Песталоцци. Воспитать „человѣка вообще“, воспитать и развить всѣ его способности тѣлесныя, умственныя и нравственныя—стало задачею нашей народной школы. Отселѣ были положены прочныя начала той организаціи школьнаго дѣла въ Россіи, которая въ коренныхъ своихъ основахъ держится до нашихъ дней ¹⁾. Методы и способы преподаванія, указываемые въ уставѣ 1786 года, были западныя, иноземныя ²⁾. Преподавались въ малыхъ школахъ или низшихъ народныхъ училищахъ, согласно Уставу, чтеніе книгъ церковной и гражданской печати, письмо, ариметика, катехизисъ и священная исторія, чистописаніе, рисованіе и пѣвіе; въ высшихъ-же—къ этому добавлялись: исторія, географія, геометрія, физика, естественная исторія, иностранныя языки.

Но заботы Екатерины о школахъ не имѣли успѣха: до учрежденія земствъ идея—воспитать человѣка оставалась лишь въ теоріи, на дѣлѣ-же школы попрежнему оставались съ чисто-практическимъ направленіемъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій настоящаго столѣтія въ Россіи смѣняется множество взглядовъ на задачи народной школы и на постановку школьнаго дѣла. Мы находимъ возможнымъ указать 3 періода въ исторіи развитія народной школы на Руси въ XIX вѣкѣ: первый—до Николая I, второй—отъ Николая I до Александра II и третій со времени Александра II до нашихъ дней.

При Александрѣ I для управленія народнымъ образованіемъ было учреждено отдѣльное самостоятельное вѣдомство—Министерство Народнаго Просвѣщенія. Народныя училища поставляли своею цѣлью доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предрасудки, указывались посему столь-же разнообразныя и многочисленные предметы преподаванія, какъ и въ указѣ 1786 года. Ясно, что эти школы, общія для всѣхъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 44.

²⁾ Р. Шк. 1890 г. № 9, стр. 18—19.

сословіи, снабжая учениковъ различными познаніями, были въ своемъ родѣ *Kennissenchulen*....

Въ 1819 году, по предложенію С. С. Уварова, главное правленіе училищъ утвердило новое росписаніе предметовъ для народныхъ школъ, по которому въ приходскихъ училищахъ обучали только „чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ ариметики, катихизису и священной исторіи, и указало на новый методъ, способствующій дѣйствительному обогащенію ума полезными и нужными истинами.

Очевидно, уже въ первой четверти XIX вѣка ясно сознавали, что цѣль народной школы не исчерпывается лишь сообщеніемъ знаній, что безъ ущерба для дѣла можно сократить ея курсъ и позаботиться при этомъ о воспитаніи ¹⁾. Въ 1824 году Министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишковъ выразилъ мысль, что излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено сообразно съ званіями, къ которымъ учащіеся предназначаются. Не должно терять изъ виду того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣйствія нравственности. Это были, такъ сказать, уже узко-практическіе взгляды. Школы, создаваемыя въ силу такихъ взглядовъ, выпускали лишь чиновниковъ, солдатъ, ремесленниковъ и другихъ нужныхъ для государства лицъ.

При Николаѣ I, уставомъ 1828 года, народныя школы окончательно перестаютъ быть приготовительными учебными заведеніями къ гимназіямъ, и такимъ образомъ еще болѣе упрочиваются за школою ея узко-практическія задачи.

Позднѣйшими педагогами были подмѣчены и указаны недостатки нашихъ прежнихъ народныхъ школъ. Такъ, по опредѣленію Н. И. Пирогова, „несостоятельность нашихъ школъ состояла въ томъ, что онѣ, имѣя преимущественною цѣлью—практическое образованіе, не могли въ то же время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіе нравственной стороны ребенка“. Формальный и матеріальный принципы, по Пирогову

¹⁾ Л. Н. Толстой, впрочемъ, и теперь еще держится того взгляда, что воспитаніе не входитъ въ задачи школы. (См. педагог. статью).

и Стоюнину, нераздѣльны при обученіи ¹⁾. „Давайте ученику такого матеріала, съ которымъ онъ могъ-бы постепенно вышаться отъ низкихъ понятій къ высшимъ и помогайте ему развиваться“, говоритъ В. Я. Стоюнинъ ²⁾. „Истинная нравственность, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, крѣпка и сильна только убѣжденіями человѣка, а здравыя человѣческія убѣжденія вырабатываются только на основаніи познаній, добытыхъ наукою“... Задачи русской народной школы, замѣчаетъ г. Рачинскій, труднѣе и шире, чѣмъ задачи какой-нибудь сельской школы въ мірѣ. Чтобы встать на высоту этихъ задачъ, ей предстоитъ выработать себѣ особый типъ учебный и нравственный, которому нѣтъ образца въ школахъ Западной Европы ³⁾.

Программа народныхъ школъ такъ опредѣляется новѣйшими педагогами: „Народное училище не готовитъ ремесленниковъ или землевладѣльцевъ, но воспитываетъ людей, а потому и должна сообщать не спеціальныя, а общія начальныя свѣдѣнія, необходимыя всякому человѣку, на какую дорогу его ни бросила-бы судьба“ ⁴⁾. „Программа народныхъ школъ, говоритъ Л. Н. Толстой, опредѣляется требованіями народа ясно и твердо: славянскій, русскій языки и ариметика до высшей возможной степени и ничего, кромѣ этого“ ⁵⁾. Методы, указываемые позднѣйшими педагогами для преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, настолько разнообразны и многочисленны, что разбирать и указывать ихъ достоинства и недостатки весьма затруднительно.

Въ настоящемъ своемъ видѣ русская народная школа получила свое начало послѣ великой реформы—освобожденія крестьянъ и открытія земскихъ учрежденій въ 1861 году. Учрежденныя повсюду *земства*, по 2-й ст. VII пункта „о земскихъ учрежденіяхъ“, призывались къ дѣятельному участию въ народномъ образованіи. Въ 1864 году издается „положеніе о народныхъ училищахъ“, которое носитъ на себѣ сильныя слѣды за-

1) В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія, Ц-бургъ, 1892 г., стр. 426.

2) Тамъ же, стр. 425.

3) С. Рачинскій. Запѣтки о сельскихъ школахъ, стр. 82.

4) Корфъ. Русская нач. школа, стр. 81.

5) Педагогич. статья графа Л. Н. Толстого, изд. 1886 г., стр. 419—420.

ладно-европейской педагогики ¹⁾. Съ этого времени число народныхъ школъ начинаетъ быстро расти.

Народныя школы окончательно перестаютъ быть элементарными, подготовительными учрежденіями; въ отношенія между учителями и питомцами вмѣсто прежней розги вводится гуманизмъ и внѣшняя жизнь школы замѣтно возвышается. „Народныя училища, читаемъ мы въ этомъ положеніи, имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія“. Предметы учебнаго курса въ этихъ школахъ назначаются слѣдующее: Заковъ Божій (священная исторія и краткій катихизисъ), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариметики и, гдѣ представится возможность, церковное пѣніе.

Существовавшія съ самыхъ древнихъ временъ школы церковныя также возобновились и реформировались. 13-го іюня 1884 года были Высочайше утверждены новыя правила церковно-приходскихъ школъ. Курсъ обученія въ нихъ состоялъ изъ тѣхъ же предметовъ, что и въ школахъ земскихъ, но въ преподаваніи преобладало религіозное направленіе, такъ какъ онѣ всецѣло были переданы въ руки духовенства. Эти правила какъ бы обособляютъ церковно-приходскую школу отъ всѣхъ прочихъ училищъ, учреждаемыхъ другими правительственными вѣдомствами, земствами и т. п.

Связь между этими двумя типами школъ чисто формальная. Такимъ образомъ, въ Россіи существуетъ теперь два самостоятельныхъ, отдѣльныхъ высшихъ правительственныхъ органа, вѣдающихъ начальное народное образованіе, и два рода начальныхъ народныхъ школъ — *земскія* и *церковно-приходскія*, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ многочисленныхъ сторонниковъ.

Мы не беремъ на себя труда судить о различныхъ преимуществахъ той и другой школы. Въ защиту каждой изъ нихъ появлялось уже не мало статей и замѣтокъ. Замѣтимъ

¹⁾ Это вліяніе сказалось, по нашему мнѣнію, между прочимъ и въ томъ, что земскія школы были удалены отъ вѣдѣнія духовной власти и всецѣло подчинены Мѣнистерству Народнаго Просвѣщенія.

вообще, что признавать какую-либо изъ нихъ за совершенную, вполне нельзя: и та и другая школа имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды,—но можно: лишь болѣе склоняться на сторону одной изъ нихъ—или земской или церковно-приходской. Предпочтеніе, конечно, должно отдать той школѣ, которая болѣе удовлетворяетъ запросамъ и потребностямъ обучающихся въ нихъ сословіи.

Какая-же изъ двухъ указанныхъ школъ болѣе пригодна для жизни народа? Отвѣтъ на этотъ вопросъ явится самъ собою, когда мы выяснимъ напередъ задачи нашей народной школы и укажемъ лучшіе способы ихъ осуществленія; однимъ словомъ, когда мы представимъ, какова должна быть русская народная школа по своей идеѣ.

По условіямъ этой общественной среды, для которой предназначена наша народная школа, она должна быть не только благоустроенною общественною школою, но и въ самомъ строгомъ смыслѣ народною, т. е. иначе сказать, она должна отвѣчать нуждамъ современной народной крестьянской жизни. Въ чемъ-же заключаются запросы народа въ области образованія, вытекающіе изъ самаго строя его жизни? Вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго можетъ гарантировать народному образованію, широкое и глубокое развитіе, можетъ сдѣлать благоустроенную народную школу неотъемлемою принадлежностью каждаго крестьянскаго общества.

На каждомъ шагѣ нашъ крестьянинъ платится за свою безграмотность и невѣжество; смутно сознаетъ это онъ самъ и съ надеждою устремляетъ свои взоры въ свою школу; онъ охотно посылаетъ туда своихъ дѣтей обучаться грамотѣ. Отсюда, первоначальный и ближайшій долгъ нашей народной школы: состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать учениковъ грамотными. Грамотность, по общему мнѣнію, служить какъ-бы ключемъ къ удобнѣйшему обогащенію, человѣка нужными свѣдѣніями. Она даетъ ему матеріалъ для умственныхъ занятій, утверждаетъ и расширяетъ его познанія, дѣлаетъ его участникомъ въ жизни общественной, въ религіозномъ богослуженіи и пр.

„Грамотность, говоритъ Э. М. Уманецъ, составляетъ общій, одинаковый для всѣхъ фундаментъ народнаго образованія...

Это, ключъ, посредствомъ котораго человекъ проникаетъ во всѣ познанія“¹⁾. Польза, и практическое положеніе грамотности къ жизни нашего простаго народа до того общепризнавы, что о нихъ едва ли нужно и говорить. „Особенно въ крестьянскомъ быту, говоритъ г. Миропольскій, грамота дорога. Несетъ ли крестьянинъ подати, ему нужно расписаться, Написать письмо, записать долгъ, приходъ и расходъ, учесть количество хлѣба въ общественныхъ магазинахъ и т. д. все это можетъ самъ сдѣлать только грамотный“²⁾. На народной школѣ поэтому лежитъ обязанность научить учениковъ хорошо читать, образовать у нихъ четкій почеркъ и приучить ихъ со смысломъ написать что-либо въ случаѣ надобности, сѣумѣть составить счетъ и сдѣлать простое вычисленіе чего-либо по хозяйству или промыслу у себя или сосѣда.

Въ частности, при обученіи чтенію школа должна выдвинуть его великія цѣли: съ одной стороны приучить дитя понимать читаемое, а съ другой—выражать въ словѣ свои мысли. Эти запятія тѣсно связываются и постоянно сопровождаются письменными упражненіями, имѣющими цѣль приучить дитя думать надъ тѣмъ, что оно передаетъ письму. Послѣдовательный рядъ такихъ занятій чрезъ три года доведетъ дитя до способности: 1) читать, какъ слѣдуетъ читать, понимать читаемое; 2) передавать изустно въ послѣдовательности и возможной полнотѣ и ясности прочтенное; 3) выражать какъ чужія, такъ и свои мысли на письмѣ правильною рѣчью. Если задача эта будетъ исполнена удовлетворительно, школа сдѣлаетъ для народа свое дѣло просвѣщенія. Дитя, оставляя, по истеченіи трехъ лѣтъ, школу немного будетъ имѣть свѣдѣній, но оно вынесетъ изъ школы свѣтъ разумѣнія, оно станетъ читать, давая себѣ отчетъ въ прочитанномъ, извлекая полезное, усвоая его.

При обученіи счету школа должна съ одной стороны сообщать мысли дитяти сообразительность и строгую вѣрность выводовъ основаніямъ, а съ другой—имѣть въ виду примѣненіе

1) Уманецъ. Образовательныя связи Россіи.

2) Миропольскій. Обученіе письму въ нач. школѣ.

ариѳметики къ чисто практическимъ потребностямъ. „Нашъ крестьянинъ, говоритъ г. Лубенецъ, долженъ умѣть вычислить стоимость прокормленія скота, выгоду воздѣлыванія одного поля предъ другимъ и производить учетъ сельскимъ общественнымъ суммамъ... По этому ариѳметическія вычисленія и выкладки должны систематически, по возможности чаще, прикладываться къ рѣшенію самыхъ живыхъ, практическихъ вопросовъ сельской жизни: почва, удобреніе, урожай, скотоводство и пр. должны встать въ прямое служебное отношеніе къ изученію практическаго курса ариѳметики“¹⁾). Начиная умственнымъ счисленіемъ чиселъ перваго десятка, переходя, затѣмъ, къ такому-же умственному занятію съ сотнею и тысячею и сопровождая эти занятія письменными упражненіями въ счетѣ, при помощи наглядныхъ мѣръ, дитя достигнетъ, наконецъ, умѣнья справиться умственно и письменно со всѣми четырьмя дѣйствіями надъ числами и производить тѣ и другія вычисленія въ видѣ задачъ. Оставляя школу, дитя вынесетъ изъ нея прекрасную подготовку къ жизни чрезъ приложеніе къ ея вѣдамъ добытаго умѣнья считать, соображать, свѣрять. Для него, затѣмъ, не трудно будетъ дополнять и усовершенствовать свое знаніе счета при каждомъ хозяйственномъ предпріятіи, договорѣ, сдѣлкѣ. Предварительно онъ всякое дѣло свое освѣтитъ тѣмъ лучемъ соображенія, которымъ свѣтила ему школа, высчитаетъ, представитъ наглядно пользу, возможный убытокъ, потерю и проч.

При обученіи письму задача школы состоитъ въ томъ, чтобы образовать у учениковъ простой, правильный и четкій почеркъ. Здѣсь все дѣло зависитъ отъ количества упражненій учениковъ въ письмѣ; поэтому полезно по возможности чаще заставлять ихъ писать. Вышедши изъ школы, дитя безъ затрудненія запишетъ встрѣчающіяся надобности по хозяйству и пр.

Итакъ, школа должна прежде всего сдѣлать учениковъ грамотными, т. е. обучить ихъ читать, писать и считать. Но грамотность не есть ни единственная, ни главная, а чаще

¹⁾ Г. Лубенецъ. Къ вопросу о методѣ преподаванія ариѳметики въ народныхъ школахъ, стр. 33.

ближайшая цѣль школьнаго образованія. Главный-же долгъ народной школы состоитъ въ воспитаніи дѣтей. „Во всякомъ обученіи и во всякой школѣ, говоритъ Мартенсенъ, должно быть нѣчто центральное, къ которому все другое занимаетъ извѣстное положеніе и которое придаетъ ему его важность. Если постоянно поднимается вопросъ о преобразованіи приходскихъ школъ, съ цѣлью содѣйствія народному образованію, то всѣ такіе поборники культуры упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что тутъ на первомъ планѣ должно стоять не образованіе, а воспитаніе народа. Народная школа является въ своемъ истинномъ свѣтѣ только тогда, когда главнымъ пунктомъ въ ней дѣлается воспитаніе“ ¹⁾. Наши русскіе педагоги воспитательную дѣятельность также считаютъ насущною и необходимѣйшею принадлежностью нашей народной школы. „Народная школа, говоритъ г. Бобровскій въ „Курсѣ практической педагогики“, обязана не только учить, но и воспитывать или лучше перевоспитывать согласно съ духомъ Православной церкви. Г. Бунаковъ выражается еще полнѣе и опредѣленнѣе: „Школа должна не только удовлетворять, но также возбуждать и питать въ народной массѣ потребности, возвышающія человѣческое достоинство; она должна содѣйствовать поднятію уровня народныхъ понятій и способствовать „очеловѣченію“ массы, внося въ жизнь ея какъ можно больше человѣческихъ началъ“ ²⁾. „Воспитаніемъ должна заняться также школа, говоритъ г. Горбовъ въ своей книгѣ „Задачи русской народной школы“. Какъ ни смотрѣть на нее, сколь малое вліяніе ни приписывать ей сравнительно съ вліяніемъ жизни, разъ она, а не семья даетъ грамотность, она же должна дать и руководящіе принципы въ жизни; безъ этихъ принциповъ грамотность есть весьма опасное орудіе. Ни одна школа не отказывается отъ этой задачи“.

С. Ч.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Мартенсъ. Христ. ученіе о нравственности. Перев. Лопухина. Спб. 1890 г., стр. 731—732.

²⁾ Вѣра и Разумъ, за 1889 г. (Библиогр. замѣтки).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

28-го февраля, 1, 2 и 3 марта великій канонъ на повечеріи читали: Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій въ Крестовой Архіерейской церкви, а Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи, — въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 2-го марта преждеосвященныя литургіи совершали: въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, а въ Каѳедральномъ соборѣ—Преосвященный Епископъ Алексій.

— 4-го марта преждеосвященную литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній. Въ концѣ богослуженія, Высокопреосвященный обратился къ молящимся съ поученіемъ о христіанскомъ провозденіи дней св. четырехдесятницы. Преосвященный Епископъ Алексій совершалъ въ этотъ день литургію въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 6-го марта, въ недѣлю Православія, божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершалъ, соборне, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебень „о обращеніи заблуждшихъ“, по особому послѣдованію. Во время пѣнія „Тебѣ Бога хвалятъ“ Владыка и духовенство прикладывались къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери; послѣ же отпуска протодіакономъ были возгласены многолѣтія: Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Правительствующему Синоду и Православнымъ Патріархамъ, — вѣчная память усопшимъ благочестивымъ Императорамъ и Императрицамъ, благовѣрнымъ Царямъ и Царицамъ, блаженнымъ Патріархамъ, Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ и всему освященному клиру, православнымъ княземъ и боярамъ, православнымъ воинамъ, на брани убиеннымъ и всѣмъ за вѣру животъ свой положившимъ и всѣмъ христіанамъ, въ православной вѣрѣ скончавшимся, — и многолѣтіе Правительствующему синклату, военачальникамъ, градоначальникамъ, христіанскому войству и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

— Въ тотъ же день литургію и обрядъ Православія въ Озерян-ской церкви Покровскаго монастыря совершалъ Преосвященный Алексій, Епископъ Сумскій.

— Въ пятницу, 11-го марта, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ соборне, преждеосвященную литургію въ Иоанно-Богословской церкви Харьковскаго мужскаго духовнаго училища. Въ концѣ богослуженія Владыка произнесъ слово.

Приемъ у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ теченіе Великаго Поста.

Приемъ у Его Высокопреосвященства, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго Арсенія, въ теченіе Великаго поста, будетъ только по вторникамъ и четвергамъ, въ 11 часовъ.

Первое Богословское чтеніе въ залѣ Харьковскаго Дворянскаго Собранія.

Въ воскресенье, 6-го марта с. г., состоялось въ залѣ Харьковскаго Дворянскаго Собранія первое научно-богословское чтеніе. Чтеніе было предложено Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Сумскимъ, Викаріемъ Харьковской епархіи. Тема— „Идеаль Христіанскаго воспитанія“. Предъ началомъ чтенія и во время перерывовъ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ были исполнены слѣдующія пѣснопѣнія: 1) «Царю Небесный». 2) «Догматыкъ 8-го гласа». 3) «Блаженіи людіе» музыка Бартянскаго. 4) „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ музыка Веделя. 5) «Достойно есть» Аѳонскаго расцѣва. 6) «Покаянія отверзи ми двери» (тріо) музыка Веделя—исполняли: протодіаконъ Вербицкій, М. Чернуха и Г. Дюковъ. Залъ былъ полонъ слушателями. Во время пѣснопѣнія сестры милосердія производили сборъ на Красный Крестъ.

Памяти † священника Василя Іоанновича Ѳедоровскаго.

11 февраля 1905 года, волею Божіей, скончался отъ сыпнаго тифа священникъ Георгіевской церкви сл. Повленоевъ, Лебедянскаго уѣзда, Харьковской губ. Василій Іоанновичъ Ѳедоровскій. Покойному было только 33 года.

Онъ отличался здоровьемъ и смерть его была большою неожиданностью для его родственниковъ. Онъ былъ сынъ псаломщика. Вслѣдствіе бѣдности родителей, еще въ дѣтствѣ ему пришлось испытать много горя. Послѣ домашней подготовки, онъ на 9 году поступилъ въ Ахтырское Духовное училище, но курса не окончилъ. Послѣ этого.

покойный поступилъ въ Бѣлопольское Городское Училище, а отсюда въ Волчанскую Учительскую Семивнарію, въ которой и окончилъ курсъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ сельскимъ учителемъ сл. Алешни Ахтырскаго у. Затѣмъ былъ учителемъ народнаго училища сл. Ульяновки в Бѣлопольскаго желѣзно-дорожнаго училища Сумскаго у. Всего онъ учительствовалъ не менѣе 6 лѣтъ. Затѣмъ онъ съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ въ 5 классъ Ардонской Духовной Семивнаріи, гдѣ и окончилъ курсъ отменно и былъ посылаемъ въ Казанскую Духовную Академію. Отъ этого предложенія онъ отказался, такъ какъ ему нужно было поскорѣе занять подходящее мѣсто и помогать нуждающимся родственникамъ. По окончаніи курса въ Ардонской Д. Семивнаріи, онъ слушалъ лѣтомъ курсы для учителей при Харьковской Духов. Семивнаріи и того-же, 1898 года женился и поступилъ на священническое мѣсто въ сл. Павленково, гдѣ и священствовалъ до своей кончины.

Покойный былъ всегда трезвый, скромный, привѣтливый, благодушный и благожелательный; онъ никогда ничѣмъ не возбуждалъ намѣренно противъ себя чьего либо недовольства и пользовался симпатіями своихъ сослуживцевъ и прихожанъ. Отпѣваніе тѣла покойнаго совершено было ближайшими священниками. Миръ праху твоему честный, трудолюбивый настырь. Да даруетъ Господь тебѣ блаженство во Царствіи Своемъ!...

Священникъ Ѡ. Ѡедоровскій.

Инопархіальный отдѣлъ.

О современномъ миссіонерствѣ среди старообрядцевъ.

Въ область современнаго миссіонерства надобно отмѣтить двѣ, несомнѣнно, благотворныя мысли: 1) мысль о необходимости мѣръ къ предупреденію нездоровыхъ религіозныхъ направленій въ првходѣ или обеззараживаніи народнои атмосферы, и 2) о необходимости сердечнаго отношенія къ заблуждающимся.

Легче предупредить болѣзни, чѣмъ ихъ лѣчать, говорить медицина; точно также можно сказать, что легче предупредить появленіе въ првходѣ раскола или сектанства, чѣмъ бороться съ ними. И вотъ на этихъ-то мѣрахъ, такъ сказать, санитарнаго характера и сосредоточивается теперь вниманіе. Въ „Олонец. Еп.

Вѣдомостяхъ“ отпечатанъ цѣлый рядъ резолюцій мѣстнаго преосвященнаго, и изъ нихъ ясно видно, какое серьезное вниманіе обращено на оздоровленіе почвы и атмосферы для миссіи. Побольше храмовъ и школъ, введеніе въ школахъ второклассныхъ преподаванія, хотя бы въ краткомъ видѣ, исторіи и обличенія раскола и распространеніе книгъ и брошюръ средъ народа, хотя бы бесплатно,—вотъ о чемъ говорятъ, главнымъ образомъ, эти резолюціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ одобренное Олопецкимъ преосвященнымъ предположеніе устроить передвижныя бібліотеки, состоящія изъ нѣсколькихъ сумокъ съ книгами, полезными для чтенія на вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, и привлеченіе къ участію въ чтеніи грамотняковъ изъ мѣстнаго населенія.

Въ другихъ мѣстахъ обращается особенное вниманіе на улучшеніе вообще условій и порядковъ въ церковной жизни. На пастырскомъ собраніи Ровенскаго у., Полтавской губ., призвано желательнымъ, чтобы молебными и акафистами не затягивать богослужевій, отправляя ихъ послѣ литургій; за то литургія должна совершаться вполне истово, возгласы провозносятся раздѣльно; чтобы Евангеліе читалось на солеѣ, лицомъ къ народу,—главное же,—чтобы ни одна литургія не проходила безъ назиданія прихожанъ поученіемъ, хотя бы и не собственнаго сочиненія, а печатнымъ, но напередъ осмысленнымъ и продуманнымъ. Но важнѣе всѣхъ этихъ мѣръ самое сознаніе необходимости вообще мѣръ къ оздоровленію приходской атмосферы. „Въ селахъ“, пишутъ отцы этого собранія,—„если нѣтъ открытаго сектанства, есть зато нездоровая атмосфера, *стремленіе провѣрить, пообсудить все то, что принималось прежде на вѣру*“. Несомнѣнно, это стремленіе къ провѣркѣ возбуждено школой. И если въ дѣлѣ распространенія школьнаго образованія духовенство проявило въ послѣднее двадцатилѣтіе столько активной дѣятельности, то нельзя того же сказать о его просвѣтительной дѣятельности внѣшкольной—въ устройствѣ собесѣдованій, народныхъ бібліотекъ, даже церковной проповѣди. Не значить ли это то же, что возбуждать жажду, не давая въ то же время пути, утоляющаго ее? Поэтому такія начинанія, какъ постановленіе Херсонскаго и Олопецкаго миссіонерскихъ съѣздовъ, обязавшихъ cadaго миссіонера составить по одному миссіонерскому листку популярно-апологетическаго содержанія,—в одного пастырско-миссіонерскаго собранія въ Вологод. епархіи, обязавшаго cadaго пастыря написать по одному противораскольническому поученію,—такія начинанія надобно счтать явленіями особой важности.

Новый приемъ миссія показали своимъ примѣромъ преосвященные: Исидоръ, быв. Черниговскій, а теперь Нижегородскій викарій, Серафимъ Полоцкій и Антоній Волинскій. Они посѣщаютъ старообрядческія молебни, ихъ собранія и главарей, трапезуютъ съ ними, а преосвящ. Антоній рѣшивъ въ одномъ гнѣздѣ безпоповщинскаго раскола даже совершить освященіе воды по древнему чѣну, взложивъ въ Потребникѣ время патр. Іосифа, в по стариннымъ распѣвамъ; безпоповцы участвовали въ иѣніи; одивъ въ нихъ читалъ Апостоль. Совершеніе этого обряда произвело сильное впечатлѣніе на безпоповцевъ; они не усумнились брать въ себѣ на домъ воду, освященную православнымъ епископомъ, и встрѣтили послѣ его самого внѣ своей молебни съ крестами.

Старообрядцы вообще хвалятъ духовенство православное, когда оно относится къ нимъ сердечно. «Мы не думали», говорятъ они православнымъ о посѣтившемъ ихъ маленькую преосвящ. Полоцкомъ Серафимѣ— „что вашъ архіерей пойдетъ въ нашу моленную.. хорошій у васъ архіерей“.— «Спасибо, хоть ты насъ не ругаешь», говорили епарх. миссіонеру раскольникъ Варнавин. края послѣ одной бесѣды съ ними, хотя онъ не сдѣламъ имъ ни одной уступки. Вотъ что они желали бы видѣть въ православномъ миссіонерѣ.

(С. О.).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Мысли о парламентаризмѣ.

Всѣ выдающіеся умы Европы противъ парламентаризма. Вотъ что, напримѣръ, говорятъ *Нинше* о Россіи: „Россія—единственная держава, у которой въ настоящее время есть будущность, которая можетъ ждать, можетъ обѣщать. Россія—явленіе, обратное жалкой нервности мелкихъ европейскихъ государствъ, для которыхъ съ основаніемъ „Германской имперіи“ наступило критическое время. У всего Запада исчезли тѣ инстинкты, изъ которыхъ вырастаютъ учрежденія, на которыхъ строится будущее; его современному духу ничто, быть можетъ, не противорѣчитъ въ такой степени, какъ эти инстинкты. Люди живутъ торопливо, снимая съ себя всякую отвѣтственность за жизнь, и это называютъ „свободой“.

„Ничто не причиняетъ, далѣе говорятъ *Нинше*, такого вреда свободѣ, какъ общепризнанныя либеральныя учрежденія. Они под-

водять подъ одинъ уровень высокое и низкое, они дѣлаютъ людей мелкими и трусливыми,—въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ въ переводѣ означаетъ торжество „стаднаго начала“.

Ибсенъ устами „доктора Штовмана“ говоритъ: „Опаснѣйшіе среди насъ враги истины и свободы—это сплоченное большинство. Да, проклятое, сплоченное, либеральное большинство!.. Вѣдь именно огромное большинство нашего общества лишаетъ меня свободы, хочетъ воспретить мнѣ говорить правду... Большинство никогда не бываетъ право. Никогда, говорю я! Это общественная ложь, одва изъ тѣхъ общепринятыхъ живыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человекъ. Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно ли, чортъ возьми, чтобъ глупые управляли умными? (*шумъ и крики*) Да! Да! Вы можете перекричать меня, но не опровергнуть мои слова. На сторонѣ большинства сила, къ сожалѣнію, но не право“.

Поль Бурже раздѣляетъ точку зрѣнія Ибсена: „всеобщая подача голосовъ, пишетъ онъ, т. е. *глупая тиранія числа*, царство силы въ формѣ наиболѣе несправедливой и слѣпой, вотъ режимъ, установленный демократіей всюду, гдѣ она восторжествовала. Къ этому она присоединила бѣшенное пробужденіе толпы, всеобщее недовольство судьбою и постоянную угрозу бунтомъ со стороны четвертаго класса, класса нищеты и ненависти къ цивилизаціи, которая обѣщала свободу, равенство, братство и обанкротилась съ этими неосуществимыми обѣщаніями“.

Профессоръ Лабандъ говоритъ: „Если не болѣе какъ *ни на чемъ не основанная и произвольная фикція*, будто большинство депутатовъ парламента выражаетъ волю большинства народа, то эта фикція доводится уже просто до смѣшного, если какая нибудь маленькая кучка, случайно присутствующихъ членовъ парламента, должна представлять собою представительство цѣлаго народа“.

Профессоръ Эдуардъ фонъ-Гартманъ указываетъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы наскоро построенное временное зданіе, въ которомъ мы всѣ чувствуемъ себя стѣсненными и угнетенными, замѣнить новымъ, болѣе прочно устроеннымъ, въ которомъ были бы приняты во вниманіе всѣ серіозныя потребности и которое поэтому было бы болѣе удобообитаемымъ.

Знаменитый писатель *И. Тэнз*, рассказывает такіа прелестя: „механика выборовъ груба, иногда грязна. Кандидаты нанимаютъ отель или гостиницу, держатъ открытый столъ, вина вдоволь, катаютъ избирателей въ своихъ экипажахъ, нанимаютъ музыкантовъ, ораторовъ, которые говорятъ за него въ тавернахъ, иногда людей, которые сыплютъ въ его протпвника яблоками и кулачными ударами. Выборы стоятъ денегъ; избраніе обходится въ пять, шесть тысячъ фунтовъ и болѣе (50,000—60,000 рублей!). Чтобы избиратель побезпокоился и пришелъ подать голосъ, нужно дать ему что нибудь положительное: мѣсто, обѣщаніе мѣста, нѣсколько хорошихъ обѣдовъ, эля и вина, сколько душа приметъ, иногда денегъ“. Всѣ безпристрастные отчеты о выборахъ показываютъ, что множество избирателей не пользуются своимъ правами, что правящая партія и оппозиція заманиваютъ обѣщаніями, прибѣгаютъ къ подлогамъ и подкупамъ при голосованіи, мѣшаютъ свободной подачѣ голосовъ, оказываютъ давленіе на избирателей, не гнушаются грубыми наспліями. Убитые и раненые или посаженные въ тюрьмы избиратели—вотъ наглядное доказательство „свободы, насаждаемой парламентаризмомъ“.

Приводя взгляды на парламентаризмъ многихъ выдающихся Европейскихъ умовъ, А. Каутъ говоритъ: „для устраненія партійной борьбы пзъ за власть, ради пресѣченія злоупотребленій ею, во главѣ Россіи должна стоять неподкупная совѣсть христіанскаго Самодержца“. Вѣчно памятный завѣтъ славянофиловъ: „Царю—свобода рѣшенія; землѣ—свобода мѣвнія“ да послужитъ краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основу обновленія великой, необходимой росіійской державы!

„Заря“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Арсеній, Епископъ Пековскій.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МОНОГРАФІИ ПО ИСТОРИИ МОЛДАВСКОЙ ЦЕРКВИ.

С.-Петербургъ, 1904 годъ. Цѣна 3 рубля.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга продается брошюра
проф. А. А. Спасскаго:

Обращеніе Императора Константина Великаго въ христіанство.

Цѣна 40 коп.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла въ „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Вѣялова.—„Книга Руѣв“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтон.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и соображенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНОНІЙ.
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константъ ИСТОМИНЪ.